

Народное творчество (Фольклор)

**Древние российские
стихотворения, собранные
Киршею Даниловым**

**Народное Фольклор творчество
Кирша Данилов
Древние российские
стихотворения, собранные
Киршею Даниловым**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20617974

Аннотация

Вашему вниманию предлагается сборник древних российских стихотворений собранных Киршей Даниловым.

Сборник Кирши Данилова – первое в истории русской литературы собрание памятников устного народного творчества – былин, исторических песен, скоморошин.

Содержание

Про Саловья Будимеровича	6
Про гостя Терентиша	16
Дюк Степанович	24
Щелкан Дудентьевич	31
Мастрюк Темрюкович	36
Волх Всеславьевич	45
Сергей Хорош	53
Иван гостиной сын	57
Три года Добрынюшка стольничел	63
Про Василья Буслаева	73
О женитьбе князя Владимира	84
Гришка Расстрига	99
На Бузане-острове	102
Ермак взял Сибирь	110
Про Ставра-боярина	118
Иван Гаденович	128
Гардей Блудович	139
чурила Пленкович	145
Василей Буслаев молиться ездил	154
Алеша Попович	165
Добрыня чудь покори	178
Михайла Казаринов	185
Потук Михайла Иванович	195

Сорок калик со каликою	204
Калин-царь	218
Царь Саул Леванидович	227
Агафонушка	239
Садко-богатой гость	242
Михайла Скопин	250
Взятье Казанское царство	258
Под Канатопом под городом	261
Светел-радошен царь Алексей Михайлович	267
Когда было молодцу пора-время великая	269
Под Ригою стоял царь-государь	275
Поход селенгинским казакам	277
По далам девица копала коренья лютая	279
Перед нашими воротами утоптана трава да не жаль добра молодца битова – жаль похмельнова	282
Из Крыму и из Нагаю	283
Покрай моря синего стоял Азов-город	284
Про Бориса Шереметева	288
Благословите, братцы, про старину сказать	291
Про князя репнина	292
Во сибирской украине, во Доурской стороне	294
Никите Романовичу дано село Преображенское	298
Из монастыря Боголюбова старец Игренищо	307
Садков корабль стал на море	312
Добрыня купался – змей унес	319

Первая поездка Ильи Муромца в Киев	324
Илья ездил с добрынею	331
Князь Роман жену терял	337
Во хорошем высоком тереме, под красным косящетым окошком	341
Про атамана польскова	343
На литовском руближе	345
Ох, в горе жить – некручинну быть	349
Во зеленом садочку	350
Чурилья-Игуменья	351
Высота ли, высота поднебесная	355
Про дурня	358
Голубина книга сорока пядень	368
Там на горах наехали бухары	376
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!	377
У Спаса к обедне звонят	379
Теща, ты теща моя	383
Усы, удалы молодцы	384
Кто травника не слышал	388
Свиньи хрю, поросята хрю	392
Стать почитать, стать сказывать	395
О станишниках или разбойниках	396
О Атамане Фроле Минеевиче	398
О Стеньке Разине	400

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым

Про Саловья Будимеровича

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Лёденца,
От того-де царя ведь заморсаго
Выбегали-выгрбали тридцать кораблей,

¹⁰ Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова,
Молода Соловья сына Будимёровича.
Хорошо карабли изукрашены,
Один корабль полутче всех.
У того было сокола у карабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту;
Вместо бровей было прибивано

По черному соболю якутскому,
20 И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острия ножи́ка булатныя;
Вместо ушей было воткнуто
Два во́стра ко́пья мурза́мецкия,
И два горносталя повешены,
И два горнасталя, два зимняя.
У тово́ было сокола у ка́рабля
Вместо гривы прибывано
Две лисицы бурнастыя;
30 Вместо хвоста повешено
На том было соколе-ко́рабле
Два медведя белыя заморския.
Нос, корма – по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владими́ру.
На том соколе-ко́рабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа дорог рыбе́й зуб,
40 Подернута беседа рытым бархотом.
На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович.
Говорил Соловей таково слово́:
«Гой еси вы, гости-карабелы́щики
И все целовальники любимыя!
Как буду я в городе Кие́ве

У ласкова князя Владимера,
Чем мне-ка будет || князя дарить,
Чем света жаловати?».

50 Отвечают гости-карабельщики
И все целовальники любимыя:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей сын Будимерович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторая сорок бурнастых лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости были Царя-града

60 А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре – не погнется».
Прибежали караваны под славной Киев-град,
Якори метали в Непр-реку,
Сходни бросали на крут бережек,
Товарную пошлину в таможене платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну,

70 Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимеру.
Идет во гридю во светлую,
Как бы на пету двери отворялися,

Идет во GRIDню купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович,
Спасову образу молится,
Владимеру-князю кланеется,
Княгине Апраксевной на особицу

80 И подносит князю свое дороги подарочки:

Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущету
Не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусáлима,
Замыслы Соловья сына Будимеровича;
На злате и серебре – не погнется.
Князю дары полюбилися,

90 А княгине наипаче того.

Говорил ласковой Владимир-князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей сын Будимерович!
Займуй дворы княженецкия,
Займуй ты боярския,
Займуй дворы и дворянския».
Отве(ча)е(т) Соловей сын Будимерович:
«Не надо мне двор(ы) княженецкия,
И не надо дворы боярския,

100 И не надо дворы дворянския,
Только ты дай мне загон земли,
Непаханья и неаранья,

У своей, асударь, княженецкой племяннице,
У молоды Запавы Путятичной,
В ее, осударь, зеленóm саду,
[В] вишенье, в орешенье
Построить || мне, Соловью, снаряжен двор».
Говорил сударь, ласковой Владимир-князь:
«На то тебе с княгинею подумаю».

¹¹⁰ А подумавши, отдавал Соловью
Загон земли, непаханья и неаранья.
Походил Соловей на свой червлен карабль,
Говорил Соловей сын Будимерович:
«Гой еси вы, мои люди работныя!
Берите вы тапорики булатныя,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряжен двор
[В] вишенье, в орешенье».

С вечера поздым-поздо,

¹²⁰ Будто дятлы в дерево пощолкивали,
Работали ево дружина хорáбряя.
Ко полуноче и двор поспел:
Три терема златовёрховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,

¹³⁰ На небе заря – в тереме заря

И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна-та Запава пробужалася,
Посмотрела сама в окошечко косящетое,
[В] вишенья, в орешенья,
Во свой ведь хорошей во зеленой сад.
Чудо Запаве показалось
В ее хорошем зеленóм саду,
Что стоят три терема златовёрховаты.

140 Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя санныя девушки!
Подьте-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалось
[В] вишенье, в орешенье».
Отвечают нянюшки-мамушки
И санныя красныя деушки:
«Матушка Запава Путятишна,
Изволь-ко сама посмотреть —

150 Счас(т)ье твое на двор к тебе пришло!».
Скоро-де Запава нарежается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-та шуби три тысячи,
А пуговики в семь ты[ся]чей.
Пошла она [в] вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленой сад.
У первова терема послушела —
Тут в тер[е]му щелчит-молчит:
Лежит Соловьева золота казна;

160 Во втором терему послушела —
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, все молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумными.
У третьева терема послушела —
Тут в терему музыка гремит.
Входила Запава в сени косящетые,
Отворила двери на́ пятау, —
Больно Запава испугалася,

170 Резвы ноги подломилися.
Чудо в тереме показалось:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды.
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвья,
Втапоры Соловей он догадлив был:
Бросил свои звончеты гусли,

180 Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей
Да на те ли перины пуховыя.
«Чево-де ты, Запава, испугалася,
Мы-де оба на возрасте».
«А и я-де, девица, на выдонье,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тут оне и помолвили,

Целовались оне, миловались,
Золотыми перстнями поменялися.

190 Проведала ево, Соловьева, матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончати посрочила:
«Съезди-де за моря синия,
И когда-де там расторгнешься,
Тогда и на Запаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синея.
Втапору поехал и голой шап Давыд Попов,
Скоро за морями исторгуется,
А скорé тово назад в Киев прибежал;

200 Приходил ко ласкову князю с подарками:
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
Втапору князь стал спрашивати:
«Гой еси ты, голой шап Давыд Попов!
Где ты слыхал, где видывал
Про гостя богатова,
Про молода Соловья сына Будимеровича?».
Отвечал ему голой шап:
«Я-де об нем слышел

210 Да и сам подлинно видел —
В городе Леденце у тово царя заморскаго
Соловей у царя в пратомбжье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А карабли ево отобраны
На его ж царское величество».

Тут ласковой Владимир-князь закручинился, скоро
вздумал

о свадьбе, что отдать Запаву за голова шапа Давыда
Попова.

Тысецкой – ласковой Владимир-князь,

Свашела княгиня Апраксевна,

²²⁰ В поездú – князи и бояра,

Поезжали ко церкви божи.

Втапоры в Киев флот пришел

Богатова гостя, молода Соловья сына Будимеровича ко
городу ко Киеву.

Якори метали во быстрой Днепр,

Сходни бросали на крут красен бережек.

Выходил Соловей со дружиною

Из сокола-карабля, || с каликами,

Во белом платье сорок калик со каликою.

Походили оне ко честной вдове Амелфе Тимофевне,

²³⁰ Правят челобитье от сына ея, гостя богатова,

От молода Соловья Будимеровича,

Что прибыл флот в девяносте караблях

И стоит на быстром Непре,

Под городом Киевым.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимиру на
княженецкой двор

И стали во единой круг.

Втапоры следовал со свадьбою Владимир-князь в дом
свой.

И пошли во гридни светлыя,

Садилися за столы белодубовыя,

240 За ества сахарныя,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Тогда ласковой Владимир-князь
Велел подносить вина им заморския и меда сладкия
Тотчас по поступкам Соловья опазновали,
Приводили ево ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, мой сударь дядюшка,
Ласковой сударь Владимир-князь!
Тот-то мой прежней обрученной жених,

250 Молоды Соловей сын Будимерович.
Прямо, сударь, скачу – обесчестю столы».
Говорил ей ласковой Владимир-князь:
«А ты гой еси, Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи, не бесчести столы!».
Выпускали ее из-за дубовых столов,
Пришла она к Соловью, поздаровалась,
Взела ево за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели оне за ества сахарныя,

260 На большо место.
Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давыду Попову:
«Здравствуй женимши, да не с ким спать!».
Втапоры ласковой Владимир-князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

Про гостя Терентиша

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатой гость,
А по имени Терентишша.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А и есть по земчуженке;
10 Ворота были вальящетыя,
Вереи хрустальные,
Подворотина рыбей зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-га валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на сѣреди кроватка стоит,
20 Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.

Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,

30 А пониже ея пупечка
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентишша,
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,

40 Ты поди дохтуров добывай,
Вблхи-та спрашивати».
А втапоры Терентишша
Он жены своей слушелся,
И жену-та во любви держал.
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентишша,

50 У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентишшу веселыя скоморохи.

Скоморохи – люди вежлевые,
Скоморохи очес(т)ливые
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатой гость,
И по имени Терентишша!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,

60 А и ноне ты, Терентишша,
[А] и бродишь по чисту́ полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентишша:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашел,
И не конь-та богатова завез,
Завела нужда-бедность.....

70 У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна,
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.

80 А кто бы-де недугам пособил.

Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без единыя денежки».
Веселыя молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
«Ай ты гой еси, Терентишша,

⁹⁰ Ты нам что за труды заплатишь?».

«Вот вам даю сто рублей!».

Повели ево, Терентишша,

По славному Нову-городу,

Завели его, Терентишша,

Во тот во темной ряд,

А купили шелковой мех,

Дали два гроша мешок;

Пошли оне во червленной ряд,

Да купили червленой вяз,

¹⁰⁰ А и дубину ременчетую —

Половина свинцу налита,

Дали за нее десеть алтын.

Посадили Терентишша

Во тот шелковой мех,

Мехоноша за плеча взял.

Пошли оне, скоморохи,

Ко Терентьеву ко двору.

Молода жена опасливая

В окошечко || выглянула:

110 «Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?».
Говорят веселыя молодцы:
«А и гой еси, молодая жена,
Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатова,
И по имени Терентишша!».
И она спохватилася за то:

120 «Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Где ево видели,
А где про ево слышали?».
Отвечают веселыя молодцы:
«Мы ево слышели,
Сами доподлинна видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по собе ево лежит,
И вороны в жопу клюют».

130 Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселыя скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатова,

Про старово..... сына,
И по имени Терентишша,

140 Во дому бы ево век не видать!».

Веселья скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку.
«Слушай, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентей-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена

150 Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терентишша,
Про старова..... сына:
Во дому бы тебе век не видать!
Шевелись, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентишша,
Лечить молодую жену!
Бери червленой вяз,
Ты дубину ременчетую,

160 Походи-ка, Терентишша,

По своей светлой гридни
И по сѣреди кирпичетой
Ка занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховья,

А лечи-ка ты, Терентишша,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!».

Вставал же Терентишша,
¹⁷⁰ Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчетую —
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентишша,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:

Шлык с головы у нея сшиб,
¹⁸⁰ Посмотрит Терентишша
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую, -
А недуг-ат пошевеливаются
Под одеялом соболиным.
Он-та, || Терентишша,
Недуга-та вон погнал
Что дубиною ременчетою,
А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,

¹⁹⁰ На корачках ползает,
Едва от окна отполоз.
Он оставил, недужишша,
Кафтан хрушетой камки,

Камзол баберековой,
А и денег пять сот рублей.
Втапоры Терентишша
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

Дюк Степанович

Из-за моря, моря синева,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тое Корелы богатыя,
Как есён сокёл вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, -
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович.
По прозванью Дюк был боярской сын.
А и конь под ним как бы лютой зверь,

¹⁰ Лютой зверь конь, и бур, космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне как есён сокёл,
Крепки доспехи на могучих плечах.
Немного с Дюком живота пошло:
Что куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота;
А куяку и панцырю
Цена лежит три тысячи,
А кольчугу на нем красна золота

²⁰ Цена сорок тысячей,
А и конь под ним в пять тысячей.
Почему коню цена пять тысячей?
За реку он броду не спрашивает,
Котора река цела верста пятисотная,

Он скачет с берегу на берег —
Потому цена коню пять тысячей.
Еще с Дюком немного живота пошло:
Пошел тугой лук разрывчетой,
А цена тому луку три тысячи;

30 Потому цена луку три тысячи —
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и титивочка была шелкóвая,
А белова шолку шимаханскова.
И колчан || пошел с ним каленных стрел,
А во колчане было за триста стрел,
Всякая стрела по десяти рублей,
А и еще есть во колчане три стрелы,
А и тем стрелам цены нет,

40 Цены не было и не сведомо.
Потому трем стрелкам цены не было, -
Колоты оне были из трость-древа,
Строганы те стрелки во Нове-городе,
Клеяны оне клеем осетра-рыбы,
Перены оне перьяцам сизá орла,
А сиза орла, орла орловича,
А тово орла, птицы камския, -
Не тыя-та Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-ты Камы за синем морем,

50 Своим ус(т)ьем впала в сине море.
А летал орел над синем морем,
А ронил он перьяца во сине море,

А бежали гости-карабельщики,
Собирали перья на синём морé,
Вывозили перья на светую Русь,
Продавали душам красным девицам,
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублей, во тысячу.
Почему те стрелки дороги?

60 Потому оне дороги,
Что в ушах поставлено по тирону по камению.
По дорогу самоцветному;
А и еще у тех стрелак
Подле ушей перевивано
Аравицким золотом.
Ездит Дюк подле синя моря
И стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак.
Он днем стреляет,

70 В ночи те стрелки собирает:
Как днем-та стрéлачак не видити,
А в ночи те стрелки, что свечи, горят,
Свечи теплются воску ярова;
Потому оне, стрелки, дороги.
Настрелял он, Дюк, гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак,
Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Он будет в городе Киеве,

80 Что у ласкова князя Владимира,

Среди двора княженецкого,
А скочил он со добра коня,
Привезал коня к дубову столбу,
К кольцу булатному,
Походил во GRIDню во светлую
Ко великому князю Владимиру;
Он молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со кнегинею,
На все четыре стороны.

⁹⁰ Тут сидят князи-ббьяра,
Скочили все на резвы ногй,
А глядят на молодца, дивуются.
И Владимир-князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина
В полтора ведра.
Подавали Дюку Степанову,
Принимает он, не чванится,
А принял чару единбй рукой,
А выпил чару единым духом;

¹⁰⁰ И Владимир-князь стольной киевской
Посадил ево за единой стол хлеба кушати.
А и повары были догадливые:
Носили ества сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичеты
Перед тово Дюка Степанова.
А сидит Дюк за единым столом
Со темя князи и ббьяры,
Откушал калачики крупичеты,

110 Он верхню корачку отламыват,
А нижню корачку прочь откладыват.
А во Киеве был ща(п)лив добре
Как бы молоды Чурила сын Пленкович,
Оговорил он Дюка Степанова:
«Что ты, Дюк, чем чванишься:
Верхню корачку отламывашь,
А нижню прочь откладываешь?».
Говорил Дюк Степанович:
«Ой ты, ой еси, Владимир-князь!

120 В том ты на меня не прогневайся:
Печки у тебя биты глиненны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное
В лохань обмакивают,
А у меня, Дюка Степанова,
А у моей сударыни матушки
Печки были муравлены,
А подики медные,
Помелечко шелкóвое

130 В сыту медяную абмакивают;
Калачик съешь – больше хочится!».
Втапоры князю Владимиру
Захотелось к Дюку ехать,
Зовет с собой || князей-бояр,
И взял Чурила Пленковича.
И приехали оне на пашню к нему,
Ко тем крестьянским дворам.

И тут у Дюка стряпчей был,
Припас про князя Владимира почестной стол,
140 И садился ласковой Владимир-князь
Со своими князи-ббьяры
За те столы белодубовы;
И втепоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя
И питья медяныя.
И будет день в половина дни,
И будет стол во полустоле,
Владимер-князь полсыта наедается,
Полпыена напивается,
150 Говорил он тут Дюку Степанову:
«Коково про тебя сказывали,
Таков ты и есть».
Покушавши, ласковой Владимир-князь
Велел дом ево переписывать,
И был в том дому сутки четвера.
А и дом ево крестьянской переписывали —
Бумаги не стало,
То отгеля Дюк Степанович
Повел князя Владимира
160 Со всемя гостьми и со всемя людьми
Ко своей сударыни-матушки,
Честны вдавы многоразумныя.
И будут оне в высоких теремах,
И ужасается Владимир-князь,
Что в теремах хорошо изукрашено.

И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обед чинила про князя Владимира
И про всех гостей, про всех людей.
И сажился Владимир-князь

¹⁷⁰ За столы убранья, за ества сахарныя
Со всемя гостями, со всемя людьми;
Втапоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя, питья медяныя.
И будет день в половина дни,
Будет стол во полустоле,
Говорил он, ласковой Владимир-князь:
«Исполать тебе, честна вдова многоразумная,
Со своим сыном Дюком Степановым!
Уподчивала меня со всемя гостями, со всемя людьми;

¹⁸⁰ Хотел боло ваш и этот дом описывать,
Да отложил все печали на радости».
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владимира
Своими честными подарками:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Еще сверх того камни самоцветными.
То старина, то и деянье:
Синему морю на утешенье,

¹⁹⁰ Быстрым рекам слава дб моря,
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье.

Щелкан Дудентьевич

А и деялося в орде,
Переделялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
На чер(в)чатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
10 Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По тотарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
20 Одново не пожаловал —
Любимова шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, -

Ево дома не случилось.
Уезжал-та млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,

30 Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которова денег нет,
У тово дитя возьмет;
У которова дитя нет,
У того жену возьмет;
У котораго жены-та нет,

40 Тово самово головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу.
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,

50 Она тем, узда, дорога —
Царская жалованье,
Государево величество,

А нельзя, дескать, тое узды
Не продать, не променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,

60 Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых || шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,

70 Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу нацади,

80 Выпей ты крови тоя,

Крови горячия,
И тогда я тебе пожалую
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи!».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,

⁹⁰ Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи,
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел

¹⁰⁰ В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-та бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-та старья,
Мужики-та богатья,
Мужики посадския

110 Оне жалобу приносили
Двум братцам родимьем,
Двум удалым Борисовичем.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли оне честныя подарки
Злата-серебра и скатнова земчуга.
Изошли ево в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, -
Подарки принял от них,

120 Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Мастрюк Темрюкович

В годы прежняя,
Времена первоначальныя,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,

¹⁰ А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую
Царицу благоверную.
А и царскова поезду
Полторы было тысячи:

²⁰ Князи-бояра, могучие богатыри,
Пять сот донских казаков,
Что н(и) лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрыя,

Через грязи смоленския,
Через леса брынския,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
30 У Темрюка Степановича.
Он по́нел, царь-государь,
Царицу благоверную
Марию Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Три ста́ татаринов,
Четыре ста́ бухаринов,
Пять сот черкашенинов
И любимова шурина
40 Мастрюка Темрюковича,
Молодова черкашенина.
Уж царскова поезду
Без малова три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну́ Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрыя,
Грязи смоленския
И леса брынския,
50 Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменнóй Москве,
Во полатах белокаменных.

В возлюбленной крестовой своей
Пир навеселе повел,
Столы на радостех.
И все ли князи-бóяра,
Могучие богатыри
И гости званья,
Пять сот донских казаков

⁶⁰ Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают,
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?

⁷⁰ У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел.
И только он думает,
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,

⁸⁰ Он хочет Москву загонять,

Сильно царство Московское.

Никита Романович

Об том царю доложил,

Царю Ивану Васильевичу:

«А и гой еси, царь-государь,

Царь Иван Васильевич!

Все князи-бояра,

Могучие богатыри

Пьют-едят, потешаются

⁹⁰ На великих на радостех,

Один не пьет, не ест

Твой царской гость дорогой,

Мастрюк Темрюкович,

Молодой черкашенин —

У себя он на уме держит,

Вера поборотися есть,

Твое царское величество потешити

Со царицею благоверною».

Говорит тут царь-государь,

¹⁰⁰ Царь Иван Васильевич:

«Ты садися, Никита Романович,

На добра коня,

Побеги по всей Москве,

По широким улицам

И по частым переулачкам».

Он будет, дядюшка

Никита Романович,

Середь Урья Повол[ж]скова,

Слободы Александровы, -

110 Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые,
А платья саксонское,
Сапоги с рострубами,
Аб ручку-ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович,
Ково ты спрашиваешь?»

120 Мы борцы в Москве похваленые.
Молодцы поученые, славные!»
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты, Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить,
Смет(ь) ли н[а]га спустить
С царским шурином,
И смет(ь) ли ево побороть?».

130 Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во полате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты, Никита Романович,

Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
140 Борцов ученых,
Молодцов похваленых,
И в том им приказ отдавай,
Кто бы Машурюка поборол,
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Машурюк борцов,

150 Скачет прямо Машурюк
Из места большева,
Из угла переднева
Через столы бело[у]бовы,
Через ества сахарныя,
Через питья медяныя,
Левой ногой задел
За столы белодубовы.
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:

160 Живы да не годны,
На карачках ползают
По полате белокаменной —
То похвальба Машурюку,
Машурюку Темрюковичу.
Выбежал тут Машурюк

На крылечка красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышел царь-государь:
«А свет ты, вольной царь,

¹⁷⁰ Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!».
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба ево ученая,
Борьба черкасская,

¹⁸⁰ Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-ббюра
И могучие богатыри,
Пять сот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю

¹⁹⁰ Он царскова шурина,
Похвалил ево царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чиста борешься!».».

А и Мишка к стороне пошел, -
Ему полно бороться.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.

²⁰⁰ Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памяти лежит,
Не слышал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,

²¹⁰ Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пять сот рублей
Без единые денежки,
А платья саксонскова
Снял на три тысячи —
Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,

²²⁰ Марья Темрюковна:
«Свет ты, вольной царь

Иван Васильевич!

Такова у тебя честь добра

До любимова шурина?

А детина наругается,

Что детина деревенской,

Почто он платья снимает?».

Говорил тут царь-государь:

«Гой еси ты, царица во Москве,

²³⁰ Да ты, Марья Темрюковна!

А не то у меня честь во Москве,

Что татары-те борются,

То-то честь в Москве,

Что русак тешится!

Хотя бы ему голову сломил,

Да любил бы я, пожаловал

Двух братцов родимых,

Двух удалых Борисовичев».

Волх Всеславьевич

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня || понос понесла,

- 10 А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стрелося славно царство Индейское,
А и синя моря сколыбалося
Для-ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
- 20 Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.

А и будет Вольх в полтора часа,
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!

А не пеленай во пелену чер(в)чатую,

30 А не пояс[ай] в поёсья шелкóвые, -
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатныя,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку – палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».

А и будет Вольх семи годов,
Отдавала ево матушка грамоте учиться,
А грамота Вол(ь)ху в наук пошла;

40 Посадила ево уж пером писать,
Письмо ему в наук пошла.
А и будет Вол(ь)х десяти годов,
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, -
Обвертоваться серым волком,
Ко третей-та мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром-золотыя рога.

50 А и будет Вольх во двенадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три годы;

Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейской царь нарежается,
А хвалится-похваляется,

60 Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розарить.
А втапору Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хорáброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью,

70 А бьет он звери сохатя,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы – любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вол(ь)х поил-кормил дружину хоробраю,
Абувал-адевал добрых молодцов,
Насили оне шубы соболиныя,
Переменные шубы-то барсовыя.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется ясным соколом,

80 Полетел он далече на сине море,

А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинишку хораброю,
А все у него были ества переменныя,
Переменныя ества, сахарныя.
А стал он, Вол(ь)х, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало вас – семь тысячей,
А и ест(ь) [ли] у вас, братцы, таков человек,

⁹⁰ Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбежал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про ево буйну голову Батыевичу?».
Как бы лист со травую пристилается,
А вся ево дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такова молодца,
Опричь тебя, Вол(ь)ха Всеславъевича».

¹⁰⁰ А тут таковой Всеславъевич
Он обвернулся гнедым туром-золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты белокаменны,
На те на полаты царския,

110 Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящето.
А и буйныя ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты нарежаться на Русь воевать,
Про то не знаешь-не ведаешь:

А и на небе просвета светел месяц,
120 А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничик».
А втапору Вол(ь)х он догадлив был:
Сидючи на окошке косящето,
Он те-та де речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков титивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,

130 У тово ружья ведь у огненнова
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
[В]звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, || так Вольх не спит,

Разбудил он удалых добрых молодцов:

«Гой еси вы, дружина хоробрая,

140 Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!».
И пришли оне ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железныя,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашú пройти.

150 И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасныя,
А и как нам будет стена пройти?».
Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли оне стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,

160 В славном царстве Индейскием,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,

Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на сѣмена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало – семь тысячей

170 Душечки красны девицы!».

А и ходят ево дружина по царству Индейскому,

А и рубят старова, малова,

А и только оставляют по выбору

Душечки красны девицы.

А сам он, Вольх, во полаты пошел,

Во те во полаты царския,

Ко тому царю ко Индейскому.

Двери были у полат железныя,

Крюки-пробои по булату злачены,

180 Говорит тут Вольх Всеславьевич:

«Хотя нога изломить, а двери выставить!».

Пнет ногой во двери железныя —

Изломал все пробои булатныя.

Он берет царя за белы руки,

А славнова царя Индейскова,

Салтыка Ставрुльевича,

Говорит тут Вольх таково слово:

«А и вас-та, царей, не бьют-не казнят».

Ухватя ево, ударил о кирпичетой пол,

190 Расшиб ево в крохи говенныя.

И тут Вольх сам царем насел,

Взявши царицу Азвяковну,

А и молоду Елену Александровну,

А и те ево дружина хоробрыя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадския,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
²⁰⁰ А на всякова брата по сту тысячей.

Сергей Хорош

Ай уж ли вы, миряня,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяня,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова,
Сына Федоровича.
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей

¹⁰ На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостинова двора
Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила,

²⁰ И ведро вина купила,
Позвала ево, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей.

А для-ради Сергея
И суседей позвала.

А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба

30 Принабуркалася.

А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти,
Ко подворью своему.

А в доме Сергей
Он опаслив был,

40 Он опаслив был

И не верел жене,
И не верил жене
И ревнив добре.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом-браном пологу́,

50 А и ту[т] Сергей
Не видал никово.
Заглянет Сергей

Во свином котухе,
А увидел он, Сергей,
Чужова мужика,
А чужова мужика
На жене-то своей
А мужик.....
Сергееву жену.

60 Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,
На поветь скакнул,
На поветь скакнул,
Он поветь обломил,
Да скотину задовил,
Он быка задовил,
Овцу яловицу,
Овцу яловицу,

70 Семерых поросят.
А стала у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик поветь обломил,
А другая беда —
То скотину задовил,
А третья беда —
То жену его....
А сел Сергей,

80 Сам расплачется:

«А не жаль мне повети
И скотины своя,
Жаль мне тово,
Кто жену мою...,
Не..... ушел, -
С тоски пропадет.
А кабы-де он...,
Спасиба бы сказал,
А спасиба бы сказал,

⁹⁰ Могорец заплатил.
А повесть-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива
И жена ба весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

Иван гостиной сын

В стольном в городе во Киеве,
У славнова князя Владимира
Было пированья-почестной пир,
Было столованья-почестной стол
На многи князи-ббѣра
И на русския могучия богатыри
И гости богатыея.

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,

10 Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и ббѣра
И все русския могучия богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на три ста жеребцов,
На три ста жеребцов и на три жеребца похваленныя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И которой полонен Воронко во Большой орде,

20 Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промеж обедней и заутренею?».

Как бы большой за меньшова хоронется,
От меньшова ему тут, князю, ответу нету.
Из тово стола княженецкова,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,

30 И скочил на свое место богатырское
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владимир-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похваюсь на три ста жеребцов
И на три жеребца похваленя:
А сив жеребец да кологрив жеребец
Да третей жеребец – полонян Воронко,
Да которой полонян во Большой орде,

40 Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Ехать дорога не ближняя
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониня,
Что выметывать роздолья широкия.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о сте рублях, не о тысячу —

50 О своей буйной голове!».
За князя Владимира держат || поруки крепкия
Все тут князи и ббьяра,

Тута-де гости-карабельщики;
Закладу оне за князя кладут на сто тысячей,
А некто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-та за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкия,
Крепкия на сто тысячей.

60 Подписался молоды Иван Гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшну белодубову,
Ко своему доброму коню,
К бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечка,
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь-не ведаешь,

70 А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем,
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу, -
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на три ста жеребцов,
А на три жеребца похваленя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И третьей жеребец – полонян Воронко, -
Бегати-скакать на добрых на конях,

80 Из Киева скакать до Чернигова

Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать конинья,
Что выметывать роздолья широкия».
Провещится ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца тово не боюсь,

⁹⁰ Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду – у Воронка уйду,
Только меня води по три зорі,
Медвяною сытою пої,
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочныя
И те часы урочныя,
Придет от князя грозен посол
По тебя-та, Ивана Гостинова,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;

¹⁰⁰ Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелкóв поводóк,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передóm ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,

110 На все стороны побрасовати, -
Князи-бояра подивуются,
И ты будешь жив – шубу наживешь,
А не будешь жив – будто нашивал».
По сказаному и по писаному
От великова князя посол пришел,
А совет-та Ивана на княженецкой двор.
Скоро-де Иван нарежается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубы цена || три тысячи,

120 А пуговики вольящетыя в пять тысячей;
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де Иван среди двора княженецкова,
Стал ево бурко передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасовати, -
Князи и бояра дивуются,
Купецкия люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-туриному,

130 Он шип пустил по-змеиному,
Три ста жеребцов испужалися,
С княженецкого двора разбежались,
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-та и бояра испужалися,

Все тут люди купецкия
Акарачь оне по́ двору напoлзалися.

- 140 А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью напoлзалися.
Кричит сам в окошечко косящетоe:
«Гой еси ты, Иван Гостиной сын,
Уведи ты уродья со двора долой —
Прóсты поруки крепкия,
Записи все изодранья!».
- Втапоры владыка черниговской
У великова князя на почестном пирѹ
Велел захватить три карабля на быстрѹм Непрѹ,
150 Велел похватить кáрабли
С теми товары заморскими, -
А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.

Три года Добрынюшка стольничел

В стольном в городе во Киеве,
У славнова сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,

¹⁰ Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулачкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокия терема.

А у молоды Марины Игнатьевны,
У ее на хорошем || высоком терему

²⁰ Сидят тут два сизыя голуб
Над тем окошечком косящетым,
Цалуются оне, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Дабрыни за беду стало:

Будто над ним насмеваются.
Стреляет в сизых голубей,
А спела ведь титивка у туга лука,
[В]звела да пошла каленá стрелá.
По грехам над Добрынею учинилася:

30 Левая нога ево покóльзнула,
Права рука угрогнула:
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящетое,
Проломил он окон(н)ицу стекольчетую,
Отшиб все причалины серебряныя.
Росшиб он зеркала стекольчетое,
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,

40 Умывалася Марина, снарежалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это невежа на двор заходил?
А кто это невежа в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчетою,
Отшиб все причалины серебряныя,
Росшиб зеркала стекольчетое?».
И втепоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,

50 А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,

Разжигает дрова полящетым огнем
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодёцкими,
Разгоралось бы сер(д)це молодецкое
Как у мблода Добрынюшки Никитьевича!».
А и божья крепко, вражья-то лепко.

60 Взяла Добрыню пуше вострова ножа
По ево по сер(д)цу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетя,
Он белова свету даждается.
По ево-та щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешонько,
Подпоясал себе сабельку вострою,
Пошел Добрыня к заутрени,

70 Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокова терема послушает.
А у мблоды Марины вечеренка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкия,
Все тут были жены молодецкия.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, -
Которыя девицы приговаривают,

80 Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.

Втапоры Добрыня не во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел,
А стала ево Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.

Завидел Добрыня он Змея Горынчета,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось,
[В]збежал на крылечка на красная,
А двери у терема железныя,

⁹⁰ Заперлася Марина Игнатъевна.

А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железныя,
Недоладом из пяты он вышиб вон
И [в]збежал он на сени косящеты.

Бросилась Марина Игнатъевна

Бранить Добрыню Никитича:

«Деревенщина ты, детина, зашелщина!

Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,

¹⁰⁰ Проломил мою оконницу стекольчетую,
Ты росшиб у меня зеркало стекольчетое!».

А бросится Змеишша Горынчишша,

Чуть ево, Добрыню, огнем не спалил,

А и чуть молодца хоботом не ушиб.

А и сам тут Змей почал бранити ево, больно пеняти:

«Не хочу я звати Добрынею,

Не хочу величать Никитичем,

Называю те детиною-деревенщиною и зашельшиною,

Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,

110 Проломил ты оконницу стекольчетую,
Росшиб зеркало стекольчетое!».
Ему тут-тка, Добрыни, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе, Змея,
Изрублю я в мелкия части пирожныя,
Разбросаю далече по чистом полю?».
А и тут Змей Горынич,

120 Хвост поджав, да и вон побежал,
Взяла его страсть, так зачал срать,
А кольишки метал, по три пуда срал.
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливея».
А молода Марина Игнатъевна
Она высунолась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,

130 А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежда, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще – хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?».
Обвернула ево, Добрыню, гнедым туром,
Пустила ево далече во чистое поля,
А где-та ходят девять туром,

А девять || туров, девять братников,
Что Добрыня им будет десятой тур,

¹⁴⁰ Всем атаман-золотья рога!

Безвестна, не стала богатыря,
Молода Добрыня Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев,
По нашему-то сибирскому словет полгода.
У великова князя вечеринка была,
А сидели на пиру честныя вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,

¹⁵⁰ Честна вдова Афимья Александровна,

А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая;
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладныя.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатъевна,
Водилася с дитятеми княженецкими,
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется:

¹⁶⁰ «Гой еси вы, княгини, боярыни!

Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея-мудрея,
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных-могучих богатырей гнедыми турами,
А и ноне я-де опустила десятова молодца,

Добрыня Никитьевича,
Он всем атаман-золотые рога!».

За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,

¹⁷⁰ Честна вдова Афимья Александровна,

Наливала она чару зеленá вина,
Подносила любимой своей кумушке,

И сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!

А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимова крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела ево Марина Игнатьевна,

¹⁸⁰ А и ноне на пиру похваляится».

Прогóворит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышела,
А слышела речи ее похваленыя!».

А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
(С)шибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:

¹⁹⁰ «А и, сука, ты..... еретница-.....!

Я-де тебе хитрея и мудреная,
Сижу я на пиру не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?

А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина,
Много за собой псов водить!».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое-перепадчивое.
Обвернулася Маринка косаточкой,

²⁰⁰ Полетела далече во чисто поле,
А где-та ходят девять турбв,
Девять братеников,
Добрыня-та ходит десятой тур.
А села она на Добрыню на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом || поле,
Тебе чистое поле наскучала,
И зыбучия болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?

²¹⁰ Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?».
«А, право, возьму, ей богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула ево добрым молодцом
По-старому-по-прежнему,
Как бы сильным-могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею,
Оне в чистом поле женилися,

²²⁰ Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,

А идет за ним Марина роскозякою,
Пришли оне ко Марине на высбк терём,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатъевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,

²³⁰ Не за что стенам поклонитися,
А и, чай, моя вострая сабля заржавела».
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатъевну,
Еретницу-..... -безбожницу:
Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчишша!».
А второе ученье – ноги ей отсек:

²⁴⁰ «А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишшем!».
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали оне Змея Горынчишша!».
Четвертое ученье – голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,

250 Знал он дела еретическия!».

Про Василья Буслаева

В славном великом Нове-граде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После ево веку долгова
Аставалася его житье-бытье

10 И все имение дворянское,
Асталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И оставалася чадо милая,
Молодой сын Василей Буслаевич.
Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить ево во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;

20 Присадила пером ево писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петью Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца

Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалами добрыми молодцы,

30 Допьяна уже стал напиватися,
А и ходя в городе, уродует:
Которова возьмет он за руку, -
Из плеча тому руку выдернет;
Которова заденет за ногу, -
То из гузна ногу выломит;
Которова хватит поперек хребта, -
Тот кричит-ревет, окарачь ползет;
Пошла-та жалоба великая.
А и мужики новгородския,

40 Посадския, богатяя,
Приносили жалобу оне великую
Матерой вдове Амелфе Тимофевне
На тово на Василья Буслаева.
А и мать-та стала ево журить-бранить,
Журить-бранить, ево на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчетой стул,
Писал ерлыки скоропищеты,

50 О[т] мудрости слово поставлено:
«Кто хочет пить и есть из готовова,
Валися к Ваське на широкой двор,

Тот пей и ешь готовое

И носи платье разноцветное!».

Россылал те ерлыки со слугой своей

На те вулицы широкия

И на те частыя переулачки.

В то же время поставил Васька чан среди двора,

Наливал чан полон зелена вина,

⁶⁰ Опускал он чару в полтара ведра.

Во славном было во Нове-градѣ,

Грамоты люди шли прочитали,

Те ерлыки скоропищеты,

Пошли ко Ваське на широкой двор,

К тому чану зелену вину.

Вначале был Костя Новоторженин,

Пришел он, Костя, на широкой двор,

Василей тут ево опробовал:

Стал ево бити червленым вязом,

⁷⁰ В половине было налито

Тяжела свинцу чебурацкова,

Весом тот вяз был во двенадцать пуд;

А бьет он Костью по буйной голове,

Стоит тут Костя не шевел(ь)нится,

И на буйной голове кудри не тряхнутся.

Говорил Василей сын Буслаевич:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин,

А и будь ты мне названой брат

И паче мне брата родимова!».

⁸⁰ А и мало время позамешкавши,

Пришли два брата боярченка,
Лука и Мосей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молоды Василей сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешонек.
Пришли тут мужики Залешена,
И не смел Василей показаться к ним,
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи,
Собиралися-соходилися

⁹⁰ Тридцать молодцов без единова,
Он сам, Василей, тридцатой || стал.
Какой зайдет – убьют ево,
Убьют ево, за ворота бросят.
Послышел Васинька Буслаевич
У мужиков новгородских
Канун варен, пива яшныя, -
Пошел Василей со дружиною,
Пришел во братшину в Никол(ь)шину:
«Не малу мы тебе сып платим:

¹⁰⁰ За всякова брата по пяти рублев!».
А за себе Василей дает пятьдесят рублев,
А и тот-та староста церковной
Принимал их во братшину в Никол(ь)шину,
А и зачали оне тут канун варен пить,
А и те-та пива ячныя.
Молоды Василей сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хорабраю,
Напилися оне тут зелена вина

110 И пришли во братшину в Никол(ь)шину.

А и будет день ко вечеру,
От малова до старова
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От тово бою от кулачнова
Началася драка великая.
Молоды Василей стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,

120 Ево по уху оплел,
А и тут Василей закричал громким голосом:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин
И Лука, Моисей, дети боярския,
Уже Ваську меня бьют!».

Поскокали удалы добры молодцы,
Скоро оне улицу очистели,
Прибили уже много дó смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки, ноги переламали, -

130 Кричат-ревут мужики посадския.

Говорит тут Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородския,

Бьюсь с вами о велик заклад:

Напускаюсь я на весь Нов-город битися-дратися

Со всею дружиною хоробраю —

Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,

Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,

На всякой год по три тысячи;

А буде же я вас побью и вы мне покоритесь,

140 То вам платить мне такому же дань!».

И в том-та договору руки оне подписали.

Началась у них драка-бой великая,

А и мужики новгородския

И все купцы богатые,

Все оне вместе сходились,

На млада Васютку напущались,

И дерутся оне день до вечера.

Молоды Василей сын Буслаевич

Со своею дружиною хороброю

150 Прибили оне во Навё-градё,

Прибили уже много до смерти.

А и мужики новгородские догадались,

Пошли оне с дорогими подарки

К матерой вдове Амелфе Тимофевне:

«Матера вдова Амелфа Тимофевна!

Прими // у нас дороги подарочки,

Уйми свое чадо милоя

Василья Буславича!».

Матера вдова Амелфа Тимофевна

160 Принимала у них дороги подарочки,

Посылала девушку-чернавушку

По тово Василья Буслаева.

Прибежала девушка-чернавушка,

Сохватала Ваську во белы руки,

Потащила к матушке родимья.

Притащила Ваську на широкой двор,
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погребы глубокия
Молода Василья Буслаева,

¹⁷⁰ Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А ево дружина хоробрая
Со темя мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-та девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду,
А [в]змолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратнова,

¹⁸⁰ У тово часу смертна!».
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовая,
Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским,
Прибила уж много доб смерте.
И тут девка запышалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатныя,

¹⁹⁰ Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василей, или так лежишь?
Твою дружину хоробраю
Мужики новгородския

Всех прибили-переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василей пробужается,
Он выскочил на широкой двор,
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,

²⁰⁰ Побежал Василей по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримишша,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец-пилигримишша:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Нове́-граде людей не выбити;

²¹⁰ Есть молодцов сопровтив тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем!».
Говорил Василей таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримишша,
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Апричь почес(т)нова мона́стыря,
Опричь тебе, старца-пилигримишша,
Во задор войду – тебе убью!».
Ударил он старца во колокол

²²⁰ А и той-та осью тележную, -
Начается старец, не шевелнится,

Заглянул он, Василей, старца под колоколом —
А и во лбе глаз уж веку нету.
Пошел Василей по Волх-реке,
А идет Василей по Волх-реке,
По той Волховой по улице,
Завидели добрыя молодцы,
А ево дружина хоробра
Молода Василья || Буслаева:

²³⁰ У ясных соколов крылья отросли,
У их-та, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василей Буслаевич
Пришел-та молодцам на выручку.
Со темя мужики новгородскими
Он дерется-бьется день до вечера,
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли оне записи крепкия
К матерой вдове Амелфе Тимофевне,

²⁴⁰ Насыпали чашу чистова сѣребра,
А другую чашу краснова зблота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом-поклоняются:
«А сударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милая,
Молода Василья со дружиною!
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,

250 На всякой год будем тебе носить

С хлебников по хлебику,

С калачников по калачику,

С молодиц повенешное,

С девиц повалешное,

Со всех людей со ремесленных,

Опричь попов и дьяконов».

Втапоры матера вдова Амелфа Тимофевна

Посылала девушка-чернавушка

Привести Василья со дружиною.

260 Пошла та девушка-чернавушка,

Бежавши-та девка запышáлася,

Нельзя пройти девки по улице:

Что полтеи по улице валяются

Тех мужиков новгородских.

Прибежала девушка-чернавушка,

Сохватала Василья за белы руки,

А стала ему рассказавати:

«Мужики пришли новгородския,

Принесли оне дороги подарочки,

270 И принесли записи заручныя

Ко твоей сударыне матушке,

К матерой вдове Амелфе Тимофевне».

Повела девка Василья со дружиною

На тот на широкий двор,

Привела-та их к зелено вину,

А сели оне, молодцы, во единой круг,

Выпили ведь по чарочке зелена вина

Со тово урасу молодецкова
От мужиков новгородских.

²⁸⁰ Скричат тут робята зычным голосом:

«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича,
Не упита, не уедено,
В красне хóрошо не ухóжено,
А цветнова платья не унóшено,
А увечье на век залéзено!».
И повел их Василей обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новгородския

²⁹⁰ Приносили Василью подарочки
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мировá пошла,
А и мужики новгородския
Покорилися и сами поклонилися.

О женитьбе князя Владимира

В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
А и было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол.
Много на пиру было князей и бояр
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полустоле,
Владимер-князь распотешился,

¹⁰ По светлой гридне похаживает,
Черныя кудри рочосавает,
Говорил он, сударь ласковой Владимир-князь,
Таково слово:

«Гой еси вы, князи и ббьяра
И могучие богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимир-князь, холост хожу,
А и холост я хожу, неженат гуляю,
А кто мне-ка знает сопротивницу,

²⁰ Сопротивницу знает, красну дэвицу:
Как бы та была девица станом статна́,
Станом бы статна и умом свершна́,
Ее белое лицо как бы белой снег,
И ягодицы как бы маков цвет,

А и черныя брови как соболи,
А и ясныя очи как бы у сокола».
А и тут большей за меньшева хоронится,
От меньшова ему, князю, ответу нету.
Из тово было стола княженецкова,

30 Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,
Скочил он на место богатырское,
Скричал он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь ласковой Владимир-князь,
Благослови пред собой слово молвити,
И единое слово безопальное,
А и без тое палы великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грознова короля Етмануила Етмануиловича

40 И видел во дому ево дву дочерей:
Первая дочь – Настасья королевишна,
А другая – Афросинья королевишна;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйныя ветры не вихнут на ее,
А красное со(л)нцо не печет лицо;
А и то-та, сударь, девушка станом статна́,
Станом статна и умом свершна́;
Белое лицо как бы белой снег;

50 А и ягодицы как маков цвет;
Черныя брови как бы соболи;
Ясныя очи как у сокола,

Посылай ты, сударь, Дуная свататься!».

Владимер-князь стольной киевской

Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,

Подносить Ивану Гостиному

За те ево слова хорошия,

Что сказал ему обрушницу.

Призывает он, Владимир-князь,

⁶⁰ Дуная Иваныча в спальню к себе

И стал ему на словах говорить:

«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!

Послужи ты мне службу заочную:

Съезди, Дунай, || в Золоту орду

Ко грозному королю Етмануилу Етмануиловичу

О добром деле – о сватонье

На ево любимой на дочери,

На чес(т)ной Афросинье королевишне,

Бери ты моей золотой казны,

⁷⁰ Бери три ста жеребцов

И могучих богатырей».

Подносит Дунаю чару зелена вина в полтара ведра,

Турей рог меду сладкова в полтретья ведра.

Выпивает он, Дунай, чару тоя зеленá винá

И турей рог меду сладкова.

Разгоралася утроба богатырская,

И могучия плечи расходилися

Как у молода Дуная Ивановича,

Говорит он, Дунай, таково слово:

⁸⁰ «А и ласково со(л)нцо, ты Владимир-князь!

Не нада мне твоя золота казна,
Не нада три ста жеребцов
И не нада могучия богатыри,
А и только пожалуй одново мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Которой служит Алешки Поповичу».
Владимер-князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
«Вот-де те, Дунаю, будет паробочок!».

⁹⁰ А скоро Дунай снарежается,
Скоря тово богатыри пое(зд)ку чинят
Из стольнова города Киева
В дальну орду Золоту землю.
И поехали удалы добры моладцы,
А и едут неделю спбряду
И едут неделю уже другую,
И будут оне в Золотой орде
У грознова короля Етмануила Етмануиловича;
Среди двора королевского

¹⁰⁰ Скакали молодцы с добрых коней,
Привезали добрых коней к дубову столбу,
Походили во полату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси, король в Золотой орде!
У тебе ли во полатах белокаменных
Нету Спасова образа,
Некому у те помолитися.
А и не за что тебе поклонитися».
Говорит тут король Золотой орды,

110 А и сам он, король, усмехается:
«Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал
По-старому служить и по-прежнему?».
Отвечает ему Дунай сын Иванович:
«Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле – о сватонье:

120 На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На чес(т)ной Афросинье королевичне,
Владимер-князь хочет жениться».
А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черныя
И бросает о кирпичет пол,
А при том говорит таковое слово:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович,
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокия

130 И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельныя».
Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралась || ево сер(д)ца богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
«Гой еси, король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,

Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову!».

140 Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем сравить
Теми кобелями медеянскими.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Что ты стал да чево гледишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем сравить!».
Бросился Еким сын Иванович,

150 Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей ево палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медныя литы,
Оне были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-та тележная,
А и зачел Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,

160 Пять сот он прибил медеянских кобелей,
Закричал тут король зычным голосом:
«Гой еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу вернова,
Оставь мне силы хоть на семены,
А бери ты мою дочь любимую,

Афросинью королевишну».

А и молоды Дунай сын Иванович

Унимал своего слугу вернова,

Пришел ко высокому терему,

¹⁷⁰ Где сидит Афросинья в высоком терему,

За тридесять замками булатными.

Буйны ветры не вихнут на ее,

Красное со(л)нцо лица не печет,

Двери у полат были железныя,

А крюки-пробои по бу(л)ату злачены.

Говорил тут Дунай таково слово:

«Хоть нога изломить, а двери выставить!».

Пнет во двери железныя,

Приломал он крюки булатныя,

¹⁸⁰ Все тут полаты зашаталися,

Бросится девица, испужалася,

Будто угорелая вся,

Хочет Дуная во уста целовать.

Проговорит Дунай сын Иванович:

«Гой еси, Афросинья королевишна!

А и ряженой кус, да не суженому есть!

Не целую я тебя во сахарныя уста,

А и бог тебе, красну девицу, милует:

Дастанешьса ты князю Владимиру».

¹⁹⁰ Взял ее за руку за правую,

Повел из полат на широкой двор,

А и хочут садиться на добрых на коней,

Спохватился король в Золотой орде,

Сам говорил таково слово:

«Гой еси ты, Дунай Иванович,
Пожалуй подожди мурзы-улановья!».

И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.

И те мурзы- || улановья

²⁰⁰ Тридцать телег ординских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменья самоцветными.
Скоро Дунай снарежается,
И поехали оне ко городу ко Киеву.
А и едут неделю уже спбряду,
А и едут уже другую,
И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучей след,
Не доехавши до Киева за сто верст,

²¹⁰ Сам он Екиму тут стал наказывать:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Вези ты Афросинью королевичну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру
Честно-хвально и радостно,
Было бы нам чем похвалиться
Великому князю во Киеве».
А сам он, Дунай, поехал по тому следу,
По свежему, бродучему.

²²⁰ А и едет уж сутки другие,
В четвертые сутки след дошел

На тех на лугах на потешных,
Куда ездил ласковой Владимир-князь
Завсегда за охотою.

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья королевична.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,

²³⁰ Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
Хлес(т)нет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь титивка у туга лука,
А дрогнет матушка-сыра земля
От тово удару богатырскова,
Угодила стрела в сыр крековистой дуб,
Изломала ево в черенья ножевые,
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая.

²⁴⁰ А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копьё во сыру землю,
Привязал он коня за востро копьё,
И горазд он со девицею драться,
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна, -
Женской пол от тово пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалишша булатное,

250 А и хочет взрезать груди белые.

Втапоры девица возмолилася:

«Гой еси ты, удалой доброй молодец!

Не коли ты меня, девицу, до смерти,

Я у батюшка-сударя отпрошалася:

Кто мене побьет во чистом поле,

За тово мне, девице, замуж идти».

А и тута Дунай сын Иванович

Тому ее слову обрадовался.

Думает себе разумом своим:

260 «Служил я, Дунай, во семи ордах,

В семи ордах семи королям,

А не мог я себе выжить красныя девицы,

Ноне я нашел во чистом поле

Обрушницу-сопротивницу».

Тут оне обручались,

Круг ракитова куста венчались.

А скоро ей приказ отдал собиратися

И обрал у девицы сбрую всю:

Куяк и панцырь с кольчугою,

270 Приказал он девице нарежатися

В простую епанечку белую.

И поехали ко городу ко Киеву.

Только Владимир стольной киевской

Втапоры едет от злата венца,

И приехал князь на свой княженецкой двор,

И во светлы GRIDNI убиралися,

За убраныя столы сажалися.

А и молоды Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
280 Ко тем попам и ко дьяконам,
Приходил он во церкву соборную,
Просит чес(т)ныя милости
У тово архерея соборнова —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборныя,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича.
Венчальнова дал Дунай пять сот рублей
И поехал ко князю Владимиру;

290 И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
«Доложитесь князю Владимиру
Не о том, что идти во светлы гридни, -
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платья женскова только одна и есть епанечка белая»,
А втапоры Владимир-князь он догадлив был,
Знает он, ково послать:
Послал он Чурила Пленковича

300 Выдавать платьица женское цветное.
И выдавали оне тут соян хрущето́й камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили оне княгиню новобрачную,

Повели их во полаты княженецкия,
Во те гридни светлыя,
Сажали за столы убраныя,
За ества сахарныя и за питье медяные.

³¹⁰ Сели уже две сестры за одним столом,
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал.
А жили оне время немалое.
У князя Владимира, у солнышка Сеславьевича,
Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
«Что нет против меня во Киеве такова стрельца

³²⁰ Из туга лука по приметам стрелять!».
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
«Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молоды || Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрице моей Настасьи-королевичне».
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали оне жеребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,

И досталось стрелять ево молодой жене Настасьи-
королевичне,

³³⁰ А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать,
Отмерели место, на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо,

Вытягала Настасья колену́ стрелу,
Спела-де титивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо,
Тою стрелкою каленую.
Князи и бояра тут металися,
Усмотрили калену стрелу,
Что на тех-та перушках лежит то золото кольцо.

340 Втапоры Дунай становил на примету свою молоду
жену,

Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:

«Ай ты гой еси, любимой мой зятюшка,

Молоды Дунай сын Иванович!

Та ведь шутачка пошучена».

Да говорила же ево и молода жена:

«Оставим-де стрелять до другога дня,

Ес(ть) – де в утробе у меня могуч богатырь.

Первой-де стрелкой не дострелишь,

А другою-де перестрелишь,

350 А третью-де стрелкою в меня угодишь».

Втапоры князи и бояра

И все сильны-могучи богатыри

Ево, молода Дуная, уговаривали.

Втапоры Дунай озадорелся

И стрелял в примету на целу версту в золото кольцо,

Становил стоять молоду жену.

И втапоры ево молода жена

Стала ему кланяться и перед ним убиватися:

«Гой еси ты, мой любезной ладушка,

360 Молоды Дунай сын Иванович!

Аставь шутку на три дни,

Хошь не для меня, но для своего сына нерожденного;

Завтра рожу тебе богатыря,

Что не будет ему сопровтивника».

Тому-то Дунай не поверовал,

Становил свою молодую жену Настасью-королевишну

На мету с золотым кольцом,

И велели держать кольцо на буйной главе.

Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,

370 А и первой стрелой он не дострелил,

Другой стрелой перестрелил,

А третьею стрелою в ее угодил.

Прибежавши Дунай к молодой жене,

Выдергивал чингалишша булатное,

Скоро [в]спорол ей груди белыя, -

Выскочил из утробы удал молодец,

Он сам говорит таково слово:

«Гой еси, сударь мой батюшка!

Как бы дал мне сроку на три часа,

380 А и я бы на свете был

Попрыжея и полутчея в семь семериц тебя».

А и тут || молоды Дунай сын Иванович запечалился,

Ткнул себя чингалишшем во белы груди,

Сгареча он бросился во быстру реку.

Потому быстра река Дунай словоет,

Своим ус(т)ъем впала в сине море.

А и то старина, то и деянье.

Гришка Расстрига

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злаго Расстригу Гришку Атрепьева.
Уже ли он, Расстрига, на царство сел,
Называется Расстрига прямым царем;
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига жениться,

¹⁰ Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;

²⁰ На Гришки рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка Расстрига из бани с женой.

Выходит Расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и пос(т)ное и скоромное:

30 Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан са паньєю».

А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?».

А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала

40 И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы, стрельцы, вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига,
Гришка Атрепьев сын.

Потерен мой сын, царевич Димитрей Иванович, на
Угличе

От тех от бояр Годуновых,
Ево мощи лежат || в каменной Москве
У чудных Сафеи Премудрыя.
У тово ли-та Ивана Великова

50 Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,

За всякия праздници совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинаят завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве [в]збунтовалися.
Гришка Расстрига дагадается,

⁶⁰ Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается,
А злая ево жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из полат вон она вылетела.
А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

На Бузане-острове

На славной Волге-реке,
На верхней изголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы, что беседы дубовыя,
Исподернуты бархотом.
Во беседках тут сидели атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич,
¹⁰ Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Ане думашку думали за единое,
Как про дело ратное,
Про дабычу казачею.
Что есаул ходит по кругу
По донскому-еицкому,
Есаул кричит голосом
Во всю буйну голову:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачия!»
²⁰ У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратнова,

Человека кровавова,
От желанье те богу не маливались,
Астаньтеся таковы молодцы
На Бузане-острове».
И садилися молодцы
Во свои струги легкия,
Оне грянули, молодцы,
³⁰ Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярья гоголи
На сине море выплыли,
Выгребали тут казаки
Среди моря синева,
Против Матицы-острова
Легки струги выдергивали
И веселочки разбрасавали,
Майданы расставливали,
⁴⁰ Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинския
И беседы дубовыя,
Подернуты бархатом.
А играли казаки
Золотыми тавлеями,
Дорогими вольящетыми.
Посмотрят казаки
Оне на море синея,

[От таво] зеленова,

⁵⁰ От дуба крековистова —

Как бы бель забелелася,
Будто черзь зачернелася, -
Забелелися на караблях
Парусы полотняныя,
И зачернелися на море
Тут двенадцать караблей,
А бегут тут по морю
Славны гости турецкия
Со товары заморскими.

⁶⁰ А увидели казаки

Те карабли червлененыя,
И бросалися казаки
На свои струга легкия,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные.
Напущалися казаки
На двенадцать караблей,
В три пушечки гунули,
⁷⁰ А ружьем вдруг грянули,
Турки, гости богатяя,
На караблях от тово испужалися,
В сине море металися,

А те товары заморския
Казакам доставались
А и двенадцать караблей.
А на тех караблях
Одна не пужалася
Душа красная девица,
80 Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турскова.
Что сговорит девица Урзамовна:

«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству московскому,
Государству росси(й)скому,
Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную!».

90 Не тронули казаки душу красну девицу
И посадили во свои струги легкия.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном бережку,
Майданы расставляли,
Майданы те терския,
Ковры сорочинския,
А беседы расставляли,

¹⁰⁰ А беседы дубовыя,
Подернуты бархотом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки
Тут оне кушанье разное
И пили питья медяныя,
Питья все заморския.
И будут казаки

На великих на радостях
Со добычи казачия,

¹¹⁰ Караулы ставили,
Караулы крепкия, отхожия,
Сверху матки Волги-реки,
И снизу таковыя ж стоят.

Запилися молодцы

А все оне до единова.

А втапоры и во то время

На другой стороне

Становился стоять персидской посол

Коромышев Семен Костянтинович

¹²⁰ Со своими салдаты и матрозами.

Казаки были пьяныя,

А солдаты не со всем умом,

Напущалися на них драться

Ради корысти своея.

Ведал ли не ведал о том персидской посол, как у них драка сочинилася.

В той было драке персидскова посла салдат пятьдесят человек, || тех казаки

прибили до смерти, только едва остались три человека, которая

могли убежать на карабль к своему послу сказывати. Не разобрал тово

дела персидской посол, о чем у них драка сочинилася, послал он сто человек

¹³⁰ всю ту правду росспрашивати. И тем салдатам показались, что

те люди стоят недобрыя, зачали с казаками драться.

Втапоры говорил им большой атаман

Ермак Тимофеевич:

«Гой вы еси, салдаты хорошия,

Слуги царя верныя!

Почто с нами деретесь?

Корысть ли от нас получите?».

Тут салдаты безумныя

¹⁴⁰ На ево слова не сдавались

И зачали драться боем-та смертным,

Что дракою некорыс(т)ною.

Втапоры доложился о том

Большой есаул Стафей Лаврентьевич:

«Гой вы еси, атаманы казачи,

Что нам с ними делати?

Салдаты упрямыя

Лезут к нам с дракою в глаза!».

И на то ево слóва

¹⁵⁰ Большой атаман Ермак Тимофеевич

Приказал их до смерти бити

И бросати в матку Волгу-реку.

Зачали казаки с ними драться

И прибили их всех дó смерти,

Только из них один ушел капрал астровскóй и, прибежав-

ши на свой

карабль к послу персидскому Семену Костянтиновичу

Коромышеву,

стал обо всем ему рассказавати, кака у них с казаками

драка была. И тот

персидской посол не размышлил ничего, подымался он со

всею гвардию

своею на тех донских казаков. Втапоры ж подымалися ата-

маны казачия:

¹⁶⁰ Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей

Степанович, и стала

у них драка великая и побоища смертное. А отаманы ка-

зачия сами оне

не дралися, только своим казакам цыкнули, – и прибили

всех солдат

дó смерти, ушло ли не ушло с десятков человек. И в той

же драке убили

самово посла персидскова Семена Костянтиновича Коро-
мьшева. Втапоры

казаки все животы посла персидскова взяли себе, платье
цветное

клали в гору Змеевую. Пошли оне, казаки, по протоке по
Ахтубе, вверх

по матушке Волге-реке. А и будут казаки у царства Аст-
раханскова, называется тут Ермак со дружиною купцами за-
морскими, а явили в таможе

тавары разныя, и с тех товаров платили пошлину в казну
государеву,

¹⁷⁰ и теми своими товарами торговали без запрещенія.
Тем старина

и кончилась.

Ермак взял Сибирь

Во славном понизовом городе Астрахане,
Против пристани матки Волги-реки,
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
И Анофрей Степанович.
И стали оне во единой круг
Как думати думушку за единое
Со крепка ума, с полна разума.

10 Атаман говорил донским казакам,
По имену Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы, атаманы казачия!
Некорыстна у нас шу(т)ка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидскова
Со всеми ево салдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.
И как нам на то будет ответствовать?»

20 В Астрахане жить нельзя,
На Волге жить – ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
В Казань идти – грозен царь стоит,
Грозен царь, асударь Иван Васильевич,

В Москву идти – перехватаным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженым.
Пойдемтя мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
30 К тем господам к Вороновым,
Возьмем мы много свинцу-пороху
И запасу хлебнова».
И будут оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебныя, много свинцу-пороху
И пошли вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли оне пещеру каменну на той Чусовой реке,
На висячем большом каменю,
И зашли оне сверх того каменю,
40 Опускалися в ту пещеру казаки,
Много не мало – двесте человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж оне пещеру убиралися,
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настает,
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке.
Стал Ермак убиратися со своими товарищами, -
По Серебряной пошли, до Жаравля дошли.
50 Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися, там ее и покинули. И в то

время увидели

Баранчу- || реку, обрадовались, поделали баты сосновыя и лодки-набойницы;

поплыли по той Баранче-реке, и скоро оне выплыли на Тагиль-реку;

у тово Медведя-камня, у Магницкова горы становилися. А на другой

стороне была у них пло(т)бища: делали большия коломенки, чтобы можно

им со всем убраться. Жили оне тут, казаки, с весны до Троицова дни,

и были у них промыслы рыбныя, тем оне и кормилися.

И как им путь

надлежал, со всем в коломенки убиралися. И поплыли по Тагиль-реке,

⁶⁰ а и выплыли на Туру-реку, и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку;

и тут оне жили до Петрова дни. Еще оне тут управлялися: поделали

людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины

три ста человек, а стало уже со теми больше тысячи.

Поплыли

по Тоболь-реку, в Мяденски юрты приплыли, тут оне князька полонили

небольшева, дабы показал им путь по Тоболь-реке. Во тех ус(т)ьях

тобольских на изголове становилися, и собиралися во единой круг,

и думали думушку крепку заедино, как бы им приплыть
к горе Тобольской

той. Сам он, Ермак, пошел ус(т)ьем верхним, Самбур
Андреевич —

ус(т)ьем средним, Анофрей Степанович – ус(т)ьем
нижним, которая

⁷⁰ ус(т)ья впала против самой горы Тобольския. И
выплыли два атамана

казачия Самбур Андреевич и Анофрей Степанович со
своими товарищами

на Иртыш-реку под самую высокую гору Тобольскую. И
тут у них

стала баталия великая со теми татары котовскими.
Татара в них бьют

со крутой горы, стрелы летят, как часты дожди, а
казакам взять не можно

их. И была баталия целой день, прибили казаки тех
татар немало

число, и тому татары дивовалися: каковы русски люди
крепкия, что

ни едино убить не могут их, каленых стрел в них, как
в снопики, налеплено,

только казаки все невредимы стоят, и тому татара
дивуются ноипаче

того.

⁸⁰ В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич со
своею дружиной

тою лукою Соуксанскую. Дошел до ус(т)ья Сибирки-
реки и в то время

полонил Кучума – царя татарскова, а первова князька
поиманова отпустил

со известием ко тем татарам котовскием, чтобы оне в
драке с казаками

помирился: уж-де царя вашего во полон взяли тем
атаманом ||

Ермаком Тимофеевым. И таковы слова услыша, татару
сократились

и пошли к нему, Ермаку, с подарочками: понесли казну
соболиную и бурых

лисиц сибирских. И принимал Ермак у них не
отсылаючи, а на место

Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина и дал ему
полномочие владеть

ими. И жил там Ермак с Покрова до зимнява Николина
дня. Втапоры

⁹⁰ Ермак шил шубы соболиныя, нахтармами вместе
сшивал, а теплыя мехи наверх обоих сторон; таковым
манером и шапки шил. И убравши Ермак

со всемя казаки отъезжал к каменну Москву, ко
грозному царю Ивану

Васильевичу. И как будет Ермак в каменной Москве,
на канун праздника

Христова дня, втапоры подкупил в Москве большова
боярина Никиту

Романовича, чтобы доложил об нем царю грозному. На
самой праздник

Христов день, как изволил царь-государь идти от
заутрени, втапоры

доложил об них Никита Романович, что-де атаманы казачия, Ермак

Тимофеев с товарищи, к твоему царскому величеству с повинностью

пришли и стоят на Красной площади. И тогда царь-государь тотчас велел

¹⁰⁰ пред себя привести тово атамана Ермака Тимофеева со теми ево товарищи.

Татчас их ко царю представили в тех шубах соболиных. И тому царь

удивляется и не стал больше спрашивати, велел их разослать по фатерам

до тово часу, когда спросятся. Втапоры царю праздник радошен был,

и было пирование почестное на великих на радостях, что полонил Ермак

Кучума – царя татарскова, и вся сила покорилася тому царю грозному,

царю Ивану Васильевичу. И по прошествии того праздника приказал

царь-государь тово Ермака пред себя привести. Тотчас их сабрали и

ко царю представили, вопрошает тут их царь-государь: «Гой ты еси, Ермак

Тимофеев сын, где ты бывал? сколько по воли гулял и напрасных душ

¹¹⁰ губил? И каким случаем татарскова Кучума-царя полонил? И всю ево

татарскую силу под мою власть покорил?». Втапоры

Ермак пред грозным

царем на колени пал, и письменное известие обо всем своем походе

подавал, и притом говорил таковыя слова: «Гой еси, вольной царь, царь

Иван Васильевич! || Приношу тебе, асударь, повинность свою: гуляли мы,

казаки, по морю синему и стояли на протоке на Ахтубе, и в то время годилося

мимо идти послу персидскому Коромышеву Семену Костянтиновичу

со своими салдаты и матрозами; и оне напали на нас своею волею

и хотели от нас поживитися, – казаки наши были пьяныя, а салдаты

упрямыя – и тут персидскова посла устукали со теми ево салдаты и матрозами».

¹²⁰ И на то царь-государь не прогневался, ноипаче умилосердился,

приказал Ермака пожаловати. И посылал ево в ту сторону сибирскую,

ко тем татарам котовским брать с них дани-выходы в казну государеву.

И по тому приказу государеву поехал Ермак Тимофеевич со своими казаками

в ту сторону сибирскую. И будет он у тех татар котовских, стал

он их наиболее под власть государеву покоряти, дани-выходы без апушения

выбирать. И год-другой тому времени поизойдучи, те
татара

[в]збу[н]товались, на Ермака Тимофеева напушались
на той большой

Енисее-реке. Втапоры у Ермака были казаки разосланы
по разным дальным

странам, а при нем только было казаков на дву
коломенках, и билися-

¹³⁰ дралися с татарами время немалое. И для помощи
своих товарищев

он, Ермак, похотел перескочити на другую свою
коломенку и ступил

на переходню обманчивую, правую ногою
поскользнулся он, – и та переходня с конца верхнева
подымалася и на ево опускалася, росшибла

ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру
реку. Тут Ермаку

такова смерть случилась.

Про Ставра-боярина

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимира
Было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол
На многи князи и бояра,
И на русския могучия богатыри,
И гости богатыея.

Будет день во половина дня,
Будет пир во полупире,

¹⁰ Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются,
И только из них один боярин Ставер Годинович
Не пьет, ни ест,
И при своей братьи не хвастает,
Только наедине с товарищем
Таковы речи сказывает:
«Что это за крепость во Киеве
У великова князя Владимира?
У меня-де, Ставра-боярина,

²⁰ Широкой двор не хуже города Киева,
А двор у меня на семи верстах,
А гридни-светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок во гриднях черных соболей,

Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены».

А и были тут у князя слуги верныя,
Доносили о том самому князю Владимиру:
«Что-де, асударь, ласковой Владимир-князь,

30 Ставер-боярин в очи ни о чем не хвалится,

А за очи похваляется,
Что есть у него двор на семи верстах

Крепче города Киева,
Гридни-светлицы белодубовыя,

Покрыты гридни седых бобров,
Потолок черных соболей,

Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены».

Услыша о том, Владимир-князь

40 Приказал сковать Ставра-боярина,

На руки и на ноги железа ему,
Посадить ево в погребы глубокия,

Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замки булатными.

И Владимир-князь посылал посла немилостивова
Ко Ставру-боярину,

Чтоб двор ево запечатати
И взять в Киев молоду ево жену

Ко великому князю Владимиру.

50 И ей, Ставровой молодой жене,

Перепала весть нерадошна,
Что Ставер-боярин во Киеве

Посажен в погребы глубокия,
Руки и ноги скованы.
Скоро она нарежается
И скоро убирается,
Скидавала с себя волосы женския,
Надевала кудри черныя,
А на ноги сапоги зелен сафьян,
60 И надевала платья богатоя,
Богатоя платья посольское,
И называлась грозным послом,
Грозным послом Васильем Ивановичем.
И поехала с великою свитою
Ко городу Киеву.
Половину дороженьки проехали,
И встречу ей из Киева грозен посол,
Тут оне съехались, послы, поздаровались,
Как послы послуются,
70 Оне ручки об ручку целуются.
Стал-де из Киева спрашивает посол:
«А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
Куда вы ёдите || и куда бог несет?».
И взговорят ему, послу, таковыя слова:
«А и едем мы из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимиру
Брать с него дани-невыплаты
80 Не много не мало – за двенадцать лет,

За всякой год по три тысячи».
Из Киева посол позадумался,
А и единое словечко повыговорит:
«Я-де из Киева грозен посол,
Еду-де я ко Ставр-боярину
Двор его запечатати,
А ево молоду жену в Киев взять».
Отвечают тут удалы добры молодцы:
«Прежде у нас тот был постоялой двор,

90 Ноне заезжали – в дому нет никово,
Молода ево жена убиралася
В дальну орду, Золоту землю».
Из Киева посол воротился назад,
Приехал во стольной во Киев-град,
Сказал он князю тихохунька,
Что едет из дальней орды, Золотой земли,
Грозен посол Василей Иванович.
А и тут больно князь запечалился,
Кидалися-металися, то улицы метут,

100 Ельник ставили перед воротами,
Ждут посла из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича.
И приехал он, посол, на княженецкой двор,
Оне скоро поскокали со добрых коней,
А идут во гридни во светлыя,
Вывела княгиня князя за собой
И во те во подвалы-погребы,
Молвила словечка тихохунька:
«Ни о чем ты, асударь, не печалуйся,

110 А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
Быть Ставровой молодой жене Василисе Микулишне,
Знаю я приметы – всё по-женскому:
Ана по́ двору идет, будта утачка плывет;
А по горенки идет, частенька ступает;
А на лавицу садится, каленца жмет;
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки,
Дюжинá из перстов не вышли все».
А и тута-тка Владимир стольной киевской
Ну же он посла стал подчивати,

120 Всяко питье потаковкам пьют.
Уж тут ли посол напивается,
А Владимир-князь стал проведовати,
Токо посол буде женщина,
Не станет он во Киеве боротися
Со моими могучими богатырями.
Таковы люди были в Киеве,
Нáрочны борцы, || удалы молодцы,
Притченки да Хапилонки.
Выводил тут князь семь борцов,

130 И тово ли посол Василей не пятитися,
Вышел он на двор боротися,
Среди двора княжецецкова
Сошлися борцы с послом боротися:
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит,
Она третьевахватила поперек хребта,
Ушибла ево среди двора.

А плюнул князь да и прочь пошел:

«Глупая княгиня, неразумная!

¹⁴⁰ У те волосы долги, ум короток:

Называешь ты богатыря женщиною, -

Такова посла у нас еще была и не видана».

Втапору княгиня с князем заспоровалась:

«А и ты, ласковой сударь Владимир-князь,

Да не быть этому грозному послу —

Быть Ставровой молодой жене».

Говорил тут Владимир стольной киевской:

«Гой ты еси, княгиня Апраксевна,

Я ли посла Василья проведу —

¹⁵⁰ Заставлю ево из туга лука стрелять

Со своими могучими богатырями».

Выводил тут Владимир стольной киевской

Двенадцать сильных могучих богатырей,

Стали оне стрелять по сыру дубу

За целу версту, -

Попадают оне по сыру дубу.

От тех стрелачак каленых

И от той стрельбы богатырския

Только сырой дуб шатается,

¹⁶⁰ Будто от погоды сильныя.

Говорил посол Василей Иванович:

«Гой еси, Владимир-князь,

Не надо мне эти луки богатырския

Есть у меня лучонко волокитной,

С которым я ежду по чисту полю».

Втапоры кинулися ее удалы добры молодцы,
Под первой рог несут пять человек,
Под другой несут столько же,
Колчан тащат каленых стрел тридцать человек,

170 И говорит князю таково слово:
«Что потешить-де тебя, князя Владимира».
Берет она во ту рученьку левую
И берет стрелу каленую,
Та была стрелка булатная,
Вытягала лук за ухо,
Хлес(т)нет по сыру дубу —
Изломал ево в черенья ножевые;
Спела титивка у туга лука, -
И Владимир-князь окарачь напозался,

180 И все тут могучия богатыри
Встают, как угорелыя.
[В]звыла да пошла калена стрела,
Угодила в сыр || крековистой дуб,
Изломала в черенья ножевые,
И говорил посол таково слово:
«Не жаль мне сыра дуба крековистова,
Только жаль мне своей калены стрелы
Никому не найти во чистом полé».
Плюнул Владимир-князь, сам прочь пошел

190 Говорил себе таково слово:
«Разве сам Василья-посла проведаю».
Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями:

Первую заступь заступовали,
И ту посол поиграл;
Другую заступь заступовали,
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали,
Шах да и мат да и под доску.

²⁰⁰ И стал посол говорить таково слово:
«Гой еси, стольной Владимир-князь,
Отдай ты мне дани-выходы за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи»:
Говорил Владимир-князь:
«Изволь мене, посол, взять головой с женой!».
И говорил тут посол таковы слова:
«Чем ты, Владимир-князь, в Киеве потешаешься?
Есть ли у тебя веселыя молодцы?».
И тотчас посылал Владимир-князь

²¹⁰ Искать таковых людей всяких рук,
И собрали веселых молодцов на княженецкой двор.
Втапоры у великова князя
Ради посла было пирование почестное
На великих на радостях.
И тут посол невесел сидит,
Только князю таково слово выговорит:
«Нет ли у тебе кому в гусли поиграть?».
Похватится Владимир-князь,
Послал по Ставра-боярина,

²²⁰ Боярина-Годиновича,
Велел ево росковать всево.

Сымали железа с рук и с ног
И приводили Ставра на почестной пир.
И втапоры посол скочил на резвы ноги,
Посадил Ставра против себя в дубову скомью.
И зачал тут Ставер поигравати,
Сыгриш сыграл Царя-града,
Танцы навел Ерусалима,
Величал князя со княгинею,

²³⁰ Сверх того играл еврейской стих.

Посол задремал и спать захотел,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Владимир-князь,
Не надо мне твои дани-выходы,
Только пожалуй веселым молодцом,
Ставром-боярином Годиновичем».
И Владимир-князь о том радошен стал,
Отдавал Ставра руками своими.
Взявши посол Ставра, отъезжал из Киева вон,
Пров(о)жает ево Владимир-князь || и со княгинею.
И становился он, посол, у быстра Непра,
Расставлял полатки свои белыя,
Говорил таково слово:
«Пожалуй-де, асударь Владимир-князь,
Посиди до тово часу, когда я выпюся».
Раздевался посол из своего платья посольскова
И убирался в платье женское,
Притом говорил таково слово:
«Гой еси, Ставер, веселой молодец,

²⁵⁰ Как ты мене не опазноваешь,

А доселева мы с тобой в свайку игравали,
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольцо позолоченое,
И ты меня поигравал,
А я тебе – толды-вселды».
И втапору Ставер-боярин догадается,
Скидалвал платье черное
И надевал на себя посольское,
И с великим князем и со княгинею прощались
260 И отъезжали во свою землю дальнюю.

Иван Гаденович

Во стольном во городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимира вечеренка была.
На пиру у нево сидели честныя вдовы,
Пригодился тут Иван Годинович,
И проговорит ему стольной киевской Владимир-князь:
«Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты, Иванушка, не женишься?».
Отвечает Иван сын Годинович:
«Рад бы, асударь, женился, да негде взять»:

¹⁰ Где охота брать, за меня не дают,
А где-та подают, ту я сам не беру».
А проговорит ласковой Владимир-князь:
«Гой еси, Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчет стул,
Пиши ерлыки скоропищеты».
И садился тотчас Иван на ременчет стул,
Написал ерлык скоропищетою
А о добром деле – о сватонье
К славному городу Чернигову,

²⁰ К Дмитрею, гостю богатому.
Написал он ерлык скоропищетою,
А Владимир-князь ему руку приложил:
«А не ты, || Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимир-князь».

А скоро-де Иван снарежается,
А скоря тово поездку чинит
Ко городу Чернигову.

Два девяноста-то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.

30 Стал он, Иван, на гостином дворе,
Скочил он, Иван, со добра коня.
Привезавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею-гостю кланеется,
Положил ерлык скоропищетою на круглой стол.
Дмитрей-гость распечатавает и рассматривает,
Просматривает и прочитавает.
«Глупой Иван, неразумной Иван!

40 Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальну землю Загорскую
За царя Афромея Афромеевича.
За царя отдать – ей царицою слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков с(че)ту нет;
За тебя, Иван, отдать – холопкой слыть,

50 Избы мести, заходы скрести».
Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ерлык Иван да и вон побежал.

Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву.
Скоро Иван на двор прибежал,
И приходит он во светлу гридню
Ко великому князю Владимиру,
Спасову образу молится,
А Владимиру-князю кланеется.

⁶⁰ Вельми он, Иван, закручинился.
Стал его Владимир-князь спрашивати,
А стал Иван рассказавати:
«Был я у Митрея во дому,
Положил ерлык на круглой стол,
Дмитрей-гость не задерживал меня в том,
Скоро ерлыки прочитавал
И говорил таковы слова:
«Глупой ты-де, Иван, неразумной, Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?»

⁷⁰ Ноне Настасья просватана
В дальну землю Загорскую
За царя Афромея Афромеевича.
За царя-де ее отдать – царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все и улановья,
А немецких языков счету нет;
За тебя-де, Иван, отдать – холопкой слыть:
Избы мести да заходы скрести».

Тут ему, князю, за беду стало,

⁸⁰ Рвет на главе черны кудри свои,

Бросает их о кирпичет || пол:
«Гой еси, Иван Годинович,
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле – о сватонье,
Честью не даст, ты и силою бери».
Скоро молодцы те собираются,

⁹⁰ А скоря тово пое(зд)ку чинят,
Поехали к городу Чернигову,
А и только переехали быстрова Непра,
Выпала пороха снегу белова,
По той по порохе, по белу снегу
И лежат три следа звериныя:
Первой след гнедова тура,
А другой след лютова зверя,
А третьей след дикова вепря.
Стал он, Иван, разъесачавати:

¹⁰⁰ Послал он за гнедым туром сто человек
И велел поймать ево бережно,
Без той раны кровавья;
И за лютым зверям послал другое сто
И велел изымать ево бережно,
Без той раны кровавья;
И за диким вепрям послал третье сто,
А велел изымать ево бережно,
Без тоя раны кровавья,
И привесть их во стольной Киев-град

110 Ко великому князю Владимеру.

А сам он, Иван, поехал единой

Во Чернигов-град.

И будет Иван во Чернигове,

А у Дмитрея, гостя богатова,

Скачет Иван среди двора,

Привезал коня к дубову столбу,

Походил он во гридню светлую

К Дмитрею, гостю богатому,

Спасову образу молится,

120 Дмитрею-гостю не кланеется,

Походил за занавесу белую

Он к душке Настасье Дмитревне.

А тут у Дмитрея, гостя богатова,

Сидят мурзы-улановья,

По нашему, сибирскому, дружки словут:

Привезли оне платьица цветное

Что на душку Настасью Дмитревну,

Платья тово на сто тысячей

От царя Афромейя Афромевича.

130 А сам царь Афромей Афромеевич

Он от Чернигова в трех верстах стоит,

А силы с ним три тысячи.

Молоды Иванушка Годинович

Он из-за занавесу белова

Душку Настасью Дмитревну

Взял за руку за белую,

Потащил он Настасью, лишь туфли звенят.

Что взговорит ему Дмитрий-гость:

«Гой еси ты, Иванушка Годинович,

140 Сужаное пересужавашь, ряженое переряжевашь,
Мошно тебе взять не гордос(т)ью —
Веселым пирком-свадебкой».

Только Иван слово выговорил:

«Гой еси ты, славной Дмитрий-гость!

Добром мы у тебя сваталися,

А сватался Владимир-князь,

Не мог ты чес(т)ью мне отдать,

Ноне беру и не кланеюсь!».

Вытощил ее среди двора,

150 Посадил на добра коня

И сам метался в седелечко черкесское.

Некому бежать во Чернигов-град

За молодым Иванушкой Годиновичем.

Переехал он, Иван, девяноста верст,

Поставил он, Иван, тут свой бел шатер,

Развернул ковры сорочинския,

Пос(т)лал потнички бумажныя,

Изволил он, Иван, с Настасьєю опочив держать.

Данеслась скоро вестка нерадошна

160 Царю Афромею Афромевичу,

А приехали мурзы-улановья,

Телячьим языком рассказывают:

«Из славнова-де города из Киева

Прибежал удал молодец,

Увез твою противницу Настасью Дмитревну».

Царь Афромей Афромеевич

Скоро он вражду чинил:

Обвернется гнедым туром,

Чистыя поля туром перескакал,

¹⁷⁰ Темныя леса сободем пробежал,

Быстрыя реки соколом перлетал,

Скоро он стал у бела шатра.

А и тут царь Афромей Афромеевич

Закричал-заревел зычным голосом:

«Гой еси, Иванушка Годинович!

А и ты суженое пересужаваешь, ряженое
переряживаешь,

Почто увез ты Настасью Дмитревну?».

А скоро Иван выходит из бела шатра,

Говорил тут Иванушка Годинович:

¹⁸⁰ «Гой еси, царь Афромей Афромеевич!

Станем мы с тобою боротися а большинé,

Что кому наша Настасья достанется».

И схватилися оне тут боротися.

Что-де ему, царю, делати

Со молодом Иваном Годиновичем:

Согнет он царя корчагою,

Опустил он о сыру землю,

Царь Афромей Афромеевич

Лежит на земли, свету не видит.

¹⁹⁰ Молоды Иван Годинович

Он ушел за кустик || мочитися,

Царь Афромей едва пропищал:

«Думай ты, Настасья, не продумайся!
За царем, за мною, быть – царицею слыть,
Панове все поклонятся, пановя все улановя,
А немецких языков счету нет;
За Иваном быть – холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести».
Приходит Иван ко белу шатру,

²⁰⁰ Напустился с ним опять боротися,
Схватилися оне руками боротися,
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за́ ноги,
Тут ево двоя и осилили.

Царь Афромей на грудях сидит,
Говорит таково слово:
«А и нет чингалишша булатнова,
Нечем пороть груди белыя».
Только лишь царь слово выговорил:

²¹⁰ «Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
Подай чембур от добра коня».
И свезали Ивана руки белыя,
Привезали ево ко сыру дубу.
Царь Афромей в шатер пошел,
Стал с Настасьею поигравати,
А назолу дает ему, молоду Ивану Годиновичу.
По ево было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка из Киева бежит —

²²⁰ Ровно сто человек;

Прибежали ко тому белу шатру,
Будта зайца в кусте изъехали:
Спиря скочил, тот поспирявает,
Сёма прибежал, тот посёмавает;
Которы молодцы оне поглавнея
Срезали чембуры шелковыя,
Молода Ивана Годиновича опрастовали.
Говорил тут Иванушка Годинович:
«А и гой вы еси, дружина хоробрая!

²³⁰ Их-та, царей, не бьют-не казнят,
Не бьют-не казнят и не вешают,
Повезите ево ко городу ко Киеву
Ко великому князю Владимиру».
А и тут три высылки все сбиралися,
Наредили царя в платье цветное,
Повезли ево до князя Владимира.
И будут в городе Киеве,
Росказали тут удалы добры молодцы
Великому князю Владимиру

²⁴⁰ Про царя Афромея Афромеевича.
И Владимир-князь со княгинею
Встречает ево честно-хвально и радощно,
Посадил ево за столы дубовыя.
Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.
Молоды Иванушка Годинович
Астался он во белом шатре,
Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:

Он перво || ученье-то – руку ей отсек,
Сам приговаривает:

«Эта мне рука не надобна —

Трепала она, рука, Афромея царя!».

А второе ученье – ноги ей отсек:

«А и та-де нога мне не надобна —

Аплеталася со царем Афромеем неверным!».

А третье ученье – губы ей обрезал

И с носом прочь:

«А и эти губы мне не надобны —

²⁶⁰ Целовали оне царя невернова!».

Четверто ученье – голову ей отсек

И с языком прочь:

«Это голова мне не надобна

И этот язык мне не надобен —

Говорил со царем неверным

И сдавался на ево слова прелестныя!».

Втапоры Иван Гоудинович

Поехал ко стольному городу Киеву

Ко ласкову князю Владимиру.

²⁷⁰ И будет в городе Киеве,

Благодарит князя Владимира

За велику милость, что женил ево

На душке Настасье Дмитревне.

Втапоры ево князь спрашивал:

«Где же твоя молодая жена?».

Втапоры Иван о жене своей сказал,

Что хотела с Вахрамеем царем в шатре ево убить,

За что ей поученья дал – голову срубил.

Втапоры князь весел стал,
280 Что отпускал Вахрамея царя, своего подданника,
В ево землю Загорскую.
Только ево увидели,
Что обвернется гнедым туром,
Поскакал далече во чисто поле к силе своей.

Гардей Блудович

В стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимира,
Было пиrowанье-почестной пир,
Было столование-почестной стол;
Много было у князя Владимира
Князей и бояр и княженецких жен.
Пригодились тут на пиру две честныя вдовы:
Первая вдова – Чесовая жена,
А другая вдова – то Блудова жена,

- ¹⁰ Обе жены богатя,
Богатя жены дворянския.
Промежу собой сидят за прохлад говорят.
Что взговорит тут Блудова жена:
«Гой еси ты, Авдотья Чесовая жена!
Есть у тебе девять сыновей,
А девять сыновей, как ясных соколов,
И есть у тебе дочь возлюбленна,
Молода Авдотья Чесовична,
Та ведь девица как лебедь белая;
- ²⁰ А у меня, у вдовы, Блудовы жены,
Един есть сын Горден как есен сокол,
Многия пожитки остались ему
От своего родимаго батюшка;
Ноне за прохлад за чужим пирком

Молвим словечко о добром деле – о сватонье:
Я хочу у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну».
Втапоры Авдотья Чесова жена

30 На то осердилася,
Била ее по щеке,
Таскала по полу кирпичету
И при всем народе, при беседе,
Вдову опазорела,
И весь народ тому смеялися.
Исправилась она, Авдотья Блудова жена,
Скоро пошла ко двору своему,
Идет ко двору, шатается,
Сама больно закручинилася.

40 И завидел Горден сын Блудович,
Скоро он метался с висока терема,
Встречал за воротами ее,
Поклонился матушке в праву ногу:
«Гой еси, матушка!
Что ты, сударыня, идешь закручинилася?
Али место тебе было не по вотчине?
Али чаром зеленом вином обносили тебе?».
Жалобу приносит матера вдова,
Авдотья Блудова жена,

50 Жалобу приносит своему сыну Гордену Блудовичу:
«Была я на честном пиру
У великова князя Владимира,

Сидели мы с Авдотьей Часовой женой,
За прохлад с нею речи говорили
О добром деле – о сватонье,

Сваталась я на ее любимой на дочери Авдотьи
Часовичне

За тебе, сына, Гордена Блудовича.
Те ей мои речи не взлюбились,
Била мене по щеке

⁶⁰ И таскала по полу кирпичетому,
И при всем народе на пиру обе(сч)естила».
Молоды Горден сын Блудович
Уклат спать свою родимую матушку:
Втапоры она была пьяная.
И пошел он на двор к Чесовой жене,
Сжимал песку горсть целую,
И будет против високова терема,
Где сидит молода Авдотья Чесовична,
Бросил он по високом терему —

⁷⁰ Полтерема сшиб, виноград подавил.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бешеная, из високова терема,
Среди двора она бежит,
Ничего не говорит,
Пропустя она Гордена сына Блудовича,
Побежала к своей родимай матушке
Жаловатися на княженецкой пир.
Втапоры пошел Горден на княженецкой двор
Ко великому князю Владимиру

80 Рассматривать вдову, Чесову жену.
Та || вдова, Чесова жена,
У великова князя сидела на пиру за убраными столы.
И тут молоды Горден выходил назад,
Выходил он на широкой двор,
Вдовины ребята с ним заздорели;
А и только не все оне пригодились,
Пригодилось их тут только пять человек,
Взяли Гордена пощипавати,
Надеючи на свою родимую матушку.

90 Молоды Горден им взмолятся:
«Не троните мене, молодцы!
А меня вам убить, не корысть получитьь!».
А оне тому не веруют ему,
Опять приступили к нему,
И он отбивался и метался от них,
И прибил всех тут до единова.
Втапоры донесли народ киевской
Честной вдове, Часовой жене,
Что молоды Горден Блудович

100 Учинил драку великую,
Убил твоих детей дб смерти.
И посылала она, Часова жена,
Любимых своих четырех сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтоб он от того не убрался домой,
Убить бы ево дб смерти.
И настигли ево на широкой улице,

Тут обошли вокруг ево,
Ничего с ним не говорили,

110 И только один хотел боло ударить по уху,
Да не удалось ему:
Горден верток был, -
Тово он ударил о землю
И ушиб ево до смерти;
Другой подвернется – и тово ушиб,
Третьей и четвертой кинулися к нему —
И тех всех прибил до смерти.
Пошел он, Горден, к Авдотьи Чесовичне,
Взял ее за белы руки

120 И повел ко божьей церкви,
С вечернями обручается,
Обручался и обвенчался с ней и домой пошел.
Поутру Горден стол собрал,
Стол собрал и гостей позвал,
Позвал тут князя со княгинею
И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.

Втапоры боло честна вдова, Чесовая жена,
загорденелася,

Не хотела боло идти в дом к зятю своему,
Тут Владимир-князь стольной киевской и со княгинею

130 Стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гневалася.
И она тут их послушела,
Пришла к зятю на веселой пир.

Стали пити, ясти, прохложатися.

чурила Пленкович

Во стольном в городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимира,
Было пиrowание-почестной пир,
Было столование-почестной стол
На многи князи и бояра
И на русския могучия богатыри.
Будет день в половина дня,
А и будет стол во полустоле,
Князь Владимир распотешился.

10 А незнаемы люди к нему появились:
Есть молодцов за сто человек,
Есть молодцов за другое сто,
Есть молодцов за третье сто,
Все оне избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бь(ю)т челом, жалобу творят:
«Свет государь ты, Владимир-князь!
Ездили мы по полю по чистому,

20 Сверх тое реки Чéреги,
На твоём государевом займище,
Ничего мы в поле не наезжавали,
Не наезжавали зверя прыскучева,
Не видали птицы перелетныя,

Только наехали во чистом поле
Есть молодцов за́ три ста́ и за́ пять со́т,
Жеребцы под ними латынския,
Кафтанцы на них камчатныя,
Однорядочки-то голуб скурлат,

30 А и колпачки – золоты плаши.
Оне соболи, куницы повыловили
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрелили,
И нас избили-изранели,
А тебе, асударь, добычи нет,
А от вас, асударь, жалованья нет,
Дети, жены осиротили,
Пошли по миру скитатися».

А Владимир-князь стольной киевской

40 Пьет он, есть, прохложается,
Их челобитья не слушает.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилась:
Есть молодцов за́ три ста́,
Есть молодцов за́ пять со́т.
Пришли охотники-рыбаловья,
Все избиты || – изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,

50 Бьют челом, жалобу творят:
«Свет государь ты, Владимир-князь!
Ездили мы по рекам, по озерам,

На твои щаски княженецкия

Ничего не поймавали, -

Нашли мы людей:

Есть молодцов за́ три ста и за́ пять сот,

Все оне белую рыбицу повыловили,

Щуки, караси повыловили ж

И мелкаю рыбицу повыдавили,

⁶⁰ Нам в том, государь, добычи нет,

Тебе, государю, приносу нет,

От вас, государь, жалованья нет,

Дети, жены осиротили,

Пошли по миру скитатися,

И нас избили-изранели».

Владимер-князь стольной киевской

Пьет-ест, прохложается,

Их челобитья не слушает.

А и те толпы со двора не сошли,

⁷⁰ Две толпы вдруг пришли:

Первая толпа – молодцы сокольники,

Другия – молодцы кречатники,

И все они избиты-изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,

Кушаками головы завязаны,

Бьют челом, жалобу творят:

«Свет государь, Владимир-князь!

Ездили мы по полю чистому,

Сверх тое Чéreги,

⁸⁰ По твоем государевом займищу,

На тех на потешных островах,
На твои щаски княженецкия
Ничево не поймавали,
Не видали сокола и кречета перелетнова,
Только наехали мы молодцов за тысячу человек,
Всех оне ясных соколов повыхватали
И белых кречетов повыволовили,
А нас избили-изранели, -
Называются дружиною Чуриловою».

⁹⁰ Тут Владимир-князь за то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таков?».

Выступался тута старой Бермята Васильевич:
«Я-де, асударь, про Чурила давно ведаю,
Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малова Киевца.
Двор у нево на семи верстах,
Около двора железной тын,
На всякой || тынинки по маковке,
А и есть по земчуженке,

¹⁰⁰ Среди двора светлицы стоят,
Гридни белодубовыя,
Покрыты седых бобров,
Потолок черных соболей,
Матица-та валженная,
Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены,
Первыя у нево ворота вольящетыя,
Другия ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянные».

110 Втапоры Владимир-князь и со княгинею
Скоро он снарежается,
Скоря тово пое(зд)ку чинят;
Взял с собою князей и бояр
И магучих богатырей:
Добрыню Никитича
И старова Бермята Васильевича, -
Тут их собралось пять сот человек
И поехали к Чурилу Пленковичу.
И будут у двора ево,

120 Встречает их старой Плен,
Для князя и княгини отворяет ворота вольящетыя,
А князем и боярам – хрустальныя,
Простым людям – ворота оловянныя,
И наехала их полон двор.
Старой Пленка Сароженин
Приступил ко князю Владимиру
И ко княгине Апраксевне,
Повел их во светлы гридни,
Сажал за убраныя столы,

130 В место почестное,
Принимал, сажал князей и бояр
И могучих русских богатырей.
Втапоры были повары догадливыя —
Носили ества сахарныя и питья медяныя,
А питья все заморския,
Чем бы князя развеселить.
Веселыя беседа – на радости день:

Князь со княгинею весел сидит.

Посмотрил в окошечко косящетое

¹⁴⁰ И увидел в поле толпу людей,

Говорил таково слово:

«По грехам надо мною, князем, учинилося:

Князя меня в доме не случилася,

Едет ко мне король из орды

Или какой грозен посол».

Старой Пленка Сороженин

Лишь только усмехается,

Сам подбивает:

«Изволь ты, асударь, Владимир-князь со княгинею

¹⁵⁰ И со всеми своими князи и бояры, кушати!

Что-де едет не король из орды

И не грозен посол,

Едет-де дружина хоробрая сына моего,

Молода Чурила сына Пленковича,

А как он, асударь, будет, -

Пред тобою ж будет!».

Будет пир во полупире,

Будет стол во полустоле,

Пьют оне, едят, потешаются,

¹⁶⁰ Все уже оне без памяти сидят.

А и на дворе день вечеряется,

Красное солнушка закатается,

Толпа в поле собирается:

Есть молодцов их за пять сот,

Есть и до тысячи:

Едет Чурила ко двору своему,
Перед ним несут подсолнучник,
Чтоб не запекла солнца белá ево лица.

И приехал Чурила ко двору своему,

¹⁷⁰ Перво ево скороход прибежал,
Заглянул скороход на широкой двор:
А и некуды Чуриле на двор ехати
И стоят(ь) со своим промыслом.
Поехали оне на свой окольной двор,
Там оне становилися и со всем убиралися.
Втапоры Чурила догадлив был:
Берет золоты ключи,
Пошел во подвалы глубокия,
Взял золоту казну,

¹⁸⁰ Сорок сороков черных соболей,
Другую сорок печерских лисиц,
И брал же камку белохрущету,
А цена камке сто тысячей,
Принес он ко князю Владимиру,
Клал перед ним на убранной стол.
Втапоры Владимир-князь стольной киевской
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорил ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленкович!

¹⁹⁰ Не подобает тебе в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить, князю служить!».
Втапоры Чурила князя Владимира не ослушался
Приказал тотчас коня оседлать,

И поехали оне все в тот стольной Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру.

В добром здоровье их бог перенес.

А и будет на дворе княженецкием,

Скочили оне со добрых коней,

Пошли во светлицы-гридни,

²⁰⁰ Садилися за убранья столы,

Посылает Владимир стольной киевской

Молода Чурила Пленковича

Князей и бояр звать в гости к себе,

А звагова приказал брать со всякова по десяти рублев,

Обходил он, Чурила, князей и бояр

И собрал ко князю || на почестной пир.

А и зайдет он, Чурила Пленкович,

В дом ко старому Бермяте Васильевичу,

Ко ево молодой жене,

²¹⁰ К той Катерине прекрасной,

И тут он позамешкался.

Ажидает ево Владимир-князь,

Что долго замешкался.

И мало время поизойдучи,

Пришел Чурила Пленкович.

Втапору Владимир-князь не во что положил,

Чурила пришел, и стол пошел,

Стали пити-ясти, прохложатися.

Все князи и бояры допьяна́ напивалися

²²⁰ Для новаго стольника Чурила Пленкóвича,

Все оне напивалися и домой разъезжалися.

Поутру рано-ранешонько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли к заутрени,
В тот день выпадала пороха снегу белова,
И нашли оне свежей след.

Сами оне дивуются:

Либо зайка скакал, либо бел горносталя,

А инья тут усмехаются, сами говорят:

²³⁰ «Знать это не зайко скокал, не бел горносталя —

Это шел Чурила Пленкович к старому Бермяке
Васильевичу,

К ево молодой жене Катерине прекрасная».

Василей Буслаев молиться ездил

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает,
А плавает-поплавает червлен карабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со ево дружиною хоробраю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,

¹⁰ Малинькой Потаня на носу стоит,
А Василе-ет по караблю похаживает,
Таковы слова || поговаривает:
«Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте карабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы ко Нову-городу!».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василей

²⁰ Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василей Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,

Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн, около ее убивается,
Просит благословение великое:

«А свет ты, моя сударыня-матушка,

30 Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробряю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».

Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:

«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василей Буслаевич!

40 То коли ты пойдешь на добрыя дела,
Тебе дам благословение великое,
То коли ты, дитя, на розбой пойдешь,
И не дам благословение великова,
А и не носи Василья сыра земля!».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сер(д)це распущается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебныя,

50 И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василей, буйну голову свою!».
Скоро молодцы собираются

И с матерой вдовой прощаются.
Походили оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильмену.
Бегут оне уж сутки другия,
А бегут уже неделю другую,
Встречу им гости-карабельщики:

⁶⁰ «Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?».
Отвечает Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-карабельщики!
А мое-та ведь гулянье неохотное:
Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-карабельщики:

⁷⁰ «А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой – полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много не мало их – три тысячи;
Грабят бусы-галеры,

⁸⁰ Разбивают червленены карабли».

Говорит тут Василей Буслаевич:
«А не верую я, Васюнька, ни в сон ни в чох,
А и верую в свой червленной вяз.
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!».
И завидел Василей гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил-су Василей сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.

⁹⁰ Будет Василей в полу́горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова – человечья кость.
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василей Буславъевич!
Ты к чему меня, голову, побросоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Умею я, молодец, волятися
А на той горе Сорочинския.

¹⁰⁰ Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой!».
Плюнул Василей, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистой дух!».
Пошел на гору высокую,
На самой сопки тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через ево толька топор подать,

110 В далину́ три аршина с четвертью.

И в том-та подпись || подписана:

«А кто-де станет у камня тешиться,

А и тешиться-забавлятися,

Вдоль скокать по камению, -

Сломить будет буйну голову».

Василей тому не верует,

Приходил со дружиною хороброю,

Стали молодцы забавлятися,

Поперек тово камению поскакивати,

120 А вдоль-та ево не смеют скакать.

Пошли со горы Сорочинския,

Сходят оне на червлен карабль,

Подымали тонки парусы полбтняны,

Побежали по морю Каспицкому,

На ту на заставу карабельную,

Где-та стоят казаки-разбойники,

А стары атаманы казачия.

На пристани их стоят сто человек,

А и молоды Василей на пристань стань,

130 Сходни бросали на крут бережок,

И скочил-та Буслай на крут бережок,

Червленным вязом попирается,

Тут караульщики, удалы добры молодцы,

Все на карауле испужалися,

Много ево не дожидаются,

Побежали с пристани карабельныя

К тем атаманам казачиям.

Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:

¹⁴⁰ «Стоим мы на острове тридцать лет,
Не видали страху великова,
Это-де идет Василей Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!». Пошахал-та Василей со дружиною,
Где стоят атаманы казачия.
Пришли оне, стали во единой круг,
Тут Василей им поклоняется,
Сам говорит таково слова:

¹⁵⁰ «Вздравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму». Говорят атаманы казачия:
«Гой еси, Василей Буслаевич!
Милости тебе просим за единой стол хлеба кушати!». Втапоры Василей не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтара || ведра,
Принимает Василей единой рукой

¹⁶⁰ И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Собирается Василей Буслаевич
На свой червлен карабль,

Дают ему атаманы казачия подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую – красна золота,
Третью – скатнова земчуга.

¹⁷⁰ За то Василей благодарит и кланеется,
Просит у них до Ерусалима провожатова.
Тут атаманы Василью не отказовали,
Дали ему молодца провожатова,
И сами с ним прощались.
Собрался Василей на свой червлен корабль
Со своею дружиною хоробраю,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут оне во Ердан-реке,

¹⁸⁰ Бросали якори крепкия,
Сходни бросали на крут бережок.
Походил тут Василей Буслаевич
Со своею дружиною хороброю в Ерусалим-град,
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буславьевича,
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.

¹⁹⁰ На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыни приложился он,

И в Ердане-реке искупался,
И расплатился Василей с попами и с дьяконами,
И которья старцы при церкви живут, -
Дает золотой казны не считаючи,
И походит Василей ко дружине из Ерусалима
На свой червлен карабль.

²⁰⁰ Втапоры ево дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаються во Ердан-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславъевича,
Во Ердане-реке крестился
Сам господь Иисус || Христос;
Потерять ево вам будет,
Большова атамана Василья Буславъевича».

²¹⁰ И оне говорят таково слово:
«Наш Василей тому не верует,
Ни в сон ни в чох».
И мало время по(и)зойдучи,
Пришел Василей ко дружине своей,
Приказал выводить карабль из ус(т)ья Ердань-реки.
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминскова,
Приходили тут атаманы казачия

²²⁰ И стоят все на пристани карабельныя.
А и выскочил Василей Буслаевич

Из своего червленого кáрабля,
Поклонились ему атаманы казачия:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусáлим-град?».
Много Василей не ба́ит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил:
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.

²³⁰ Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.
А и едут неделю спбряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,

²⁴⁰ Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василей со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василей Буслаевич!
К чему меня, голову, попиноваешь
И к чему побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,

250 Да умею валяться на той горе Сорочинские.

Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!».
Плюнул Василей, прочь пошел.
Взашел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатных,
А через ево только топором подать,
В долину – три аршина с четвертью.

260 И в том-та подпись подписана:

«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скакать по камению, -
Сломить будет || буйну голову».
Василей тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек камению поскаковати,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камению —

270 И не доскочил только четверти

И тут убился под камением.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу.

И будут у Нова-города,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
280 Чтобы крепко стоял и не шатался он,
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонились все,
Письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечево,
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаючи».

290 Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиям,
Брали оне казны по малу числу,
Пришли оне к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасиба, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила-кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов!».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,

300 Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам,
А и выпили оне, сами поклонились,
И пошли добры молодцы, кому куды захотелось.

Алеша Попович

Из славнова Ростова, красна города,
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри:
Что по имени Алешинька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Оне ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего оне в чистом поли не наезживали,

¹⁰ Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскучева,
Только в чистом поле наехали —
Лежит три дороги широкия,
Промежу тех дорог лежит горяч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на каменю подписи,

²⁰ Что на каменю подписано».
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрил на каменю подписи, -
Росписаны дороги широкия:
Первая дорога во Муром лежит,

Другая дорога – в Чернигов-град,
Третья – ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:

«А и братец, Алеша Попович млад,
30 Которой дорогой изволишь ехать?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лутче нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».
Втапору поворотили добрых коней
И поехали оне ко городу ко Киеву.
Не доехавши оне до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых,
Надо Алешу покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,

40 Что изволил Алеша опочив держать,
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер || опочив держать.
Прошла та ночь осен(н)ея,
Ото сна Алеша пробужается,
Встает рано-ранешонько,
Утрен(н)ей зарею умывается,
Белаю ширинкаю утирается,

50 На восток он, Алеша, богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,

А сводил он поить на Сафет на реку,
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Аседлавши он, Еким, добрых коней,
Нарежаются оне ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожей,
Ла́патки на нем семи шелков,

60 Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд.
Шелепуга подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова,
Говорил таково слово:

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича,
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,

70 Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлиша пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.
Привезался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, калика перехожея!
Дай мне платье каличье,
Возьми мое богатырское,
Ла́патки свои семи шелков,

80 Подковырены чистым сѣребром,

Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополюю,
Шляпу сорочинскую земли греческой в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова».

Дает свое платье калика Алеши Поповичу, не
отказываячи,

А на себе надевал то платье богатырское.

Скоро Алеша каликою нарежется

И взял шелепугу дорожную,

⁹⁰ Котора была в пятьдесят пуд,

И взял в запас чингалиша булатное,

Пошел за Сафат-реку.

Завидел тут Тугарин Змеевич млад,

Заревел зычным голосом,

Подрогнула дубровушка зеленая,

Алеша Попович едва жив идет,

Говорил тут Тугарин Змеевич млад:

«Гой еси, калика перехожея!

А где ты слыхал и где видал

¹⁰⁰ Про молода Алешу Поповича?

А и я бы Алешу копьем заколол,

Копьем заколол и огнем спалил».

Говорил тут Алеша каликою:

«А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!

Поезжай поближе ко мне,

Не слышу я, что ты говоришь».

И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.

Сверстался Алеша Попович млад

Против Тугарина Змеевича,

110 Хлес(т)нул ево шелепугою по буйной голове,
Росшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю,
Скочил ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Токо ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,

120 Отрезал ему голову прочь,
Платья с него снимал цветное на сто тысячей,
И все платья на себе надевал,
Садился на ево добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожея,
Испужалися ево, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Попович млад,

130 Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу баёвую в тридцать пуд,
Бросил назад себе:
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белыя Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесскова,
И упал он на сыру землю.

Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белья,

¹⁴⁰ И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калики перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилось,
Что убил своего братца родимова».
И стали ево оба трести и качать
И потом подали ему питья заморскова,
От того он здрав стал.
Стали оне говорити
И между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,

¹⁵⁰ А Олеша – свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе.
Сели оне на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
А и будут оне в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привезали к дубовым столбам,

¹⁶⁰ Пошли во светлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьют челом-поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксевне,
И на все четыре стороны.

Говорил им ласковой Владимир-князь:

«Гой вы еси, добры молодцы!

Скажитесь, как вас по имени зовут,

А по имени вам мочно место дать,

По изо(т)честву можно пожаловати».

¹⁷⁰ Говорит тут Алеша Попович млад:

«Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем,

Из города Ростова старова попа соборнова».

Втапоры Владимир-князь обрадовался,

Говорил таковы слова:

«Гой еси, Алеша Попович млад!

По отечеству садися в большое место, в передней
уголок,

В другое место богатырское —

В дубову скомью против меня,

В третье место, куда сам захошь».

¹⁸⁰ Не садился Алеша в место большее

И не садился в дубову скамью,

Сел он со своими товарищи на полатной брус.

Мало время позамешкавши,

Несут Тугарина Змеевича

На той доске красна золота

Двенадцать могучих богатырей.

Сажали в место большое,

И подле ево сидела княгиня Апраксевна.

Тут повары были догадливы:

¹⁹⁰ Понесли ества сахарные и питья медяныя,

А питья все заморския.

Стали тут пить, есть, прохложатися,
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечит,
Те ковриги монастырския;
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестовает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:

²⁰⁰ «Гой еси ты, ласковой сударь Владимир-князь!

Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесоной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарныя,
Тебе, князю, насмехается!
А у моево сударя-батюшка
Была собачишша старая,
Насилу по подстолю таскалася,

²¹⁰ И костью та собака подавилася, -

Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!».
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы:
Носят ества сахарныя.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,

220 Завернула рукавцом, под стол опустила,

Говорила таково слово:

«Гой вы еси, княгини-боярыни,

Либо мне резать лебедь белова,

Либо смотреть на мил живот,

На молода Тугарина Змеевича».

Он взявши, Тугарин, лебедь белую,

Всю вдруг проглатил,

Еще тут же ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на полатном брусу:

230 «Гой еси, ласковой асударь Владимир-князь!

Что у тебе за болван сидит?

Что за дурак неотесоной?

Нечестно за столом сидит,

Нечестно хлеба с солью ест:

По целой ковриге за щеку мечит

И целу лебедушку вдруг проглотил.

У моево сударя-батюшка,

Федора попа ростовскаго,

Была коровишша старая,

240 Насилу по двору таскалася,

Забилася на поварню к поварам,

Выпила чан браги пресныя,

От того она лопнула, -

Взял за хвост, под гору махнул.

От меня Тугарину то же будет!».

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,

Выдернул чингалишша булатное,

Бросил в Алешу Поповича.

Алеша на то-то вёрток был,

²⁵⁰ Не мог Тугарин попасть в него,

Подхватил чингалишша Еким Иванович,

Говорил Алеши Поповичу:

«Сам ли ты бросаешь в ево, али мне велишь?».

– «Нет, я сам не бросаю и тебе не велю,

Заутра с ним переведаюсь:

Бьюсь я с ним о велик заклад —

Не о сте рублях, не о тысячи,

А бьюсь о своей буйной голове!».

Втапоры князи и бояра скочили на резвы ноги

²⁶⁰ И все за Тугарина поруки держат:

Князи кладут по сту рублей,

Бояра – по пятидесят,

Крестьяна – по пяти рублей.

Тут же случилися гости купеческия,

Три карабля свои подписывают

Под Тугарина Змеевича,

Всяки тавары заморския,

Которы стоят на быстром Непре,

А зо Алешу подписавал

²⁷⁰ Владыка черниговской.

Втапоры Тугарин [в]звился и вон ушел.

Садился на своего добра коня,

Поднялся на бумажных крыльех поднебесью летать.

Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,

Стала пенять Алеши Поповичу:

«Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому».
Втапоры тово Алеша не слушался,
[В]звился с товарищи и вон пошел.

²⁸⁰ Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя!».
Алешины молитвы доходны ко Христу.

²⁹⁰ Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алешу Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша нарежается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

³⁰⁰ И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебе огнем спалю?»

Хошь ли, Алеша, конем стопчу
Али тебе, Алешу, копьем заколю?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад —
Биться-драться || един на един,

310 А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,
Втапоры Алеша подскочил,
Ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвезал чембур от добра коня,
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привезал к добру коню,

320 И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил среди двора княженецкова.
И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал,

330 Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,

Доб люби тебе пожалую!».
Втапоры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеши Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным».

³⁴⁰ Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебе сукою,
Сукою-ту – волочайкаю!».
То старина, то и деянье.

Добрыня чудь покори́л

В стольном городе в Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
Было пиrowание-почестной пир,
Было столование-почестной стол
На многие князи и бояра
И на русския могучия богатыри.
А и будет день в половина дня,
И будет стол во полустоле,
Владимер-князь распотешился,
10 По светлой гридни похаживает,
Черны кудри расчесоват,
Таковы слова поговариват:
«Есть ли в Киеве тако(й) человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия
До моево тестя любимова,
20 До грозна короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорских
И тех калмыков с татарами,

Чукши все бы и алюторы?».

Втапоры большой за меньшева хоронится,

А от меньшева ему, князю, ответу нет.

Из тово было стола княженецкова,

Из той скамьи богатырские

30 Выступается удал доброй молодец,

Молоды Добрыня Никитич млад:

«Гой еси, сударь ты мой дядюшка,

Ласково со(л)нцо Владимир-князь!

Нет у тебе в Киеве охотников

Быть перед князем невольником.

Я сослужу службу дальнюю,

Службу дальнюю заочную,

Съезжу я в орды немирныя,

Очищу дороги прямоезжия

40 До твоего тестя любимова,

До грозна короля Этмануила Этмануиловича,

А и вырублю чудь белоглазую,

Прекрочу сорочину долгополую,

А и тех черкас петигорских

И тех колмыков с татарами,

Чукши все и алюторы!».

Втапоры Владимир-князь

Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,

И турей рог меду сладкова в полтретья ведра,

50 Подавали Добрыни Никитичу,

Принимает он, Добрыня, единой рукой,

Выпивает молодец единым духом

И турей рог меду сладкова.

И пошел он, Добрыня Никитич млад,

С княженецкова двора

Ко своей сударыни-матушки

Просить благословение великое:

«Благослови мене, матушка,

Матера вдова Афимья Александровна,

60 Ехать в дальны орды немирныя,

Дай мне благословение на шесть лет,

Еще в запас || на двенадцать лет!».

Говорила ему матушка:

«На ково покидаешь молоду жену,

Молоду Настасью Никулишну?

Зачем же ты, дитетка, и брал за себе?

Что не прошли твои дни свадебные,

Не успел ты отпраз(д)новати радости своей,

Да перед князем расхвастался в поход итить?».

70 Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:

«А ты гой еси, моя сударыня-матушка,

Честна вдова Афимья Александровна!

Что же мне делать и как же быть?

Из чево же нас, богатырей, князю и жаловати?»

И дает ему матушка свое благословение великое

На те годы уреченныя.

Прощается Добрыня Никитич млад

С молодой женой, с душой Настасьей Никулишной,

Сам молодой жене наказывает:

80 «Жди мене, Настасья, шесть лет,

А естли бо не дожدهсья в шесть лет,
То жди мене в двенадцать лет.
Коли пройдет двенадцать лет,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названова,
За молода Алешу Поповича!».

И поехал Добрыня Никитич млад
В славныя орды немирныя.

А и ездит Добрыня неделю в них,

⁹⁰ В тех ордах немирных,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую
И тое сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорских,
А и тех калмык с татарами,
И чукши все и алюторы, -
Всяким языком спуску нет.
Очистил дорогу прямоезжую
До ево-та тестя любимова,

¹⁰⁰ До грознова короля Этмануила Этмануиловича.
А втапоры Настасьи шесть лет прошло,
И немало время замешкавши,
Прошло ей, Никулишне, все сполна двенадцать лет,
А некто уже на Настасьи не сватается,
Посватался Владимир-князь стольной киевской
А за молода Алешуньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко венцу повезли.
Втапоры Добрыня едет в Киев-град,

110 Старые люди переговаривают:
«Знать-де полетка соколиная,
Видеть и пое(зд)ка молодецкая —
Что быть Добрыни Никитичу!».
И проехал молодец на вдовей двор,
Приехал к ней среди двора,
Скочил Добрыня со добра коня,
Привезал к дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка ево старехунька,

120 Некому Добрынюшку встретити.
Походил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится,
Матушке своей кланеется:
«А ты здравствуй, сударыня-матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
В доме ли женишка моя?».
Втапоры ево матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой еси, мое чадо милая,

130 А твоя ли жена замуж пошла
За молода Алешу Поповича,
Ныне оне у венца стоят».
И походит он, Добрыня Никитич млад,
Ко великому князю появиться.
Втапоры Владимир-князь
С тою свадьбою приехал от церкви
На свой княженецкой двор,

Пошли во светлы гридни,
Садилися за убранья столы.

¹⁴⁰ Приходил же тут Добрыня Никитич млад,
Он молится Спасову образу,
Кланеется князю Владимиру и княгине Апраксевне,
На все четыре стороны:
«Здравствуй ты, асударь Владимир-князь
Со душою княгинею Апраксевною!
Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимова,

¹⁵⁰ До грознова короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую
И тех черкас петигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чукши все и алюторы!».
Втапоры за то князь похвалил:
«Исполать тебе, доброй молодец,
Что служишь князю верою и правдою!».
Говорил тут Добрыня Никитич млад:

¹⁶⁰ «Гой еси, сударь мой дядюшка,
Ласково со(л)нцо Владимир-князь!
Не диво Алеши || Поповичу,
Диво князю Владимиру —
Хочет у жива мужа жену отнять!».
Втапоры Настасья засавалася,

Хочет прямо скочить, избесчестить столы.

Говорил Добрыня Никитич млад:

«А и ты душка Настасья Никулишна!

Прямо не скачи, не бесчести столы, -

¹⁷⁰ Будет пора, кругом обойдешь!».

Взял за руку ее и вывел из-за убранных столов,

Поклонился князю Владимиру

Да и молодую Алеши Поповичу,

Говорил таково слово:

«Гой еси, мой названой брат

Алеша Попович млад!

Здравствуй женивши, да не с ким спать!».

Михайла Казаринов

Как из далеча было, из Галичья,
Из Волынца города из Галечья,
Как есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Михайла Казаренин.

А и как конь под ним – как бы лютой зверь,
Он сам на коне – как есён сокол;
Крепки доспехи на могучих плечах:

¹⁰ Куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
А куяку и панцырю цена стоит на сто тысячей,
А кольчуга на нем красна золота,
Кольчуги цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи;
Копье в руках марзамецкая, как свеча, горит;
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля сажень печатная,
²⁰ В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчетой,
А цена тому луку три тысячи,
Потому цена лука три тысячи:
Полосы были булатныя,

А жилы слоны сохатныя,
И рога красна золота,
И титивочка шелковая,
Белова шолку шимаханскова;
И колчан с ним каленых стрел,
30 А во колчане было полтора ста стрел,
Всякая стрела по пяти рублей.
А конь под ним – как лютой зверь,
Цены коню сметы нет,
Почему коню цены-сметы нет?
Потому ему цены-сметы нет —
За реку броду не спрашивает,
Он скачет, конь, с берегу на́ берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.
А и едет ко городу Киеву,
40 Что ко ласкову князю Владимиру,
Чудотворцом в Киеве молиться,
И Владимиру-князю поклониться,
Послужить верою и правдою,
Позаочью князю не изменою.
Как и будет он в городе Киеве,
Среди двора княженецкова,
Скочил Казаренин со добра коня,
Привезал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
50 Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,

Поклонился князю со княгинею

И на все четыре стороны.

Говорил ему ласковой Владимир-князь:

«Гой еси, удача доброй молодец!

Откуль приехал? Откуль тебе бог принес?

Еще как тебе, молодца, именем зовут?

А по имени тебе можно место дать,

⁶⁰ По изо(т)честву можно пожаловати».

И сказал удалой доброй молодец:

«А зовут мене Михайлою Казаренин,

А Казаренин душа Петрович млад».

А втапоры стольной Владимир-князь

Не имел у себя стольников и чашников,

Наливал сам чару зелена вина,

Не велика мера – в полтора ведра,

И проведовает могучева богатыря,

Чтобы выпил чару зелена вина

⁷⁰ И турей рог меду сладкова в полтретья ведра.

Принимает Казаренин единой рукой,

А и выпил единым духом

И турей рог меду сладкова.

Говорил ему ласковой Владимир-князь:

«Гой еси ты, молоды Михайла Казаренин!

Сослужи ты мне службу заочную,

Съезди ко морю синему,

Настреляй || гусей, белых лебедей,

Перелетных серых малых утачек

⁸⁰ Ко моему столу княженецкому, -

Доб любви я молодца пожалую».
Молоды Михайла Казаренин
Великова князя не ослушался,
Помолился богу, сам и вон пошел,
И садился он на добра коня,
И поехал ко морю синему,
Что на теплы тихи заводи.
Как и будет у моря синева,
На ево щаски великия

⁹⁰ Привалила птица к берегу.
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых малых утачек
Ко ево столу княженецкому.
Обвезал он своего добра коня
По могучим плечам до сырой земли
И поехал от моря от синева
Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Наехал в поле сыр крековистой дуб,

¹⁰⁰ На дубу сидит тут черны ворон,
С ноги на ногу переступавает,
Он правільна перушка поправливает,
А и ноги, нос, что огонь, горят.
А и тут Казаренину за беду стало,
За великую досаду показалось,
Он, Казаренин, дивуется,
Говорил таково слово:
«Сколько по полю я езживал,
По ево государевой вотчине,

110 Такова чуда не наезживал,
И наехал ныне черна ворона».
Втапоры Казаренин
Вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона,
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает,
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.

120 И завыли рага у туга лука,
Заскрыпели полосы булатные,
Чуть боло спустит калену стрелу, -
Провещится ему черны ворон:
«Гой еси ты, удача доброй молодец!
Не стреляй мене ты, черна ворона,
Моей крови тебе не пить будет,
Моево мяса не есть будет,
Надо мною сер(д)це не изнести.
Скажу я тебе добычу богатырскую:

130 Поезжай на гору высокою,
Посмотри в раздолья широка
И увидешь в поле три бела шатра,
И стоит беседа дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
Как бы || три сабаки-наез(д)ники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица-полоняночка,

Молода Марфа Петровична».

И за то слово Казарин спохватается,

140 Не стрелял на дубу черна ворона,

Поехал на гору высокую,

Смотрил раздолья широкия

И увидел в поле три бела шатра,

Стоит беседа дорог рыбей зуб,

На беседе сидят три татарина,

Три сабаки-наез(д)ники,

Перед ними ходит красна девица,

Русская девица-полоняночка,

Молода Марфа Петровична,

150 Во слезах не может слово молвити,

Добре жалобна причитаючи:

«О злочастная моя буйна голова,

Горе-горькая моя русая коса!

А вечер тебе матушка расчесовала,

Расчесала, матушка, заплетала,

Я сама, девица, знаю-ведаю:

Росплетать будет моя руса коса

Трем татарам-наездником».

Оне те-та речи, татару, договаривают,

160 А первой татарин проговорит:

«Не плачь, девица, душа красная!

Не скорби, девица, лица белова!

Азделу-татарину достанешься,

Не продам тебе, девицу, дешево,

Отдам за сына любимова,

За мирнова сына в Золотой орде».

Со тыя горы со высокия,

Как есён сокол напускается

На синем море на гуси и лебеди,

¹⁷⁰ Во чистом поле напускается

Молоды Михайла Казаренин,

А Казаренин душа Петрович млад.

Приправил он своего добра коня,

Принастегивал багатырскова,

И в руке копьё морзамецкое —

Первова татарина копьём сколол,

Другова сабаку конем стоптал,

Третьева – о сыру землю.

Скочил Казаренин с добра коня,

¹⁸⁰ Сохватал девицу за белы ручки,

Русску девицу-положняночку,

Повел девицу во бел шатер.

Как чуть с девицою ему грех творить,

А грех творить, с ней блуд блудить,

Росплачется || красная девица:

«А не честь твоя молодецкая богатырская,

Не спросил не дядины, не вотчины:

Княженецкая л(ь) дочь и боярская.

Была я дочи гостиная,

¹⁹⁰ Из Волынца города из Галичья,

Молода Марфа Петровична».

И за то слово Казаренин спохватается:

«Гой еси, душа красная девица,

Молода Марфа Петровична!

А ты по роду мне родна сестра,

И ты как татарам досталася,

Ты как трем сабакам-наез(д)никам?».

Говорит ему радная сестра:

«Я вечер гуляла в зеленом саду

²⁰⁰ Со своей сударынею-матушкой,

Как из далеча из чиста поля,

Как черны вороны налетывали,

Набегали тут три татарина-наез(д)ники,

Полонили мене, красну девицу,

Повезли мене во чисто поле,

А я так татарам досталася,

Трем сабакам-наез(д)никам».

Молоды Михайла Казаренин

Собирает в шатрах злата-серебра,

²¹⁰ Он кладет во те сумы переметныя,

Переметныя сыромятныя,

И берет беседу дорог рыбой зуб,

Посадил девицу на добра коня

На русскова богатырскова,

Сам садился на тотарскова,

Как бы двух коней в поводу повел

И поехал к городу Киеву.

Въезжает в стольной Киев-град,

А и стольники, приворотники

²²⁰ Доложили князю Владимиру,

Что приехал Михайла Казаренин.

Поколь Михайла снял со добра коня
Свою сестрицу родимую
И привезал четырех коней к дубову столбу,
Идут послы от князя Владимира,
Велят итить Михайле во светлу гридню.
Приходил Казаренин во светлу гридню
Со своею сестрицею родимаю,
Молится Спасову образу,

²³⁰ Кланеется князю Владимиру
И княгине Апраксевне:
«Здравствуй || ты, ласковой сударь Владимир-князь
Со душею княгинею Апраксевною!
Куда ты мене послал, то сослужил —
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых малых утачак,
А и сам в добычи богатырския
Убил в поле трех татаринов,
Трех сабак-наез(д)ников

²⁴⁰ И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну».
Владимер-князь стольной киевской
Стал о том светел-радошен,
Наливал чару зелена вина в полтора ведра
И турей рог меду сладкова в полтретья ведра,
Подносил Михайлу Казарину.
Принимает он, Михайла, единой рукой
И выпил единым духом.
Втапоры пошли они на широкой двор,

250 Пошел князь и со княгинею,
Смотрел ево добрых коней,
Добрых коней татарских,
Велел тут князь со добра коня птицъ обратъ
И велел снимать сумы сыромятныя,
Относить во светлы гридни,
Берет беседу дорогъ рыбей зуб,
А и коней поставить велел по стойлам своим,
Говорил тут ласковой Владимир-князь:

«Гой еси ты, удача доброй молодец,
260 Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад!
У мене есть три ста жеребцов
И три любимы жеребца,
А нетъ такова единова жеребца.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою в правдою!»

Потук Михайла Иванович

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Было пиrowание-почестной пир
На три братца названья,
Светорусские могучие богатыри:
А на первова братца названова —
Светорусскова могучева богатыря,
На Потока Михайла Ивановича,
На другова братца названова,
10 На молода Добрыню Никитича,
На третьева братца названова,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговорит тут Владимир-князь:
«Ай ты гой еси, Поток Михайла Иванович!
Сослужи мне службу заочную:
Съезди ты ко морю синему,
На теплыя тихи заводи,
Настреляй мне гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак
20 К моему столу княженецкому,
Дб люби я молодца пожалуйю».
Поток Михайла Иванович
Не пьет он, молодец, ни пива и вина,
Богу помолясь, сам и вон пошел.

А скоро-де сядил на добра коня,
И только ево увидели,
Как молодец за ворота выехал:
В чистом поле || лишь дым столбом.
Он будет у моря синева,

30 По ево по щаски великия,
Привалила птица к круту берегу,
Настрелял он гусей, белых лебедей
И перелетных малых утачак.
Хочет ехать от моря синева,
Посмотреть на тихия заводи,
И увидел белую лебедушку:
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным земчугом усажена.

40 Вынимает он, Поток,
Из налушна свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу – в правую,
Накладывает на титивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей,
Заскрыпели полосы булатные,
И завыли рога у туга лука.

50 А и чуть боло спустить калену стрелу,
Провещится ему лебедь белая,
Авдотьюшка Леховидьевна:

«А и ты, Поток Михайла Иванович!
Не стреляй ты мене, лебедь белую,
Нé в кое время пригожуся тебе!».
Выходила она на крутой бережок,
Обвернулася душой красной девицей.
А и Поток Михайла Иванович
Воткнет копьё во сыру землю,

60 Привезал он коня за востро копьё,
Сохватал девицу за белы ручки
И целует ее во уста сахарныя.
Авдотьюшка Леховидьевна
Втапоры больно ево уговаривала:
«А ты, Поток Михайла Иванович,
Хотя ты на мне и женишься,
И кто из нас прежде умрет,
Второму за ним живому во гроб ийти».
Втапоры Поток Михайла Иванович

70 Садился на своего добра коня,
Говорил таково слово:
«Ай ты гой еси, Авдотья Леховидьевна!
Будем в городе Киеве,
В соборе ударят к вечерне в колокол,
И ты втапоры будь готовая,
Приходи к церкви соборныя —
Тут примим с тобою || обрученье свое».
И скоро он поехал к городу Киеву
От моря синева.

80 Авдотьюшка Леховидьевна полетела она

Белой лебедушкой в Киев-град
Ко своей сударыне-матушке,
К матушке и к батюшке.

Поток Михайла Иванович
Нигде не мешкал, не стоял;
Авдотьюшка Леховидьевна
Перво ево в свой дом ускорить могла,

И сидит она под окошечком косящетым, сама
усмехается,

А Поток Михайла Иванович едет, сам дивуется:

⁹⁰ «А негдѣ я не мешкал, не стоял,
А она перво меня в доме появилась».
И приехал он на княженецкой двор,
Приворотники доложили стольникам,
А стольники князю Владимиру,
Что приехал Поток Михайла Иванович,
И велел ему князь ко крылечку ехать.
Скоро Поток скочил со добра коня,
Поставил ко крылечку красному,
Походит во гредню светлую,

¹⁰⁰ Он молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой сударь Владимир-князь!
Куда ты мене послал, то сослужил:
Настрелял я гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак.
И сам сговорил себе красну девицу,
Авдотьюшку Леховидьевну,

К вечерне быть в соборе

¹¹⁰ И с ней обрученье принять.

Гой еси, ласковой сударь Владимир-князь!

Хотел боло сделать пир простой

На три брата названья,

А ныне для меня одново

Доспей свадебной пир веселой,

Для Потока Михайла Ивановича!».

А и тут в соборе к вечерне в колокол ударили,

Поток Михайла Иванович к вечерне пошел,

С другу сторону – Авдотьюшка Леховидьевна,

Скоро втапоры нарежалася || и убиралася,

Убравши, к вечерне пошла.

Ту вечерню отслушали,

А и Поток Михайла Иванович

Соборным попам покланяется,

Чтоб с Авдотьюшкой обрученье принять.

Эти попы соборныя,

Тому они делу радошны,

Скоро обрученье сделали,

Тут обвенчали их

¹³⁰ И привели к присяге такой:

Кто перво умрет,

Второму за ним живому в гроб идти.

И походит он, Пóтак Михайла Иванович,

Из церкви вон со своею молодою женою,

С Авдотьюшкой Леховидьевной,

На тот широкой двор ко князю Владимиру.

Приходит во светлы гридни,

И тут им князь стал весел-радошен,
Сажал их за убранные столы.

140 Втапоры для Потока Михайла Ивановича

Стол пошел, -

Повары были догадливы:

Носили ества сахарныя

И питья медяные,

А и тут пили-ели-прохлажались,

Пред князем похвалялися.

И не мало время замешкавши,

День к вечеру вечеряется,

Красное со(л)нце закатается,

150 Поток Михайла Иванович

Спать во подкле(т) убирается,

Свели ево во гридню спальную.

Все тут князи и бояра разъехались,

Разъехались и пешком разбрелись.

А у Потока Михайла Ивановича

Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной

Немного житья было – полтора года:

Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,

С вечера она расхворается,

160 Ко полуночи разболелася,

Ко утру и преставилася.

Мудрости искала над мужем своим,

Над молодом Потоком Михайлою Ивановичем.

Рано зазвонили к заутрени,

Он пошел, Поток, соборным попам весть подавать,

Что умерла ево молода жена.
Приказали ему попы соборныя
Тотчас на санях привезти
Ко тоя церкви соборныя,

¹⁷⁰ Поставить тело на паперти.
А и тут стали || магилу капать,
Выкопали магилу глубокую и великую,
Глубиною-шириною по двадцати сажен,
Сбиралися тут попы со дьяконами
И со всем церковным причетом,
Погребали тело Авдотьино,
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и сбруею ратною
Опустился в тое ж магилу глубокаю.

¹⁸⁰ И заворчали потолочком дубовыем,
И засыпали песками желтыми,
А над могилаю поставили деревянной крест,
Только место [о]ставили веревке одной,
Которая была привязана к колоколу соборному.
И стоял он, Поток Михайла Иванович,
В могиле с добрым конем
С полудни до полуночи,
И для страху, дабыв огня,
Зажигал свечи воску ярова.

¹⁹⁰ И как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеинья,
А потом пришел большой змей,
Он жжет и палит пламем огне(н)ным,

А Поток Михайла Иванович
На то-то не рббак был,
Вынимал саблю вострую,
Убивает змея лютова,
Иссекает ему голову,
И тою головою змеиною

²⁰⁰ Учал тело Авдотьино мазати.

Втапоры она, еретница, из мертвых пробужалася.
И он за тое веревку ударил в колокол,
И слышал трапезник,
Бежит тут к магиле Авдотъеной,
Ажно тут веревка из могилы к колоколу торгается.
И собираются тут православной народ,
Все тому дивуются,
А Поток Михайла Иванович
В могиле ревет зычным голосом.

²¹⁰ И разрывали тое могилу наскоро,

Опускали лес(т)ницы долгия,
Вынимали Потока и с добрым конем,
И со ево молодой женой,
И объявили князю Валадимеру
И тем попам соборным,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому.
И как Поток живучи состарелся,
Состарелся и переставелся,

²²⁰ Тогда попы церковныя

По прежнему их обещанию

Ево Потока, похоронили,
А ево молоду жену Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю.
И тут им стала быть память вечная.
То старина, то и деянье.

Сорок калик со каликою

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики нарежаться
Ко святому граду Иерусалиму,
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единой круг,
Оне думали думушку единую,
А едину думушку крепкую;
Выбирали ббльшева атамана

10 Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А итить нам, братцы, дорога не ближняя —
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленную ризой утеретися,

20 Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-та ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,

Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, -
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-та ведь заповедь подписана,

30 Белья рученьки исприложены:
Атаман Косьян сын Михайлович,
Податаманья – брат ево родной
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики в Ерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чéреги,
На ево потешных на островах

40 У великова князя Владимера
А и вышли оне из раменья,
Встречу им-та Владимир-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилось ему ехати поблизости,
Завидели ево калики тут переходя,
Становилися во единой круг,

50 Клюки-п(о)сохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом, -

Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачелся,
А богатыри с коней попадали,
А Спирия стал постыривать,
Сёма стал пересёмовать.
Едва пробудится Владимир-князь,

⁶⁰ Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Оне-та ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него светую милостиню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожия!

Хлебы с нами завозныя,
А и денег со мною не годилося,
А и ежу я, князь, за охотою,

⁷⁰ За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак,
Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь королевична
Напоит-накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,

Среди двора княженецкова,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом, -
С теремов верхи поволялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.

⁹⁰ Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгина испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом-поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову

¹⁰⁰ Со своими его товарищами
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Косьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,

110 С красными санными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица ево молодецкова,
Как бы от солнучка от краснова,
Лучи стоят великия.
Убиралис(ь) тут все добры молодцы,
А и те калики перехожая
За те столы убраныя.
А и стольники-чашники

120 Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
А и те калики перехожая
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарныя,
А и те видь пьют питья медяныя,
И сидят оне время час-другой,
Во третьем часу подымалися,

130 Подымавши, оне богу молятся,
За хлеб за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам.
И тово оне еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны, -
Наделила б на дорогу златом-серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.

А у молодой княгини Апраксевны

Не то в уме, не то в разуме:

¹⁴⁰ Пошлет Алешуньку Поповича

Атамана их уговаривати

И всех калик перехожих,

Чтоб не идти бы им сево дня и сего числа.

И стал Алеша уговаривати

Молода Касьяна Михайловича,

Зовет к княгине Апраксевне

На долгия вечера посидети,

Забавныя речи побайти,

А сидеть бы наедине во спальне с ней.

¹⁵⁰ Молоды Касьян сын Михайлович,

Замутилось ево сер(д)це молодецкое,

Отказал он Алеши Поповичу,

Не идет на долгия вечера

К молодой княгине Апраксевне

Забавныя речи байти.

На то княгиня осердилася,

Посылает Алешуньку Поповича

Прорезать бы ево суму рыта бархата,

Запехать бы чарочку серебряну,

Которой чарочкой князь на приезде || пьет.

Алеша-та догадлив был:

Распорол суму рыта бархата,

Запехал чарочку серебряну

И зашивал ее гладехонько,

Что познать было не можно то.

С тем калики и в путь пошли,

Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутся.

¹⁷⁰ И верст десяток отошли оне
От стольнова города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши ве[ж]ство нерожденое,
Он стал с каликами [в]здорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-та, калики, бродите по миру по крещеному,

¹⁸⁰ Ково окрадите, своем зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!».
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеши Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешинька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев-град.

¹⁹⁰ Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,

Посылает за каликами,

За Косьяном || Михайловичем.

Втапоры Добрынюшка не послушался,

Скоро поехал во чисто поле,

У Добрыни ве[ж]ство рожденое и ученое,

²⁰⁰ Настиг он калик во чистом поле,

Скочил с коня, сам бьет челом:

«Гой еси, Касьян Михайлович,

Не наведи на гнев князя Владимирера,

Прикажи обыскать калики перехожая,

Нет ли промежу вас глупова!».

Молоды Касьян сын Михайлович

Становил калик во единой круг

И велел он друг друга обыскивать

От малова до старова,

²¹⁰ От старова и до больша́ лица́,

До себя, млада Касьяна Михайловича.

Негдѣ та чарочка не явилася —

У млада Касьяна пригодилася.

Брат ево, молоды Михайла Михайлович,

Принимался за заповедь великую,

Закопали атамана по плеча во сыру землю,

Едина оставили во чистом поле

Молода Касьяна Михайловича,

Отдавали чарочку серебряну

²²⁰ Молоду Добрынюшки Никитичу,

И с ним написан виноватой тут

Молоды Касьян Михайлович.

Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики – в Ерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.

И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,

²³⁰ Виноватова назначено —

Молода Касьяна сына Михайлова.

А с таво время-часу захворала она скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великое во агноище.

Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.

А и будут в граде || Ерусалиме,
Святой святыни помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,

²⁴⁰ Нетленную ризою утиралися,

А всё-та молодцы отправили;

Служили обедни с молебнами

За свое здравие молодецкое,

По поклону положили за Касьяна Михайловича.

А и тут калики не замешкались,

Пошли ко городу Киеву

И ко ласкову князю Владимиру

И идут назад уже месяца два,

На то место не угодили они,

²⁵⁰ Обошли маленькой сторонкаю

Ево, молода Касьяна Михайловича;
Голосок наносит помалехоньку,
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько
И увидели молода Касьяна сын Михайлович:
Он ручкой ма́шит, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат ево

260 Михайла Михайлович,
Пришли все оне, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А оне-та к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как есён сокол из тепла гнезда.

270 А все оне, молодцы, дивуются,
На ево лицо молодецкое
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкия до самага пояса.
И стоял Касьян не мало число, -
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли || калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Дошли оне до чудна креста Леванидова,

280 Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них,
Посылает легкова молодчика
Доложитья князю Владимиру:
«Прикажит ли идти нам пообедати?».
Владимер-князь пригодился в доме,
Послал он своих клюшников-ларешников

290 Побить челом и поклонитися им-та, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники-ларешники
Пришли оне к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкой двор,
Среди двора княженецкова
Поздравствовал ему Владимер-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,

300 Взял ево за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молоды Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимер-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?».
Владимер-князь едва речи выговорил:

«Мы-де уже неделю-другу не ходим к ней».

Молоды Касьян тому не брезгует,

310 Пошел со князем во спальню к ней,

А и князь идет свой нос зажал,

Молоду Касьяну то нечто ему,

Никакова духу он не верует.

Отворяли двери у светлы гридни,

Раскрывали окошечки косящетые,

Втапоры княгиня прощалася,

Что нанесла речь напрасную.

Молоды Касьян || сын Михайлович

А и дунул духом святым своим

320 На младу княгиню Апраксевну, -

Не стало у ней тово духу-пропасти,

Оградил ея святой рукой,

Прощает ея плоть женскую,

Захотелось ей, и пострада она:

Лежала в страму полгода.

Молоды Касьян сын Михайлович

Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,

Помолился Спасу образу

Со своими каликами переходжими,

330 И сажалися за убраны столы,

Стали пить-есть, потешатися.

Как будет день в половина дня,

А и те калики напивалися,

Напивалися и наедалися,

Владимер-князь убивается,

А калики-та в путь нарежаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна

³⁴⁰ Вышла из кожуха, как из прѣпости.

Скоро она убиралася,
Убиралася и нарежалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с санными красными девицами
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда-без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович

³⁵⁰ Тою рученькой правую размахивает

По тем ествам сахарным,
Крестом огражает и благословляет,
Пьют-едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал,
Что много мы, братцы, пьем-едим, прохложаемся,
Уже третьей день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти.

³⁶⁰ Вставали калики на резвы ноги,

Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгиней Апраксевной

За хлеб за соль ево,
И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодою княгинею Апраксевною.
Собрались оне и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.

³⁷⁰ То старина, то и деянье.

Калин-царь

Да из орды, Золотой земли,
Из тое Могозеи богатя
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою,
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра;
Сбиралося с ним силы на сто верст

¹⁰ Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинова
А и месяц, со(л)нцо померкнула,
Не видит луча света белова;
А от духу татарскова
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчет стул,
Писал ерлыки скоропищеты

²⁰ Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Что выбрал татарина выше всех,
А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,

Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами касая сажень.
От мудрости слово написано,
Что возьмет Калин-царь
Стольной Киев-град,

30 А Владимира-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ерлыки скоропищеты
И послал ево в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову || князю Владимиру.
А и будет он, татарин, в Киеве,
Среди двора княженецкова
Скокал татарин с добра коня,

40 Не вяжет коня, не приказавает,
Бежит он во гридню во светлую,
А Спасову образу не молится,
Владимеру-князю не кланется
И в Киеве людей ничем зовет.
Бросал ерлыки на круглой стол
Перед великова князя Владимира,
Атшод, татарин слово выговорил:
«Владимер-князь стольной киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град

50 Без бою, без драки великия
И без того кроволития напраснаго!».
Владимер-князь запечалился,

А наскоре ерлыки распечатовал и просматривал
Гледючи в ерлыки, заплакал свет:
По грехам над князем учинилося —
Богатырей в Киеве не случилось,
А Калин-царь под стеною стоит,
А с Калином силы написано
Не много не мало – на сто верст

60 Во все четыре стороны,
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тьмы-по три тысячи;
По правую руку ево зять сидит,
А зятя зовут у нево Сартаком,
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал,

70 Втапоры Василей-пьяница
[В]збежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчетой,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,
А где-та сидит злодей Калин-царь,
И тот-та Василей-пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя,
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя ево Сартака,

80 Угодила стрела ему в правой глаз,

Ушиб ево до смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что первую беду не утушили,
А другую беду оне загрезили:
Убили зятя любимова
С тоя башни стрельныя.
Посылал другова татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдал тово виноватова.

90 А мало время замешкавши,
С тое стороны полуденныя,
Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепорхавает,
Бежит паленица удалая,
Старой казак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Среди двора княженецкова
Скочил Илья со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,

100 Идет во гридню во светлую,
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгинею
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
«Гой еси, сударь Владимир-князь,
Что у тебе за болван пришел?
Что за дурак неотесоной?».
Владимер-князь стольной киевской
Подает ерлыки скоропищеты,

110 Принял Илья, сам прочитывал.
Говорил тут ему Владимир-князь:
«Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати:
Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град
Без бою мне, без драки великия,
Без того кроволития напраснаго?».
Говорит Илья таково слово:
«Владимер-князь стольной киевской!
Ни о чем ты, асударь, не печалуйся:

120 Боже-Спас оборонит нас,
А нечто пречистой и всех сохранит!
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую – красна золота,
Третью мису – скатнова земчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю
Со своими честными подарками,
Тот татарин || дурак нас прямо доведет».
Нарежался князь тут поваром,
Заморался сажаю котельною.

130 Поехали оне ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагири ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В ево лагири татарския,
Скочил Илья со добра коня,
Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«А и Калин-царь, злодей Калинович!

Прими наши дороги подарочки
От великова князя Владимира:

140 Перву мису чиста серебра,
Другу – красна золота,
Третью мису – скатнова земчуга,
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться:
Отслужить обедни с понафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися!».
Говорит тут Калин таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромец!

150 Выдайте вы нам виноватова,
Которой стрелял с башни со стрельных,
Убил моево зятя любимова!».
Говорит ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калин-царь, повеленое,
Прими наши дороги подарочки
От великова князя Владимира.
Где нам искать такова человека и вам отдать?».
И тут Калин принял золоту казну нечестно у него.
Сам прибранивает.

160 И тут Ильи за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
«Сабака, проклятой ты, Калин-царь,
Отойти с татарами от Киева!
Охото ли вам, сабака, живым быть?».

И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью.
Связали ему руки белья
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Ильи || за беду стало,
Говорил таково слово:
«Сабака, проклятой ты, Калин-царь,
Отойди прочь с татарами от Киева!
Охото ли вам, сабака, живым быть?».

И тут Калину за беду стало
И плюет Ильи во ясны очи:
«А русской люд всегда хвастлив,
Опутан весь, будто лысай бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает!».

¹⁸⁰ И тут Ильи за беду стало,
За великую досаду показалось,
Что плюет Калин в ясны очи,
Скочил в полдрева стоячева,
Изарвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня
И до ево-та до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за́ ноги,
Которой ездил во Киев-град,

¹⁹⁰ И зачал татарин помахивати,
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куды отвернет – с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин – не ломится,

А жиловат сабака – не изорвется!».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава ево татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.

²⁰⁰ Достальныя татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагири.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватал он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-та, царей, не бьют-не казнят,
Не бьют-не казнят и не вешают!».
Согнет ево корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,

²¹⁰ Ударил ево о горюч камень,
Росшиб он в крохи говенныя.
Достальныя татара на побег бегут,
Сами оне заклинаются:
«Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы:
Один человек всех татар прибил?».
Пошел Илья Муромец искать своего товарища
Тово ли Василья-пьяницу Игнатьева,

²²⁰ И скоро нашел ево на кружале Петровскием,
Привел ко князю Владимиру.
А пьет Илья довольно зелено вино

С тем Васильем со пьяницей,
И называет Илья тово пьяницу Василья
Братом названьем.
То старина, то и деянье.

Царь Саул Леванидович

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синея,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица ево проводила
От первова стану до второва,
От второва стану до третьева,
От третьева стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:

¹⁰ «Гой еси ты есми, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь,
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черовоста,
Черовоста осталась на тех || порох».
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
«А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!

²⁰ Некому́ я тебе, царицу, не приказавоу,
Не приказавоу и не наказавоу,
А то коли тебе господи сына даст,
(В)спой-(в)скорми и за мной ево пошли,
А то коли тебе господи дочеря даст,

(В)спой-(в)скорми, замуж отдай,
А любимова зятя за мной пошли:
Поеду я на двенадцать лет».
Вскоре после ево царице бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,

30 Имя дает Костентинушком Сауловичем.
А и царское дитя не по годам растет,
А и царско дитя не по месяцам,
А которой ребенок двадцати годов,
Он, Костентинушка, семи годков.
Присадила ево матушка грамоте учиться,
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будет он, Костентинушка, десяти годов,
Стал-та по улицам похаживати,
Стал с ребятами шутку шутить,

40 С усатами, с бородатами,
А которые ребята двадцати годов
И которые во полутридцети;
А все ведь дети княженецкие,
А все-та ведь дети боярские,
И все-та ведь дети дворянския,
Еще ли дети купецкия.
Он шутку шутит не по-ребячью,
О[н] творки творил не по маленьким:
Которова возьмет за руку,

50 Из плеча тому руку выломит;
И которова заденет за ногу,
По гузна ногу оторвет прочь;

И которова хватит поперек хребта,
Тот кричит-ревет, окарачь ползет,
Без головы домой придет.

Князи-бояра || дивуются

И все купцы богатыя:

«А что это у нас за урод растет?

Что это у нас за выблядочок?».

60 Доносили оне жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне,
Молоды Елены Александровны.
Втапоры скоро завела ево матушка во теремы свои,
Тово ли млада Костентинушка Савуловича,
Стала ево журить-бранить,
А журить-бранить, на ум учить,
На ум учить – смиренно жить.
А млад Костентин сын Саулович
Только у матушки выпросил:

70 «Гой еси, матушка,
Молоды Елена Александровна,
Есть ли у мене на роду батюшка?».
Говорила царица Азвяковна,
Молоды Елена Александровна:
«Гой еси, мое чадо милая,
А и ты, младой Костентинушка Саулович!
Есть у тебе на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович,
Поехал он за море синея,

80 В дальну орду, в Полувецку землю,

Брать дани-невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет,
Я осталася черевоста,
А черевоста осталась на тех порах.
Только ему, царю, слово выговорила:
«А кому мене, царицу, приказываешь и наказываешь»?
Только лишь царь слово выговорил:
«Некому́ я тебе, царицу, не приказываю и не наказываю,
А то коли тебе господь сына даст,

90 Ты де вспой-(в)скорми,
Сына за мной пошли;
А то коли тебе господи дочеря даст,
Вспой-(в)скорми, замуж отдай,
А любимова зятя за мной пошли».
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи-приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкес(с)кое,
А в задней слуке || и в передней слуке
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцветному,
А не для-ради мене, молодца, басы, -
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьки
Темна ночь до бела света».
А и только видь матушка видела:

110 Ставал во стремя вольящетое,
Садился во седелечко черкес(с)кое,
Только он в ворота выехал, -
В чистом поле дым столбом.
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал часовню, зашел богу молиться,
А от той часовни три дороги лежат:
А и перва дорога написана,

120 А написана дорога вправо,
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт, самому – смерть;
А другою крайнею дорогою левою, -
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт, конь голоден;
А среднею дорогою поедет —
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сер(д)це разъерилася,
Могучи плечи расходилися,

130 Молодой Костентинушка Савулович
Поехал он дорогою среднею,
Доезжать до реки Смородины.
А втапоры Кунгур-царь перевозится
Со темя ли татары погаными,
Тут Костентинушка Савулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицою тяжкою,

Он бьется-дерется целой день,
Не пиваючи, не едаючи,

140 Ни на малой час отдыхаючи.

День к вечеру вечеряется,
Уж красное со(л)нце закатается,
Молодой Костентинушка Саулович
Отъехал от татар прочь,
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и младой Костентинушка Саулович,
Он, молодец, ото сна подымается,

150 Утрен(н)ей расбй умывается,

Белым полотном утирается,
На восток он богу молится,
Скоро-де садится на добра коня,
Поехал он ко Смородины-реки.
А и тута татары догадалися,
Оне к Кунгуру-царю пометалися:
«Гой еси ты, Кунгур-царь,
Кунгур-царь, Самородович!
Как нам будет детину ловить:

160 Силы мало осталосья у нас!».

А и Кунгур-царь Самородович
Научил тех ли татар поганных
Копати ровы глубокия:
«Заплетайте вы туры высокия,
А ставьте поторчины дубовые,

Колотите вы надолбы железныя!».

А и тут тотары поганыя

И копали оне ровы глубокия,

Заплетали туры высокия,

¹⁷⁰ Ставили поторчены дубовыя,

Колотили надолбы железныя.

А поутру рано-ранешенько,

На светлой заре рано-утре(н)ней,

На восходе краснова солнушка

Выезжал удалой доброй молодец,

Млады Костентинушка Савулович,

А и бегаёт-скачет с одной стороны

И завернется на другу сторону,

Усмотрел их татарские вымыслы:

¹⁸⁰ Тамо татару просто стоят,

И которых веслаухих – всех прибил,

И которых висячих – всех || оборвал,

И приехал к шатру к Кунгуру-царю,

Розбил ево в крохи говенныя,

А достальных татар домой опустил.

И поехал Костентинушка ко городу Угличу.

Он бегаёт-скачет по чисту полю,

Хоботы метал по темным лесам,

Спрашивает себе сопротивника,

¹⁹⁰ Сильна-могуча богатыря,

С кем побиться-подраться и порататься.

А углицки мужики были лукавыя:

Город Углич крепко заперли

И (в)збегали на стену белокаменну,
Сами оне ево обмановают:
«Гой еси, удалой доброй молодец!
Поезжа(й) ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву».

²⁰⁰ У Костентинушка умок молодешонёк,
Молодешенёк умок, зеленешонёк,
И сдавался на их слова прелестныя,
Подъезжал под стену белокаменну.
Оне крюки-багры заметовали,
Подымали ево на стену высокою
Со ево добрым конем.
Мало время замешкавши,
И связали ему руки белыя
В крепки чембуры шелковыя;

²¹⁰ И сковали ему ноги резвыя
В те ли железа немецкия,
Взяли у нево добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с нево платье цветное царское
И надевали на нево платье опальное,
Будто тюремное;
Повели ево в погребы глубокия,
Место темной темницы,

²²⁰ Только ево посадили, молодца,
Запирали дверями железными

И засыпали хрещом, пески мелкими.
Тут десятники засовалися,
Бегают оне по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,
И которые || под царя пригодилися.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское,
Царица ево, царя, стретила,

²³⁰ А и молоды Елена Александровна.
За первом поклоном царь поздравствовал:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты, молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что после мене тебе бог дал?».
Втапоры царица заплакала,
Сквозь слезы едва слова выговорила:
«Гой еси, царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе бог сына дал

²⁴⁰ Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком».
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
«Конюхи вы мои, приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня,
Которой жеребец стоит тридцать лет!».
Скоре тут конюхи металися,
Оседлали ему тово добра коня,

250 И берет он, царь, свою сбрую богатырскую,
Берет он сабельку вострую
И копье морзameцкое,
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики-угличи, извошки,
С ним ехавши, рассказывают,
Какова молодца посадили в погребы глубокия,
И сказывают, каковы коня приметы
И каков был молодец сам.
Втапору царь Саул догадается,

260 Сам говорил таково слово:
«Глупы вы, мужики, неразумныя,
Не спросили удала добра молодца
Ево дядины-вотчины,
Что он прежде того
Немало у Кунгура-царя || силы порубил,
Можно за то вам ево благодарити и пожаловати,
А вы ево назвали вором-разбойником,
И оборвали с нево платье цветное,
И посадили в погреба глубокия,

270 Место темной темницы!».
И мало время поизойдучи,
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков-угличов,
Чтобы выдали такова удала добра молодца,
Которой сидит в погребах глубоких.
А и тут мужики-угличи
С ним, со царем, заздорили:

Не пуцают ево во Углич-град
И не сказавают про тово удала добра молодца,

280 Что-де у нас нет такова и не бывало.

Старики тут вместе соходилися,
Оне думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из тово ли погребца глубокова
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд

290 И ево платьица царское цветное.

Нарежался он, младой Костентинушка Саулович,
В тое свое платье царское цветное,
Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказавати.
А и царь Саул спохватается,
А берет ево за руку за правую
И целует ево во уста сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милая,
Младой Костентинушка || Саулович!».
А и втапоры царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличов:
«Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?».
И тут скоро таковых сыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович

Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличи,
И садились тут на свои добры кони,

³¹⁰ Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве в Алыберском со своим сыном,
Младом Костентинушком Сауловичем,
И съехались со царицею, обрадовались,
Не пива у царя варить, не вина курить, -
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешались.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное со(л)нце закатается,
³²⁰ И гости от царя разъехались.
Тем старина и кончилась.

Агафонушка

А и на Дону, Дону, в избе на дому
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолоч[н]ая,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье – перед печью шесток,
Чистое поле – по подлавечью,
А и синее море – в лохани вода.
А у белова города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,

10 А и пушки-мушкетеры горшечные,
Знамена поставлены || помельные,
Востры сабли – кокошники,
А и тяжкия палицы – шемшуры,
А и те шешумры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яшном мушнике,
А и билася-дралася день до вечера,
Убили оне курицу пропащую.

20 А и на ту-та на драку-великой бой
Выбежал сильной-могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-та на нем была свиных хвостов,
Бблестью опушена, комухой подложена,

Чирьи да вереды – то пуговики,
Сливные коросты – то петельки.
А втапоры старик на полатех лежал,
Силу-ту смечал, во штаны насрал;
А старая баба, умом молода,

30 Села срать, сама песни поет.
А слепыя бегут, спинаючи глядят;
Безголовыя бегут, оне песни поют,
Бездырыя бегут-попёрдовают,
Безносыя бегут-понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукай за пазуху наклал,
Безъязыкова, тово на пытку ведут;
А повешены – слушают,
А и резаной – тот в лес убежал.

40 На ту же на драку-великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первова могучева богатыря
Блинами голова испроломана,
А другова могучева богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьева могучева богатыря
Кишкою брюхо пропóроно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит

50 С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынскова
Выростал ли тут крековист дуб,

А на том на сыром || дубу крековостом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила,
И детей она свела – сивиньких поросяточок,
Поросяточок полосатиньких.
По дубу оне все разбегалися,
А в воду оне глядят – притонути хотят,
60 В поле глядят – убежати хотят.
А и по чистому полю карабли бегут,
А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Оне на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и чорт ли видал, что медведь летал,
Бурою корову в когтях носил.
В ступе-де курица объегнилася,
70 Под шес(т)ком-та карова еицб снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

Садко-богатой гость

По славной матушке Волге-реке
А гулял Садко молодец тут двенадцать лет,
Никакой над собой притки и скорби
Садко не видовал,
А все молодец во здоровье пребывал,
Захотелось молодцу побывать во Нове-городе,
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил,
Ево || в Волгу опустил:

¹⁰ «А спасибо тебе, матушка Волга-река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки-скорби не выдавал над собой
И в добром здоровье от тебе отошел,
А иду я, молодец, во Нов-город побывать».
Проговорит ему matka Волга-река:
«А и гой еси, удалой доброй молодец!
Когда придешь ты во Нов-город,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня брату моему,

²⁰ А славному озеру Ильмену».
Втапоры Садко-молodeц, отошед, поклонился.
Подoшел ко Нову-городу
И будет у тоя башни проезжая,
Подле славнова озера Ильменя,

Правит челобитья великое
От тоя-та матки Волги-реки,
Говорит таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитья посылает».

30 Двою говорил сам и кланелся.
Малое время замешкавши,
Приходил тут от Ильмень-озера
Удалой доброй молодец,
Поклонился ему добру молодцу:
«Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты-де Волгу, сестру, знаешь мою?».

40 А и нижняя царства Астраханскова).
А стал тот молодец наказовати,
Которой послан от Ильмень-озера:
«Гой еси ты, с Волги удал молодец!
Проси бошлыков во Нове-городе
Их со тремя неводами
И с теми людьми со работными,
И заметовой ты неводы во Ильмень-озера,
Что будет тебе божья милость».

Походил он, молодец,
50 К тем бошлыкам новгородским,
И пришел он, сам кланеится,
Сам говорит таково слово:

«Гой вы еси, башлыки, добры молодцы!
А и дайте мне те три невода
Со теми людьми со работными
Рыбы половити во Ильмени-озере,
Я вам, молодцам, за труды заплачу».
А и втапоры ему бошлыки не отказовалися,
Сами пошли, бошлыки, со работными людьми

60 И закинули три невода во Ильмень-озеро.
Первой невод к берегу пришел —
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба мелкая;
И другой-та ведь невод к берегу пришел —
В том-та рыба красная;
А и третей невод к берегу пришел —
А в том-та ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.
Перевозился Садко-молодец на гостиной двор

70 Со тою рыбою ловленою,
А и первую рыбу перевозили,
Всю клали оне рыбу в погребы;
Из другога же невода он в погреб же возил,
Та была рыба вся красная;
Из третьева невода возили оне
В те же погребы глубокия,
Запирали оне погребы накрепко,
Ставили караулы на гостином на дворе,
А и отдал тут молодец тем бошлыкам

80 За их за труды сто рублей.

А не ходит Садко на тот на гостиной двор по три дни,
На четвертой день погулять захотелось,
А и первой в погреб заглянет он,
А насилу Садко тута двери отворил:
Котора была рыба мелкая,
Те-та ведь стали деньги дробня,
И скоро Садко опять запирает;
А в другом погребу заглянул он:
Где была рыба красная,

⁹⁰ Очутилась у Садка червонцы лежат;
В третьем погребу заглянул Садко:
Где была рыба белая,
А и тут у Садка всё монеты лежат.
Втапоры Садко-купец, || богатой гость,
Сходил Садко на Ильмень-озеро,
А бьет челом-поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!
Поучи мене жить во Нове-граде!».
А и тут ему говорил Ильмень-озеро:

¹⁰⁰ «А и гой еси, удалой доброй молодец!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про их ты обед доспей,
Позови молодцов, посадских людей,
А станут те знать и ведати».
Тут молодец догадается,
Сделал обед про томожных людей,
А стал он водиться со посадскими людьми.
И будет во Нове-граде
У тово ли Николы Можайскова,

110 Те мужики новгородские
Соходилися на братшину Никольшину,
Начинают пить канун, пива яшныя,
И пришел тут к нам удалой доброй молодец,
Удалой молодец был вол(ж)ской сур,
Бьет челом-поклоняется:
«А и гой вы еси, мужики новгородские!
Примите меня во братшину Никольшину,
А и я вам сыпь плачу немалую».

А и те мужики новгородские

120 Примали ево во братшину Никольшину,
Дал молодец им пятьдесят рублей,
А и зáchили пить пива яшныя.
Напивались молодцы уже допьяна,
А и с хмелю тут Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы славны купцы!
Припасите вы мне товаров во Нове-городе
По три дня и по три úповода,
Я выкуплю те товары
По три дни по три уповода,

130 Не оставлю товаров не на денежку,
Ни на малу разну полушечку,
А то коли я тавары не выкуплю,
Заплачу казны вам сто тысячей».
А и тут мужики || новгородские
Те-та-де речи ево записавали,
А и выпили канун, пива яшныя,
И заставили Садко ходить по Нову-городу,

Закупати товары во Нове-городе
Тою ли ценою повольною.

140 А и ходит Садко по Нову-городу,
Закупает он товары повольной ценою,
Выкупил товары во Нове-городе,
Не оставил товару не на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Влажил бог желанье в ретиво сер(д)це:
А и шод Садко, божей храм соорудил
А и во имя Стефана-архидьякона,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Он местны иконы изукрашевал,

150 Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолочевал.
А и ходит Садко по второй день по Нову-городу, -
Во Нове-граде товару больше старова.
Он выкупил товары и по второй день,
Не оставил товару не на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И влаживал ему бог желанье в ретиво сер(д)це:
Шед Садко, божей храм соорудил
А и во имя Сафѳеи Премудрыя,

160 Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачевал.
А и ходит Садко по третей день,
По третей день по Нову-городу, -

Во Нове-городе товару больше старова,
Всяких товаров заморских.

Он выкупил товары в половина дня,
Не оставил товару не на денежку,

¹⁷⁰ Ни на малу разну полушечку.

Много у Садка казны осталось,
Вложил бог желанье в ретиво сер(д)це:

Шед Садко, божей храм соорудил

Во имя Николая Можайскова,

Кресты, маковицы золотом || золотил,

Местны иконы вызукрашевал,

Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,

Царские двери вызолочевал.

А и ходит Садко по четвертой день,

¹⁸⁰ Ходил Садко по Нову-городу

А и целой день он до вечера,

Не нашел он товаров во Нове-городе

Ни на денежку, ни на малу разну полушечку,

Зайдет Садко он во темной ряд —

И стоят тут черепаны-гнилые горшки,

А все горшки уже битыя,

Он сам Садко усмехается,

Дает деньги за те горшки,

Сам говорит таково слово:

¹⁹⁰ «Пригодятся ребятам черепками играть,

Поминать Садко-гостя богатова,

Что не я Садко богат,

Богат Нов-город всякими товарами заморскими

И теми черепами-гнилыми горшки».

Михайла Скопин

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось-учинилося,
Кругом сильна царства московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила сорочина долгополая
И те черкасы петигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
10 Еще чукши с олюторами;
Как || были припасы многие:
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни протти, ни проехати
Ни конному, ни пешему
И ни соколом вон вылетити
А из сильна царства Московскова
И великова государства Росси(й)скова.
А Скопин-князь Михайла Васильевич,
20 Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли светорусския,
Что есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,

Выезжал воевода московской князь,
Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
30 Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчет стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не(й) перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скоропищеты
Во Свицкую землю, Саксонскую
Ко любимому брату названому,
Ко с[в]ицкому королю Карлосу.
А от мудрости слово поставлено:
40 «А и гой еси, мой названой брат.
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся-смилосердися,
Смилосердися, покажи милость:
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы петигорския,
А и те калмыки со башкирцами,
50 А и те чукши с олюторами,
И не можем мы с ними управиться.
Я зокладоваю три города русския».

А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимова шурина,
А таво Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честнова Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу,

60 Среди двора королевскова
Скочил почтарь со добра коня,
Везал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во полаты идет.
Не за чѣм почтарь не замешкался,
Приходит во полат(у) белокаменну,
Росковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатоваает,
Распечатал, сам просматривает,

70 И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено —
От любимова брата названова,
Скопина-князя Михайла Васильевича:
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русския».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы – то свицкия,

80 А другия силы – саксонския,

А и третия силы – школьския,
Тово ратнова люду ученова
А не много не мало – сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,

⁹⁰ Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские:
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Оне вырубил чюдь белоглазую
И ту сорочину долгополую;

¹⁰⁰ В полуденную сторону походом пошли —
Прекротили черкас петигорских,
А немного дралися, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малорос(с)ия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь —
Скопину-князю Михайлу Васильевичу:

110 Он очистел царство Московское
И велико государство росси(й)ское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих (н)а радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина-князя Михайла Васильевича,

120 Про весь православной мир.
И велику славу до веку поют
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У тово ли было князя Воротынскова
Крестили младова кнезевича,
А Скопин-князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Тово Малюты Скурлатова.

130 У тово-та князя Воротынскова
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Кнеженецкой стол во полустоле,
Как пьяниньки тут расхвастались:
Сильны || хвастает силою,
Богатой хвастает богатством,

Скопин-князь Михайла Васильевич

А и не пил он зелена вина,

140 Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большева хмелю он похвастается:
«А вы, глупой народ, неразумныя!
А все вы похваляетесь безделицей,
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистел царство Московское
И велико государство Рос(с)и(й)ское,
Еще ли мне славу поют дó веку
От старова до малова,

150 А от малова до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час оне дело сделали:
Поддернули зелья лютова,
Подсыпали в стокан, в меды сладкия,
Подавали куме ево крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума ево крестовая,
Подносила стокан меду сладкова
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.

160 Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стокан меду сладкова,
А сам говорил таково слово,
Услышел во утробе неловко добре;
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Молютина дочи Скурлатова!

А зазнаючи мне со зельем стокан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!».

Голова с плеч покатилося,

Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,

¹⁷⁰ Он садился, Скопин, на добра коня,

Побежал к родимой матушке.

А только успел с нею проститися,

А матушка ему пенянь стала:

«Гой еси, мое чадо милая,

Скопин-князь Михайла Васильевич!

Я тебе приказовала,

Не велела ездить ко князю Воротынскому,

А и ты мене не послушался.

Лишила тебе свету белова

¹⁸⁰ Кума твоя крестовая,

Малютина дочи Скурлатова!».

Он к вечеру, Скопин, и преставился.

То старина то и деянье

Как бы синему морю на утишенье,

А быстрым рекам слава до моря,

Как бы добрым людям на послушанье,

Молодым молодцам на перениманье,

Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,

Сидючи в беседе смиренныя,

¹⁹⁰ Испиваючи мед, зелена вина;

Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем

Тому боярину великому

И хозяину своему ласкову.

Взятье Казанское царство

Среди было Казанскова царства
Что стояли белокаменны полаты,
А из спал(ь)ны белокаменной полаты
Ото сна тут царица пробужалася,
Царица Елена Семиону-царю
она сон рассказала:

«А и ты встань, Семиен-царь, пробудися!
Что начесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделося:
Как от сильнова Московскова царства

¹⁰ Кабы сизой орлишша стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалася,
Что на наше ведь царство || наплывала».
А из сильнова Московскова царства
Подымался великой князь московски,
А Иван сударь Васильевич прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками,
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились оне подкопью под Булат-реку,

²⁰ Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство,

Воску ярова свечу становили,
А другую ведь на поле в лагире;
Еще на поле свеча-та стгорела,
А в земле-та идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич прозритель,

30 И зачел конанеров тут казнити,
Что начался от кананеров измена.
Что большой за меньшова хоронился,
От меньшева ему, князю, ответу нету,
Еще тут ли молодой конанер выступался:
«Ты великий, сударь-князь московский!
Не вели ты нас, конанеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-та свеча идет тишее».
Позадумался князь московски,

40 Он и стал те-та речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Оне те-та речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярова
До тоя-та бочки с черным порохом;
Принимались бочки с черным порохом,
Подымала высокую гору-ту,
Разбросала белокаменны полаты.
И бежал тут велики князь московски
На тое ли высокую гору-ту,

50 Где стояли царские полаты.
Что царица Елена догадалась:

Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А таво ли Ивана сударь Васильевича прозрителя.
И за то он царицу пожаловал
И привел || в крещеную веру.
В монастырь царицу постригли,
А за гордость царя Симеена,
Что не встретил великова князя,
⁶⁰ Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принел.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

Под Канатопом под городом

За рекою, переправую,
За деревнею Сосновкою,
Под Канотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленых
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из дáлеча-далéча, из чистá поля,

¹⁰ Из тово ли из роздолья широкова,
Кабы черныя вороны тобуном тобунились, -
Собирались-съезжались
Калмыки со башкирцами,
Напускалися татарове
На полки государевы.
Оне спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника,
А из полку государева
Сопротивника не выбрали
Не из стрельцов, не из салдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарской князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большей словет

Пожарской князь.

Выезжал он на вылозку

Сопротив татарина

И злодея наез(д)ника.

А татарин у себя держит в руках

30 Копье вострое,

А славны Пожарски(й) – князь —

Одну саблю вострую

Во рученьки правыя.

Как два ясныя соколы

В чистом поле слетались,

А съезжались в чистом поле

Пожарской-боярин с татаринoм.

Помогай, бог, князю Семену Романовичу Пожарскому!

Своей саблей вострую,

40 Он отводил востро копьe татарское

И срубил ему голову,

Что татарину-наез(д)нику.

А завыли злы татарове поганья:

Убил у них наез(д)ника,

Что не славнова татарина.

А злы татарове крымския,

Оне злы да лукавые:

Подстрелили добра коня

У Семена Пожарскова.

50 Падает ево окарачь доброй конь,

Воскричит Пожарской-князь

Во полки государевы:

«А и вы, салдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарскова,
Увезите во полки государевы!».
Злы татарове крымские,
Оне злы да лукавые,

⁶⁰ А металися грудюю,
Полонили князя Пожарскова,
Увезли ево во свои степи крымския,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Ево стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верюю,
Да ты верюю-правдою,

⁷⁰ Заочью не изменюю,
Еще как ты царю || служил,
Да царю своему белому,
А и так-та ты мне служи,
Самому хану крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелес(т)ными,
И душами красными девицами!».
Отвечает Пожарской-князь

⁸⁰ Самому хану крымскому:

«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишимары!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому,
Кобы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковые;
Кабы мне сабелька вострая, -
Послужил бы тебе верою

⁹⁰ На твоей буйной голове,
Я срубил (бы) тебе буйну голову!».
Скричит тут крымской хам,
Деревенской шишимары:
«А и вы, татары поганья!
Увезите Пожарскова на горы высокия,
Срубите ему голову,
Изрубите ево бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарскова

¹⁰⁰ По далече чисту полю!».
Кабы черныя вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарскова,
Повезли ево татарове
Оне на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарскова,
Отрубили буйну голову,

110 Иссекли бело тело
Во части во мелкия,
Разбросали Пожарскова
По далече чисту полю,
Оне сами уехали
К самому хаму крымскому.
Оне день-другой не идут,
Никто не проведает,
А из полку было государева,
Казачи двоя выбрались,

120 Эти двоя казаки-молодцы,
Оне на гору пешком пошли,
И [в]зошли тута на гору високую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарскова:
Голова его по себе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А ево бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы ево тело собрали,

130 Да в одно место складовали,
Оне сняли с себя липовой луб
Да и тут положили ево,
Увезали липовой луб накрепко,
Понесли ево, Пожарского,
(К) Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,

Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников

¹⁴⁰ И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарскова.
И склади ево бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что ево тело вместо срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело ево погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

Светел-радошен царь Алексей Михайлович

Когда светел-радошен
Во Москве благоверной царь,
Алексей царь Михайлович:
Народил бог ему сына,
Царевича Петра Алексеевича,
Первова императора по земле [св]еторусския.

Как плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали:
Колыбель-люльку делали
Оне || младому царевичу,
А и нянюшки-мамушки,
Сенная красная деушки
Во всю ноченьку не спали:
Шинкарочку вышивали
По белому рытому бархоту
Оне красным золотом;
Тюрьмы с покаяннами
Оне все распущалися;
А и погребы царские

²⁰ Оне все растворялися.
У царя благовернова
Еще пир и стол на радости;

А князи собиралися,
Бояра съезжались
А дворяна сходилися,
А все народ божей
На пиру пьют-едят,
Прохлажаются.
Во веселье, в радости

³⁰ Не видали, как дни прошли
Для младова царевича
Петра Алексеевича,
Первова императора

Когда было молодцу пора-время великая

Когда было молодцу
Пора-время великая,
Честь-хвала молодецкая, -
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любви держал,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,

¹⁰ Суседи ближняя
Почитают и жалуют,
Друзья и товарищи
На совет съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Оне про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
С са[хар]нова деревца,

²⁰ Отломилась веточка
От кудрявья от яблони,
Отстает доброй молодец

От отца, сын, от матери.
А ныне уж молодцу
Безвременье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любви держ(а)л,

30 А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи ближняя
Не чтут-не жалуют,
А друзья-товарищи
На совет не съезжаются
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.

40 А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия,
Пошел доброй молодец
Он на свой конюшенной двор,
Брал доброй молодец
Он добра коня стоялова,
Наложил доброй молодец

50 Он уздицу тесмяную,

Седелечко черкасское,
Садился доброй молодец
На добра коня стоялова,
Поехал доброй молодец
На чужу дальну сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и [в]змолится молодец:

«А и ты, мать быстра река,
60 Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конинья,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частыя!».
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,
Добро[й] молодец,

70 Я про броды конинья,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частыя:
Со броду конинова
Я беру по добру коню,
С перевозу частова —
По седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова —
По удалому молодцу,
А тебе, безвременнова молодца,

80 Я и так тебе пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину,
Он отъехал, молодец,
Как бы версту-другую,
Он своим глупым разумом,
Молодец, || похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину:
Не протти, не проехати
Не пешему, ни конному —

90 Она хуже, быстра река,
Тое лужи дождевые!».
Скричит за молодцом
Как в сугонь быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душей красной девицей:
«Безвременной молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечныя,
Два востра ножа булатныя, -

100 На чужой дальней стороне
Оборона великая!».
Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехати
За реку за Смородину,
Не узнал доброй молодец
Тово броду конинова,

Не увидел молодец

Перевозу частова,

110 Не нашел доброй молодец

Он мосточку колинова.

Поехал-де молодец

Он глубокими омоты;

Он перву ступень ступил —

По черев конь утонул,

Другу ступень с(ту)пил —

По седелечко черкесское,

Третью ступень конь ступил —

Уже гривы не видити.

120 А и (в)змолится молодец:

«А и ты мать, быстра река,

Ты быстра река Смородина!

К чему ты меня топишь,

Безвременнова молодца?»

Провещится быстра река

Человеческим языком,

Она душой красной девицей:

«Безвременной молодец!

Не я тебе топлю,

130 Безвременнова молодца,

Топит тебе, молодец,

Похвальба твоя, пагуба!».

Утонул доброй молодец

Во Москве-реке, Смородине.

Выплывал ево доброй конь,

На крутые береги,
Прибегал ево доброй конь
К отцу ево, к матери,
На луке на седельныя
¹⁴⁰ Ерлычек написаной:
«Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине».

Под Ригою стоял царь-государь

А под славным было городом под Ригою,
Что стоя(л) царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей-царь Михайлович.
Изволил царь-государь нарежатися,
Нарежается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей-царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешонько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было краснова солнушка,

¹⁰ Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили салдаты новобранья:
«А свет-государь, благоверной царь,
А и бывшей Алексей-царь Михайлович!
Ты изволишь нарежаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напрокучила:
Много холоду-голоду принели,
Наготы-босоты вдвое того».

²⁰ Что злата труба под Ригою протрубила,
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки, вы, салдаты новобраные!
Не одним вам Рига-та наскучила,
Самому мне, государ(ю), напроскучила.

Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царския,
Что с пивом, с вином, меды сладкия».

Поход селенгинским казакам

А за славным было батюшкой за Бойкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнева острогу Селендинскова,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам,
А вторая высылка – посольским стрельцам,
На подачу им даны были тобуночки мужики,
Тобуночки мужики, люди яшашные.

- ¹⁰ Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович
Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напускались на улусы на мунгальския.
По грехам над улусами учинилось,
А мунгалов в домах не годилось:
Оне ездили за зверями обловами.
Оне тута, казаки, усмехаются,
Разорили все улусы мунгальские,
- ²⁰ Он(е) жен-детей мунгалов во полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Оне стали, казаки, переправлятися
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опилися кумысу, кобыльева молока.

Из-за тово было белова камня
Как бы черныя вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Оне жен-детей мунгалок и отбили назад,

³⁰ А прибили казаков много дó смерти,
Вдвое-втрое казаков их переранили,
Тобуночки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
А прибудут казаки в Селенденской острог,
По базарам казаки оне похаживают,
А и хвастают казаки селендинский молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

По далам девица копала коренья лютая

Кабы по гарам, горам, по высокием горам,
Кабы по далам, долам, по широкием долам,
А и покрай было моря синева
И по тем по хорошием зеленым лугам,
Тут ходила-гуляла душа красная девица,
А копала она коренья-зелья лютые.
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
10 Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга.
Невзначает извела своего друга милова,
Она по роду братца родимова.
И расплачется девица над молодцом,
Она плачет, девица, убиваючи,
Она жалобна, девица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула!».

Перед нашими воротами утоптана трава

Перед нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
А(щ)ипаны цветочки лазоревые.
Еще кто траву стоптал, кто мураву столочил?
Сотоптала-столочила красная девица || душа,
Стоючи она с надежею, с милым другом.
Он держал красну девицу за белы ручки
И за хороши за перстни злаченья,
Целовал-миловал, ко сер(д)цу прижимал,
10 Называл красну девицу животом своим.
И проговорит девица-душа красная:
«Ты надежа мой, надежа, сердечной друг!
А не честь твоя хвала молодецкая —
Без числа больно, надежа, упиваешься,
А и ты мной, красной девицей, похваляишься;
А и ты будто надо мной все насмехаешься!».
Ему тута молодцу за беду стало,
Как он бьет красну девицу по белу ее лицу:
Он расшиб у девицы лицо белое,
20 Проливал у девицы кровь горячую,
Замарал на девицы платье цветное.
Расплачится девица перед молодцом:

«Когда тебе девица не в любви пришла,
А и ты сделай мне, надежа, ветлянинькой стружек,
А и ты сделай мне на нем муравленой чердачок,
А и сделай беседу дорог рыбей зуб,
Исподерни ту беседу рытым бархатом,
А и дай мне, надежа, пятьдесят гребцов,
А другое пятьдесят в провожатые,
³⁰ Отпусти меня, друг-надежа, за сине море,
За сине море во почестной монастырь,
Постригусь я, молодешунька, посхимлюся;
На пострыженья ты дай мне пятьдесят рублей,
На посхименья дай мне другое пятьдесят».

да не жаль добра молодца битова – жаль похмельнова

А и не жаль мне-ка битова, грабленова,
А и тово ли Ивана Сутырина,
Только жаль доброва молодца похмельнова,
А того ли Кирилы Даниловича:
У похмельнова доброва молодца бойна голова болит.
«А вы, милы мои братцы-товарищи-друзья!
Вы купите винца, опохмельтя молодца.
Хотя горько да жидко – давай еще!
Замените мою смерть животом своим:

¹⁰ Еще не в кое время пригожусь я вам всем!».

Из Крыму и из Нагаю

А из Крыму ли, братцы, из Нагаю,
Из тоя ли орды бесурманския,
А ехали два братца родимыя,
Под ббольшим-та братом конь уставаает,
А меньшей за ббольшева умирает:
«А и гой еси, мой братец родимой!
А я тебе, братец, посверстняе,
А пеша ту дороженьку повыду».
Когда было добру молодцу время,

¹⁰ Народ, господа ево почитали,
А стало доброму молодцу безвременье —
Некто-де молодца не почитает,
А сам се молодец размышляет:
«Сокол ли то на сем свете не птица?
На ево-та безвременьица бывает:
Он пеш да по чисту полю гуляет;
Худая та птичка – куличонко,
И та над соколом насмеялась,
Наперед-та ево залетела».

Покрай моря синего стоял Азов-город

А и покрай было моря синева,
Что на ус(т)ье Дону-га тихова,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках
А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменной,
Землян(ы)ми роскатами,
И ровами глубокими,
И со башнями караульными,

¹⁰ Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка земляная тюрьма.
И во той было темной темницы
Что двери были железныя,
А замок был в три пуда,
А пробой были булатныя,
Как засовы были медныя.
Что во той темной темницы
Засажон сидит донской казак

²⁰ Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Случилося царю идти,

Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.

А кричит донской казак

Ермак Тимофеевич:

«А ты гой еси, турецкой царь

Салтан Салтанович!

Прикажи ты меня поить-кормить,

30 Либо казнить, либо на волю пустить!».

Постоялся турецкой царь

Салтан Салтанович:

«А мурзы вы, улановья!

А вы сгаркаите из темницы

Тово тюремнова старосту».

А и мурзы-улановья

Металися || через голову,

Привели ево улановья

Оне старосту тюремнова;

40 И стал он, турецкой царь,

У тюремнова старосты спрашивать:

«Еще что за человек сидит?».

Ему староста рассказывает:

«Ай ты гой еси, турецкой царь

Салтан Салтанович!

Что сидит у нас донской казак

Ермак Тимофеевич».

И приказал скоро турецкой царь:

«Вы, мурзы-улановья,

50 Ведите донскова казака

Ко полатам моим царским!».
Еще втапору турецкой царь
Напоил-накормил добра молодца
И тожно стал ево спрашивати:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?».
Росказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,

60 А и послан был скорым послом
И гостинницы дорогие к тебе вез,
А на заставах твоих
Меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарищей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапору турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,

70 Ермаковых товарищев.
Опускает добрых молодцов
Ермака в каменну Москву,
Снарядил доброва молодца
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом-серебром.
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак

⁸⁰ По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

Про Бориса Шереметева

Во славном городе в Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурха,
Пролегла тут широкая дорожка.
По той по широкой дорожке
Идет тут царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
Со темя он со пехотными полками,
Со конницею и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.

10 Вошли оне во Красну мызу
Промежу темя высокими горами,
Промежу темя широкими долами,
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребецких да ейцкиех.
Как скрали оне швецкия караулы,
Маэора себе во полон полонили,
Привезли его в лагири царския.

20 Злата труба в поле протрубила,
Прогласил государь, слово молвил,
Государь московской, первой император:
«А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты маэора допросити тихонько- помалешуньку:

А сколько-де силы в Орешке у вашего короля
щвецкова?».

Говорит тут маэор не с упадкою,

А стал он силу рассказывать:

«С генералом в поле нашим – сорок тысячей,

С королем в поле – сметы нет».

А втапоры царев большой боярин,

Князь Борис сын Петрович Шереметев,

А сам он царю репортует,

Что много-де силы в поле той швецкой:

С генералом стоит силы сорок тысячей,

С королем в поле силы смету нет.

Злата труба в поле в лагире протрубила,

Прогласил первой император:

«А и гой еси, Борис Петрович!

Не устрашися маэора допросити,

40 Не корми маэора целы сутки,

Еще вы ево повторите,

Другие вы сутки не кормите,

И сладко он росскажет,

Сколько у них силы швецкия».

А втапоры Борис Петрович Шереметев

На то-то больно догадлив:

А двое-де сутки маэора не кормили,

Во третьи винца ему подносили.

А втапоры маэор россказал,

50 Правду истинну россказал всем:

«С королем нашим и генералом силы семь тысячей,

А более того нету!».

И тут государь [в]звеселился,
Велел ему маэора голову отляпать.

Благословите, братцы, про старину сказать

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавнюю.
Как бы в стары годы, прежняя,
Во те времена первоначальная
А и сын на матере снопы возил,
Молода жена в припрежи была,
Ево матушка обленчива,
Молода жена зарывчева,
Молоду жену свою поддерживал,
Он матушку || свою подстегивал
Своим кнутиком воровинным,
Изорвался кнутик, он – березиной.

Про князя репнина

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим ус(т)ъем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровских казаков,

10 А на всяком стручежку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов-воровских казаков.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять оне на зеленые луга,
Расставили майданы терския
И раздернули ковры сорочинския;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами – все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:

20 Как бы черн(ь) – та на Волге зачернеется,
А идут гребныя из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани
Репнина-князя Данилу Александровича.

А на что душа рождена, || тово бог и дал:
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свои легонски стружки,
Напущалися казаки на гребные струги:

30 Оне все тута торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатора из Астрахани:
«А то коли он с вами, покажите ево нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Оне спрятовали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что ево спратовали».
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина-князя Данилу Александровича,

40 Изрубили ево во части мелкия,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А ево-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Оне все молодцы воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Комышевке-реке.

Во сибирской украине, во Даурской стороне

Во сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной н(а) Амуре-реке,
На ус(т)ье Комары-реке
Кзаки царя белова
Оне острог поставили,
Острог поставили,
Есак царю собрали

¹⁰ Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячи(я).
Круг оне || острогу Камарскова
Оне глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешонько

²⁰ Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне
На славному Амуру-реку

С неводочками шелковыми
Оне по рыбу свежую.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкова,
С хребта Шингальскова,

30 Из-за белого камня,
Из-за ручья глубокова
Выкоталася значечка,
Выкоталася значечко большее;
А знамя за знаменем идет,
А рота за ротами валит,
Идет боидоской князец,
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.

40 Как вешняя вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарскова,
Отрезали у казаков
Ретиво сер(д)це с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежую.

50 А и ездит боидоской князец

На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу Комарскова,
Кричит боидоской князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся, казаки,
Из острогу Комарскова!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром

60 Да и женски прелестными,
А женски[ми] прелестными,
И душами красны[ми] девиц[ами]».
Не сдаются казаки
Во остроге сидечи,
Кричат оне, казаки,
Своим громким голосом:
«Отъезжай, боидоской князец,
От острогу Комарскова!».
А втапоры боидоско(й) князец

70 Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки оне справилися,
За ружье сграбелися,
А бы́ла у казаков
Три пушки || медныя
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,

80 А прибили оне, казаки,
Тое силы боидоские,
Тое силы боидоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался боидоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарскова,
А сам заклинается:
«А не дай, боже, напредки бывать!».

90 На славной Амуре-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

Никите Романовичу дано село Преображенское

Да в старые годы, прежняя,
Во те времена первоначальная,
Когда воцарился царь-государь,
А грозны царь Иван Васильевич,
Что взял он царство Казанское,
Симеона-царя во полон полонил
С царицею со Еленою
Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Нова-города,
10 Что взял Резань, взял и Астрахань.
А ныне у царя в каменной Москве
Что пир идет у него навеселе,
А пир идет про князей, про бояр,
Про вельможи, гости богатя,
Про тех купцов про сибирскиех.
Как будет летне-ет день в половина дня,
Смиренна беседушка || навеселе,
А все тут князи-бояра
И все на пиру напивались,
20 Промеж собою оне расхвастались:
А сильной хвастает силою,
Богата-ет хвастает богатством.

Злата труба в царстве протрубила,
Прогласил царь-государь, слово выговорил:
«А глупы бояра, вы, неразумныя!
А все вы безделицей хвастаетесь,
А смею я, царь, похвалиться,
Похвалиться и похвастати,
Что вывел измену я из Киева

30 Да вывел измену из Нова-города,
А взял я Резань, взял и Астрахань».
В полатах злата труба протрубила,
Прогласил в полатах царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:
«А грозной царь Иван Васильевич!
Не вывел измены в каменной Москве:
Что есть у нас в каменной Москве
Что три большия боярина,
А три Годуновы изменники!».

40 За то слово царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшей Федор Иванович!
Скажи мне про трех ты бояринов,
Про трех злодеев-изменников:
Первова боярина в котле велю сварить,
Другова боярина велю на кол посадить,
Третьева боярина скоро велю сказнить».
Ответ держит тут царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:

50 «А грозной царь Иван Васильевич!

Ты сам про них знаешь и ведаешь,
Про трех больших бояринов,
Про трех Годуновых-изменников,
Ты пьешь с ними, ешь с еднова блюда,
Единую чарой с ними требуешь!».
То слово царю не взлюбилось,
То слово не показалось:
Не сказал он изменников по имени.
Ему тута за беду стало,
За великую досаду показалось,
Скрычал он, царь, зычным голосом:
«А ест(ь) ли в Москве немилостивы палачи?
Возьмите царевича за белы ручки,
Ведите царевича со царскова двора
За те за ворота москворецкия,
За славную матушку за Москву за реку,
За те живы мосты калиновы,
К тому болоту поганому,
Ко той ко луже кровавья,
⁷⁰ Ко той ко плахе белодубовой!».
А все палачи испужалися,
Что все в Москве разбежалися,
Един палач не пужается,
Един злодей выступается:
Малюта-палач сын Скурлатович.
Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку.
Перепахнула вестка нерадошна
Во то во село в Романовское,

80 В Романовское во боярское
Ко старому Никите Романовичу,
Нерадошна вестка, кручинная:
«А и гой еси, сударь мой дядюшка,
Ты старой Никита Романович!
А спишь-лежишь, опочив держишь,
Али те, Никите, мало можется?
Над собою ты невзгоды не ведаешь:
Упала звезда поднебесная,
Потухла в соборе свеча местная,

90 Не стало царевича у нас в Москве,
А меньшева Федора Ивановича!».
Много Никита не выпрашивает,
А скоро метался на широкой двор,
Скричал он, Никита, зычным голосом:
«А конюхи, мои приспешники!
Ведите наскоре добра коня
Неседленова, неуздонова!».
Скоро-де конюхи метались,
Подводят наскоре добра коня,

100 Садился Никита на добра коня,
За себе он, Никита, любимова конюха хватил,
Поскакал за матушку Москву за реку,
А шапкой машет, головой качает,
Кричит, он ревет || зычным голосом:
«Народ православной! не убейтесь,
Дайте дорогу мне широкую!».
Настиг палача он во полупутя,

Не дошел до болота поганова,
Кричит на ево зычным голосом:

110 «Малюта-палач сын Скурлатович!
Не за свойской кус ты хватаешься,
А этим кусом ты подавишься!
Не переводи ты роды царския!».
Говорит Малюта, немилостивой палач:
«Ты гой, Никита Романович!
А наше-та дела повеленое.
Али палачу мне самому быть сказнену?
А чем окровенить саблю вострую?
Что чем окровенить руки, руки белья?»

120 А с чем притить к царю пред очи,
Пред ево очи царския?».
Отвечает Никита Романович:
«Малюта-палач сын Скурлатович!
Сказни ты любимова конюха моево,
Окровени саблю вострую,
Замарай в крове руки белья свои,
А с тем поди к царю пред очи,
Перед ево очи царския!».
А много палач не выпрашивает,

130 Сказнил любимова конюха ево,
Окровенил саблю вострую,
Заморал руки белые свои,
А прямо пошел к царю пред очи,
Подмастерья ево голову хватил;
Идут к царю пред очи ево царския,

В ево любимую крестовую.
А грозны царь Иван Васильевич,
Завидевши сабельку вострую,
А востру саблю кровавую
140 Того палача немилостива,
Потом же увидел и голову у них,
А где-ка стоял он, и тута упал:
Что резвы ноги подломилися,
Что царски очи замутились,
Что по три дня ни пьет не ест.
Народ-християне православныя
Положили любимова конюха
На те || на телеги на ординския,
Привезли до Ивана Великова,
150 Где кладутся цари и царевичи,
Где их роды, роды царския,
Завсегда звонят во царь-колокол.
А старой Никита Романович,
Хватя он царевича, на добра коня посадил,
Увез во село свое Романовское,
В Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пир пошел у него на радостях,
А в трубки трубят по-ратному,
160 Барабаны бьют по-воинскому,
У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А все ведь причетники церковныя,

Отпевали любимова конюха.
А втапоры пригодился царь,
А грозны царь Иван Васильевич,
А трижды земли на могилу бросил,
С печали царь по царству пошел,
По тем широким по улицам.

170 А те бояре Годуновые идут с царем,
Сами подмолвились:
«Ты грозны царь Иван Васильевич!
У тебя кручина несносная,
У боярина пир идет навеселе,
У старова Никиты Романовича».
А грозны царь он и крут добре:
Послал посла немилостивова,
Что взять его, Никиту, нечестно к нему.
Пришел посол ко боярину в дом,

180 Взял Никиту, нечестно повел,
Привел ко царю пред ясны очи.
Не дошед, Никита поклоняется
О праву руку до сыру землю,
А грозны царь Иван Васильевич
А в правой руке держит царской костыль,
А в левой руке держит царско жезло,
По нашему, сибирскому, – остро копьё,
А ткнет он Никиту в праву ноги,
Пришил ево ко сырой земли,

190 А сам он, царь, приговаривает:
«Велю я Никиту || в котле сварить,

В котле сварить, либо на кол посадить,
На кол посадить, скоро велю сказнить:
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пир навеселе!
К чему ты, Никита в доме добре радошен?
Али ты, Никита, какой город взял?
Али ты, Никита, корысть получил?».
Говорит он, Никита, не с упадкою:

²⁰⁰ «Ты грозны царь Иван Васильевич!
Не вели мене казнить, прикажи говорить:
А для того у мене пир навеселе,
Что в трубочки трубят па-ратному,
В барабаны бьют по-воинскому —
Утешают млада царевича,
Что меньшева Федора Ивановича!».
А много царь не выпрашивает,
Хватя Никиту за праву руку,
Пошел в палаты во боярския,

²¹⁰ Отворяли царю на пету,
Вошел в палаты во боярския.
Поднебестна звезда уж высоко взашла,
В соборе местна свеча затеплялася,
Увидел царевича во большом месте,
В большом месте, в переднем угле,
Под местными иконами, -
Берет он царевича за белы ручки,
А грозны царь Иван Васильевич,
Целовал ево во уста сахарныя,

220 Скричал он, царь, зычным голосом:

«А чем боярина пожаловати,
А старова Никиту Романовича?
А погреб тебе злата-серебра,
Второе тебе – питья разнова,
А сверх того – грамота тарханная;
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет
И уйдет во село во боярское
Ко старому Никите Романовичу, -

230 И там быть им не в вѣдочѣ».

А было это село боярское,
Что стало село Преображенское
По той по грамоте тарханная.
Отныне ана слово и до веку.

Из монастыря Боголюбова старец Игренищо

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренища,
Игренища-Кологренища,
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-та старец под окошечко
(К) человеку к тому богатому,

¹⁰ Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи – свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она

²⁰ И за те за ворота за широкия,
Посмотрит старец Игренища-Кологренища
Во все четыре он во стороны,

Не увидел старец он, Игрениша,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются-не матаются,
И не рад-та старец Игрениша
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А трети – свеклы красныя,
30 А и рад-та девушке-чернавушке.
Ухватил он девушку-чернавушку,
Ухватил он, посадил в мешок,
Со тою-та редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по манастырю,
И увидели ево ребята десятильниковы,
И бросалися ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожныя,
10 А и тыкали у старца во шелковой мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы росол || пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Оне тута со старцом заздорили.
А и молится старец Игрениша,
А Игрениша-Кологренища:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
50 А меня вам обидить – не корысть получитьь.

Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,

А и я молодцов вас пожалую:

А и первому дам я пухов колпак,

А и век-та носить, да не износить;

А другому дам комчат кафтан,

Он весь-та во титивочку повыстеган;

А третьему дам сапожки зелен сафьян

Со темя подковами немецкими.

А и тут ему ребята свободу дают,

⁶⁰ И ушел он, старец Игрениша,

А Игренишша-Кологренишша

Во убогия он свои во кели(й)ки.

А по утру раненько-ранешонько

Не изробели ребята десятильниковы,

Промежу обедни, заутрени

Пришли оне, ребята десятильниковы,

Ходят оне по манастырю,

А и спрашивают старца Игрениша,

Игрениша-Кологрениша.

⁷⁰ А увидел сам старец Игрениша,

Он тем-та ребятам поклоняется,

А слово сказал им ласковое:

«Вы-та, ребята разумныя,

Пойдем-ка ко мне, в келью идите».

Всем рассказал им подробна все:

А четверть пройдет – другой приди,

А всем рассказал, по часам рассказал.

Монастырски часы были верныя,

А которой побыстрей их, ребят,

80 Наперед пошел ко тому старцу ко Игренишу.

Первому дал он пухов калпак:

А брал булаву в полтретья пуда,

Бил молодца по буйной голове —

Вот молодцу пухов колпак,

Век носить, да не износить,

Поминать старца Игрениша.

И по тем часам монастырским

А и четверть прошла – другой пришел.

А втапору старец || Игренища

90 Другому дает кофтан комчатной:

Взял он плетку шелковую,

Разболок ево, детину, донага,

Полтараста ударов ему в спину влепил.

А и тех-та часов монастырских

Верно та их четверть прошла,

И третей молодец во монастырь пошел

Ко тому старцу ко Игренишу,

Допрошался старца Игрениша.

И завидел ево старец Игрениша,

100 Игрениша-Кологрениша,

А скоро удобрил и в келью взял,

Берет он полена березовое,

Дает ему сапожки зелен сафьян:

А и ногу перешиб и другую подломил.

«А вот вы, ребята десятильниковы,

Всех я вас, ребят, пожаловал:

Первому дал пухов колпак,

А и тот ведь за кельей валяется,
А другому наделил я комчат кафтан,
¹¹⁰ А и тот не ушел из монастыря,
А последнему – сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

Садков корабль стал на море

Как по морю, морю по синему
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един сокол-корабль
Самово Садка, гостя богатова.

А все карабли, что соколы летят,
Сокол-корабль на море стоит.
Говорит Садко-купец, богатой гость:

«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди, подначальныя!
А вместо все || вы собирайтесь,
А и режьте жеребья вы валжены,
А и всяк-та пиши на имена
И бросайте вы их на сине море».

Садко покинул хмелево перо,
И на ем-та подпись подписано.
А и сам Садко приговариват:

«А ярыжки, люди вы наемныя!
А слушай речи праведных,
А бросим мы их на сине море,

²⁰ Которые бы поверху пловут,
А и те бы душеньки правыя,
Что которые-то во море тонут,
А мы тех спихнем во сине море».
А все жеребья поверху пловут,

Кабы яры гоголи по заводям,
Един жеребей во море тонет,
Во море тонет хмелево перо
Самово Садка, гостя богатова.
Говорил Садко-купец, богатой гость:

30 «Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
А вы режьте жеребья ветляныя,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами к ним приговаривай:
А которы жеребьи во море тонут, -
А и то бы душеньки правыя».
А и Садко покинул жеребей булатной,
Синева булату ведь заморскова,
Весом-то жеребей в десеть пуд.

40 И все жеребьи во море тонут, -
Един жеребей поверху пловет,
Самово Садка, гостя богатова.
Говорит тут Садко-купец, богатой гость:
«Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
Я са(м), Садко, знаю-ведаю:
Бегаю по марю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани-пошлины,

50 И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опусковал, -
По меня, Садка, смерть пришла,

И вы, купцы-гости богатые,
А вы, целовальники любимые,
А и все приказчики хорошия!
Принесите шубу соболиную!».
И скоро Садко нарежается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги вольящеты.
И спущали сходню ведь серебряну
Под красным золотом,
Походил Садко-купец, богатой гость,
Спускался он на сине море,
Садился на шахматницу золоту.
А и ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя

⁷⁰ Утащили сходню серебряну
И серебряну под красным золотом ее на сокол-корабль,
А Садка остался на синем море.
А сокол-карабль по морю пошел,
А все карабли, как соколы, летят,
А един карабль по морю бежит, как бел кречет,
Самово Садка, гостя богатова.
Отца-матери молитвы великия,
Самово Садка, гостя богатова:
Подымалася погода тихая,

⁸⁰ Понесло Садка, гостя богатова.
Не видал Садко-купец, богатой гость,

Ни горы, не берегу,
Понесло ево, Садка, к берегу,
Он и сам, Садко, тута дивуется.
Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую, во все дерево,
Нашел он двери, в избу пошел.

⁹⁰ И лежит на лавке царь морской:
«А и гой еси ты, купец-богатой гость!
А что душа радела, тово бог мне дал:
И ждал Садка двенадцать лет,
А ныне Садко головой пришел,
Поиграй, Садко, в гусли звончаты!».
И стал Садко царя тешити,
Заиграл Садко в гусли звончаты,
А и царь морской зачал скакать, зачал плесать,
И тово Садка, гостя богатова,

¹⁰⁰ Напоил питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьян он стал,
И уснул Садко-купец, богатой гость.
А во сне пришел святитель Николай к нему,
Говорит ему таковы речи:
«Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты:
Расплесался у тебе царь морской,

110 А сине море сколыбалося,
А и быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасныя
Тово народу православнова».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плесать,
Утихла моря синея,

120 Утихли реки быстрыя,
А поутру стал тута царь морской,
Он стал Садка уговаривать:
А и хочет царь Садка женить
И привел ему тридцать девиц.
Никола ему во сне наказовал:
«Гой еси ты, купец-богатой гость,
А станет тебе женить царь морской,
Приведет он тридцать девиц, -
Не бери ты из них хорошую, белыя румяныя,

130 Возьми ты девушку поваренную,
Поваренную, что котора хуже всех».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Он думался, не продумался,
И берет он девушку поваренную,
А котора девушка похуже всех.
А и тута царь морской
Положил Садка на подклете спать,

И ложился он с новобра[ч]ною.

Николай во сне наказал Садку

140 Не обнимать жену, не целуй ее!

А и тут Садко-купец, богатой гость,

С молодой женой на подклете спит,

Свои рученьки ко сер(д)цу прижал,

Со полуноче в просонье

Ногу леву накиннул он на молоду жену.

Ото сна Садко пробужался,

Он очутился || под Новым-городом,

А левая нога во Волх-реке, -

И скочил Садко, испужался он,

150 Взглянул Садко он на Нов-город,

Узнал он церкву – приход своих,

Тово Николу Можайскова,

Перекрестился крестом своим.

И гледит Садко по Волх, по Волх-реке:

От тово синя моря Хвалынскова

По славной матушке Волх-реке

Бегут-побегут тридцать кораблей,

Един корабль самово Садко, гостя богатова.

И встречает Садко-купец, богатой гость,

160 Целовальников любимых.

Все корабли на пристань стали

Сходни метали на крутой берег,

И вышли целовальники на крут берег,

И тут Садко поклоняется:

«Здравствуйте, мои целовальники любимыя

И приказчики хорошия!».

И тут Садко-купец, богатой гость,

Со всех кораблей в таможду положил

Казны своей сорок тысящей,

¹⁷⁰ По три дни не осматривали.

Добрыня купался – змей унес

Доселева Резань она селом слыла,
А ныне Резань словоет городом,
А жил во Резане тут богатой гость,
А гостя-та звали Никитою,
Живучи-та, Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку ево долгова
Осталось житье-бытье-богатество,
Осталось ево матера жена

¹⁰ Амелфа Тимофеевна,
Осталась чадо милая,
Как молоды Добрынюшка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила ево матушка грамоте учиться,
А грамота Никите в наук пошла,
Присадила ево матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хоробраю

²⁰ Во те жары петровския.
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
Купатися на Сафат-реку!».
Она, вдова многоразумная,

Добрыни матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дает:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
А молоды Добрыня Никитич млад!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,

30 В Израе-реке станешь купатися —
Израй-река быстрая,
А быстрая она, сердитая:
Не плавай, Добрыня, за первую струю,
Не плавай ты, Никитич, за другу струю».
Добрыня-та матушки не слушался,
Надевал на себя шляпу земли греческой,
Над собой он, Добрыня, невзгоды не ведает,
Пришел он, Добрыня, на Израй на реку,
Говорил он дружинушки хоробрыя:

40 «А и гой еси вы, молодцы удалыя!
Не мне вода греть, не тешити ее».
А все молодцы разболочалися
И тут Добрыня Никитич млад.
Никто молодцы не смеет, никто нейдет,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Перекрестясь, Добрынюшка в Израй-реку пошел,
А поплыл Добрынюшка за первую струю, -
Захотелось молодцу и за другую струю;
А две-та струи сам переплыл,

50 А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры белокаменны.
Неоткуль вз(я)лось тут лютой зверь,

Налетел на Добрынюшку Никитича,
А сам говорит-та Горынчища,
А сам он, Змей, приговаривает:
«А стары люди пророчили,
Что быть Змею убитому
От молода || Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках!».

60 Молился Добрыня Никитич млад:
«А и гой еси, Змеишша Горынчишша!
Не честь-хвала молодецкая
На ногое тело напускаешься!».
И тут Змей Горынчишша мимо ево пролетел,
А стали ево ноги резвья,
А молоды Добрынюшки Никитьевича,
А грабится он ко желту песку,
А выбежал доброй молодец,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,

70 Нагреб он шляпу песку желтова,
Налетел на ево Змей Горынчишша,
А хочет Добрыню огнем спалить,
Огнем спалить, хоботом ушибить.
На то-то Добрынюшка не робок был:
Бросает шляпу земли греческой
Со темя пески желтыми
Ко лютому Змею Горынчишшу, -
Глаза запорошил и два хобота ушиб.
Упал Змей Горынчишша

80 Во ту во матушку во Израй-реку.

Когда ли Змей исправляется,
Во то время и во тот же час
С(х)ва(т)ал Добрыня дубину тут, убил до смерти.
А вытощил Змея на берег ево,
Повесил на осину на кляпную:
Сушися ты, Змей Горынчишша,
На той-та осине на кляпная.
А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй-реке,

90 А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчишша,
Застал в гнезде ево малых детушак,
А всех прибил, попалам перервал.
Нашел в пещерах белокаменных
У лютова Змеишша Горынчишша,
Нашел он много злата-серебра,
Нашел в полатах у Змеишша
Свою он любимую тетушку,
Тое-та Марью Дивовну,

100 Выводит из пещеры белокаменны
И собрал злата-серебра.
Пошел ко матушке родимыя своей,
А матушки дома не годилася:
Сидит у князя || Владимера.
Пришел-де он во хоромы свои,
И спрятал он свою тетушку,
И пошел ко князю явиться.
Владимер-князь запечалился,
Сидит он, ничего свету не видит,

110 Пришел Добрынюшка к великому князю Владимиру,
Он Спасову образу молится,
Владимеру-князю поклоняется,
Скочил Владимир на резвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Целовал ево во уста сахарныя;
Бросилася ево матушка родимая,
Схватала Добрыню за белы руки,
Целовала ево во уста сахарныя.
И тут с Добрынею разговор пошел,

120 А стали у Добрыни выспрашивати,
А где побывал, где начевал.
Говорил Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь-дядюшка,
Князь Владимир, со(л)нцо киевско!
А был я в пещерах белокаменных
У лютова Змеишша Горынчишша,
А все породу змеиную ево я убил
И детей всех погубил,
Родимую тетушку повыручил!».

130 А скоро послы побежали по ее,
Ведут родимую ево тетушку,
Привели ко князю во светлу гридню, -
Владимер-князь светел-радошен,
Пошла-та у них пир-радость великая
А для-ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя Марьи Дивовны.

Первая поездка Ильи Муромца в Киев

Как из (с)лавнова города из Мурома,
Из тово села Корочаева
Как была-де поездка богатырская,
Нарежался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву
Он тою дорогою прамоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,
Через те леса брынския,
Через черны грязи смоленския,

¹⁰ И залег ея, дорогу, Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику,
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену стрелу,
Берет благословение великое у отца с матерью.
А и только ево, Илью, видели.
Прощался с отцом, с матерью
И садился Илья на своего добра коня,

²⁰ А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкия.
Как стегнет он коня по ту(ч)ным бедрам,

А и конь под Ильею рассержается,
Он первую скачку ступил за пять верст,
А другов скачка не могли найти.
Поехал он через те леса брянские,
Через те грязи смоленские.

Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах во брянских,

30 Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
И слышал Соловей-разбойник
Тово ли топку конинова
И то ли он поезде(з)ки богатырская,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеиному,
А в-третьи зрявкает по-звериному.
Под Ильею конь окарачился
И падал ведь на кукарачу.

40 Говорит Илья Муромец Иванович:
«А ты, волчья съешь, травеной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, во темных лесах,
Не слышал ты свисту соловьинова,
Не слышал ты шипу змеинова,
А тово ли ты || крику зверинова,
А зверинова крику, туринова?».
Разрушает Илья заповедь великую:
Вымает калену стрелу

50 И стреляет в Соловья-разбойника,

И попал Соловья да в правой глаз.
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земли,
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
Привезал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую,
Подъезжает ко подворью дворянскому,
И завидела-де ево молода жена,
Она хитрая была и мудрая,

60 И [в]збегала она на чердаки на вышния:
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тыныньки по маковке —
И по той по голове богатырския,
Наводила трубками немецкими
Ево, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброва молодца Илью Муромца.
И бросалась с чердака во свои высокия терема
И будила она девять сыновей своих:

70 «А встаньте-обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокия,
Берите мои золотыя ключи,
Отмыкаете мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречаете удала доброва молодца.
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-та вашего в тороках везет».

80 А и тут ее девять сыновей закорелися
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокия,
Не берут ее золотой казны,
А худым видь свои думушки думают:
Хочут обернуться черными воронами
Со темя носы железными,
Оне хочут расклевать добра молодца,
Тово ли Илью Муромца Ивановича,
Подъезжает он ко двору ко дворянскому,

90 И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится-убивается:
«Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!».
А ево-та дети Соловьевы
Неучливо оне поговаривают,
Оне только Илью видели,
Что стоял у двора дворянскова.

100 И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по ту(ч)ным бедрам:
Как бы конь под ним асержается,
Побежал Илья, как сокол летит.
Приезжает Илья он во Киев-град,
Среди двора княженецкова
И скочил он, Илья, со добра || коня,
Привезал коня к дубову столбу.

- Походил он во гридню во светлую
И молился он Спасу со Пречистою,
- 110 Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.
У великова князя Владимирера,
У нево, князя, почестной пир,
А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных-могучих богатырей.
И поднесли ему, Илье, чару зелена вина
В полтора ведра,
Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
- 120 Говорил ему ласковой Владимир-князь:
«Ты скажись, молодец, как именем зовут,
А по имени тебе можно место дать,
По изо(т)честву пожаловати».
И отвечает Илья Муромец Иванович:
«А ты ласковой стольной Владимир-князь!
А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,
И проехал я дорогу прамоезжую
Из стольнова города из Муррома,
Из тово села Карачаева».
- 130 Говорят тут могучие богатыри:
«А ласково со(л)нцо, Владимир-князь,
В очах детина завирается!
А где ему проехать дорогою прямоезжую:
Залегла та дорога тридцать лет
От тово Соловья-разбойника».

Говорит Илья Муромец:

«Гой еси ты, сударь Владимир-князь!

Посмотри мою удачу богатырскую,

Вон я привез Соловья-разбойника

¹⁴⁰ На двор к тебе!».

И втапору Илья Муромец

С великим князем на широкой двор

Смотреть его удачи богатырския,

Выходили тут князи-бояра,

Все русские могучие богатыри:

Самсон-богатырь Кольванович,

Сухан-богатырь сын Домантьевич,

Светогор-богатырь и Полкан другой

И семь-та братьев Сбродовичи,

¹⁵⁰ Еще мужики были Залешана,

А еще два брата Хапиловы, -

Только было у князя их тридцать молодцов.

Выходил Илья на широкой двор

Ко тому Соловью-разбойнику,

Он стал Соловья уговаривать:

«Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!

Посвисти, Соловей, по-соловьиному,

Пошипипи, змей, по змеиному,

Зрявкой, зверь, по-туриному

¹⁶⁰ И потешь князя Владимира!».

Засвистал Соловей по-соловьиному,

Оглушил он в Киеве князей и бояр,

Зашипел злодей по-змеиному,

Он в-третье зрявкает по-туриному,
А князи-бояра испугалися,
На корачках по двору напоззалися
И все сильны богатыри могучия.
И накурил он беды несносныя:
Гостины кони с двора разбежалися,
¹⁷⁰ И Владимир-князь едва жив стоит
Со душой княгиней Апраксевой.
Говорил тут ласковой Владимир-князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника,
А и эта шутка нам не надобна!».

Илья ездил с добрынею

Как из славнова города из Киева
Поезжали два могучие богатыри:
Поезжал Илья Муромец
Со своим братом названьем,
С молодым Добрынею Никитичем.
А и будут оне во чистом поле,
Как бы сверх тое реки Череги,
Как бы будут оне у матушки у Сафат-реки,
Говорит Илья Муромец Иванович:

10 «Гой еси ты, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Поезжай ты за горы высокия,
А и я, дескать, поеду подле Сафат-реки».
И поехал Добрыня на горы высокия,
И наехал он, Добрынюшка Никитич млад, бел шатер,
И начался Добрыня, какой сильной-могуч богатырь.
Из тово бела шатра полотнянова
Выходила тут баба Горынинка,
Заздрорелася баба Горынинка.

20 Молоды Добрыня Никитич,
Скочил Добрыня со добра коня,
Напушался он на бабу Горынинку —
Учинилася бой-драка великая:
Оне тяжкими палицами ударились —

У них тяжкия палицы разгоралися,
И бросили они палицы тяжкия,
Оне стали уже драться рукопашным боем.

Илья Муромец сын Иванович
А ездил он подле Сафат-реки,

30 И наехал он тута бродучей след
И поехал и по тому следу бродучему,
А наезжает он богатыря в чистом поле,
Он Збута Бориса-королевича.
А навтапоры Збут-королевич млад
И отвязывал стремя вожья выжлока,
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли-та выжлуку наказывает:
«А теперь мне не до тебе пришло,
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам

40 И корми ты свою буйну голову!».
И ясну соколу он наказыват:
«Полети ты, сокол, на сине море
И корми свою буйну голову,
А мне, молодцу, не до тебе пришло!».

Наезжает Илья Муромец Иванович,
Как два ясна сокола слеталися,
И наехал Збут-королевич млад,
Напускается он на старова,
На стара казака Илью Муромца,

50 И стреляет Илью во белы груди,
Во белы груди из туга лука.
Угодил Илью он во белу грудь,

Илья Муромец сын Иванович
Не бьет ево палицей тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута Бориса-королевича, -
Ево только сх(в)атил во белы руки
И бросает выше дерева стоячева.

60 Не видал он, Збут Борис-королевич,
Что тово ли свету белова
И тое-та матушки сырой земли,
И назад он летит ко сырой земли,
Подх(в)атил Илья Муромец Иванович
На свои он руки богатырския,
Положил ево да на сыру землю,
И стал Илья Муромец спрашивать:
«Ты скажись мне, молодец, свою дядину-вотчину!».
Говорит Збут Борис-королевич млад:

70 «Кабы у тебя на грудях сидел,
Я спорол бы тебе, старому, груди белыя».
И до тово ево Илья бил, покуда правду сказал.
А и сговорит Збут Борис-королевич млад:
«Я тово короля задонскова».
А втапоры Илья Муромец Иванович,
Гледючи на свое чадо милое,
И заплакал Илья Муромец Иванович:
«Поезжай ты, Збут Борис-королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыни матушки.

80 Кабы ты попал на наших русских богатырей,

Не опустили бы тебе оне живова от Киева».

И поехал тут Збут-королевич млад,

И приехал тут Збут-королевич млад

К тому царю задонскому,

Ко своей сударыне-матушке.

Матушке стал свою удачу рассказывать:

«А и гой еси, сударыня-матушка!

Ездил я, Збут-королевич млад,

Ко великому князю Владимиру

⁹⁰ На ево потешных лугах,

И наехал я в поле старова,

И стрелял ево во белы груди,

И схватал меня старой в чистом поле,

Меня чуть он не забросил за облако,

И опять подх(в)атил меня на белы груди».

Еще втапоры ево матушка

Тово короля задонскова

Разилася о сыру землю

И не может во слезах слово молвити:

¹⁰⁰ «Гой еси ты, Збут Борис-королевич млад!

Почто ты напушался на старова?

Не надо бы тебе с ним драться,

Надо бы съехаться в чистом поле

И надо бы тебе ему поклониться

А праву руку до сырой земли:

Он по роду тебе батюшка!».

Стары казак Илья Муромец сын Иванович

И поехал он на горы высокия

А искати он брата названова,

110 Молоду Добрынюшку Никитича.
И дерется || он с бабой Горынинкой,
Едва душа ево в теле полуднует.
Говорит Илья Муромец сын Иванович:
«Гой еси, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Не умеешь ты, Добрыня, с бабой драться,
А бей ты бабу..... по щеке
Пинай растуку мать под гузно,
А женской пол от тово пухол!».

120 А и втапоры покорила баба Горынинка,
Говорит она, баба, таковы слова:
«Не ты меня побил, Добрыня Никитич млад,
Побил меня стары казак Илья Муромец
Единым словом».
И скочил ей Добрыня на белы груди
И выдергивал чингалище булатное,
Хочет (в)спороть ей груди белыя.
И молится баба Горынинка:
«Гой еси ты, Илья Муромец Иванович!

130 Не прикажи ты мне резать груди белыя,
Много у меня в земле останется злата и серебра».
И схватал Илья Добрыню за белы руки,
И повела их баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Где лежит залота казна,
И довела Илью с Добрынею,
И стали они у погреба глубокова.

Оне сами тута, богатыри, дивуются,
Что много злата и серебра,

¹⁴⁰ А цветнова платья все русскова.

Огленулся Илья Муромец Иванович
Во те во раздоля широкия,
Молоды Добрынюшка Никитич млад
Втапоры бабе голову срубил.
То старина, то и деянье.

Князь Роман жену терял

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку во Смородину.
Слетались птицы разные,
Сбегались звери дубравные;
Откуль взелся млад сизой орел,
Унес он рученьку белую,
А праву руку с золотом перс(т)нем.

10 Сх(в)ати́лася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?».
Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман || Васильевич:
«Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,

20 А мытися и белитися,
А в цветно платье нарежатися».
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,

А сенные красны девушки!
Пойдем-та со мной на высокие теремы
Смотреть мою сударыню-матушку,
Каково она моится, белится,
А в цветно платья нарежается».

30 Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всем высокоем теремам,
Не могла-та найти своей матушки.
Опять приступила к батюшки:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где ты девал мою матушку?
Не могли мы сыскать в высокиех тѣремах».
Проговорит ей князь Роман,

40 А князь Роман Васильевич:
«А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками-мамками,
Со сенными красными девицами
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла во зеленой сад,
Во вишеньѣ, в орешеньѣ!».
Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками-мамками во зеленой сад,

50 Весь повыгуляли, нековб не нашли в зеленом саду,
Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:

Неоткуль взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золоты перс(т)нем;
Уронил он, орел, белу руку,
Белу руку с золотым перс(т)нем
Во тот ли зеленой сад.

А втапоры нянюшки-мамушки

60 Подхватили оне рученьку белую,
Подавали оне молодой княжне,
Молодой душе Анне Романовне.
А втапоры Анна Романовна
Увидела она белу руку,
Опáзновала она хорош золот перстень
Ее родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула,
Закричала тут молода княжна:

70 «А и гой еси вы, нянюшки-мамушки

А сенныя красныя деушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быстру реку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравныя звери сбегаются?».
Бросалися нянюшки-мамушки
А сенныя красныя деушки:

Покрай реки Смородины
Дубравныя звери кости делят,

80 Сороки, вороны кишки тащат.

А ходит тут в зеленом саду
Молода душа Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перс(т)нем,
А только ведь нянюшки
Нашли оне пусту голову,
Сбирали оне с пустою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили оне и пусту голову

⁹⁰ Со темя костью, со ребрушки
И ту белу руку с золотым перстнем.

Во хорошем высоком тереме, под красным косящетым окошком

Во хорошем-та высоком тереме,
Под красным, под косящетым окошком
Что голубь со голушкой воркует,
Девушка с молодцом речи говорила:
«А душечка, удалой доброй молодец!
Божился доброй молодец, ратился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давал мне Спасов образ,
Светителя Николу Чудотворца:

¹⁰ Не пить бы пива пьянова допьяна,
Зеленова вина не пить до повалу,
Сладкие медов беспросыпных.
А ноне ты, мой надежда, запивашься:
Ты пьешь-та пива пьянова допьяна,
Зеленое вино пьешь до повалу,
А сладкие пьешь меды без просыпу».
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Ты глупая девушка да неразумная!
Не с радости пью я, молодец, – с кручины,

²⁰ С тое ли..... великия печали:
Записан доброй молодец в салдаты,
Поверстан доброй молодец я в капралы,

Не то мне, доброму молодцу, забедно,
Что царь меня на службу ту посылает,
А то мне, доброму молодцу, забедно —
Отец-мати старешуньки остаются,
А некому поить будет их, кормити;
Еще мне, доброму молодцу, забедно,
Что с недругом в одном мне полку быти.

³⁰ В одной мне шириночке служитьи.

Про атамана польскова

Зарайским городом,
За Резанью за старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкова
Как бы гнедова тура
Привезли убитова,
Привезли убитова
Атамана || польскова,
Атамана польскова,

¹⁰ А по имени Михайла Черкашенина.

А птицы-ластицы
Круг гнезда убиваются,
Еще плачут малы ево дети
Над белым телом,
С високова терема
Зазрила молодая жена,
А плачет-убивается
Над ево белым телом,
Скрозь слезы свои

²⁰ Она едва слово промолвила,

Жалобно причитаючи,
Ко ево белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,

Тебе, света моего,
Привезли убитова,
Привезли убитова
Атамана польскова,
А по имени Михайла Черкашенина».

На литовском руближе

Как дáлече-далéче во чистóм полé,
Далече во чистом поле,
На литовском н(а) руближе,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленых,
На лугах, лугах зеленых,
Молода коня имал,
Молодец коня имал,

10 Дворянин-душа спрашивает:
«А и конь-та ли, доброй конь,
А конь наступчивой!
Зачем ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленя?
Зачем, конь, травы зеленя не ешь,
Воды не пьешь ключевя?».
Провещится доброй конь
Человеческим языком:
«Ты хозяин мой ласковой,

20 Дворянин-душа отецкой сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленые
И воды не пью ключевя,
Я ведаю, доброй конь,

Над твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую, -

30 А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе, молодцу, в поиманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,
Нужи-бедности великия,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду, ты, голоду,
Наготы-босоты вдвое того».
Позабыл доброй молодец

40 А и то время не(сч)ас(т)ливое,
Повестка ему молодцу
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,
Он во полках государевых.
От Смоленца || – города
Далече во чистом поле
Стоят полки царския,
А и роты дворянския,
А все были войска ро(с)сий(й)ския.

50 Из далеча чиста поля,
Из роздолья широкова
Напущались тут на их

Полки неверныя,
Полки неверныя,
Все чудь поганая.

А Чуда поганая на вылазку выехал,

А спрашивал противника

Из полков государевых,

Из роты дворянския,

⁶⁰ Противника не выскалось,

А он-то задорен был,

Дворянин, отецкой сын,

На вылозку выехал

Со Чудом драться,

А Чудо поганое [о] трех руках.

Съезжаются молодцы

Далече во чистом поле,

А у Чуда поганова

Одно было побоишша,

⁷⁰ Одно было побоишша —

Большая рагатина,

А у дворянина – сабля вострая.

Сбегаются молодцы,

Как два ясные соколы

В едино место слеталися.

Помогай бог

Молодцу дворянину русскому!

Он отводит рогатину

Своей саблей вострою

⁸⁰ Что у Чуда поганова;

Отвел ево рагатину,
Прирубил у него головы все.
Идолища поганая
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня,
У дворенина смоленскова —
Он ведь пеш, доброй молодец,
Бегает пеш по чисту полю,
Кричит-ревет молодец

⁹⁰ Во полки государевы:
«Стрельцы вы старья,
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратнова,
У часочку смертнова!».
А идолы поганья
Металися грудую все,
Схватили молодца,
Увезли в чисто поле,

¹⁰⁰ Стали ево мучати:
И не поят, не кормят ево,
Морят ево смертью голодную
И мучат смертью неподобною.
А пала молодцу на ум
Не(сч)астье великое,
Что ему доброй конь наказывал.
Изгибла головушка.
Ни за едину денежку.

Ох, в горе жить – некручинну быть

А и горя, горе-гореваньца!
А в горе жить – некручинну быть,
Нагому ходить – не стыдиться,
А и денег нету – перед деньгами,
Появилась гривна – перед злыми дни,
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхова,
Не откормить коня сухопарова,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.

А горя, горе-гореваньца!

А и лыком горе подпоясалась,
Мочалами ноги изапутаны!

А я от горя – в темны леса,

А горя прежде век зашол;

А я от горя – в поче[ст]ной пир,

А горя зашел, впереди сидит;

А я от горя – на царев кабак,

²⁰ А горя встречает, уж пива тащит,
Как я наг-та стал, насмеялся он.

Во зеленом садочку

Во хорошем во зеленом садочку
Гуляла душа красна девица.
Завидел удалой доброй молодец:
«Не моя ли-та земчуженка ката(е)тся?
Не моя ли-та алмазная ката(е)тся?
А сам бы-та я тое земчуженку проалмазил,
Посадил бы я на золотой свой спеченик,
Ко яхантам, двум камушкам, придвинул».
А девушка у девушки спрашивала:
10 «А с кем ночесь, сестрица, ты начевала?»
«Одна-де начесь я начевала,
В полночь лишь приходил ко мне докука,
Засыкал белу рубашку до пупа».
А девушка-та девушке припеняла:
«Зачем ты мне, сестрица, не сказала?
А я бы-де докуке досадила:
Всю ночь бы с себя я не спустила».

Чурилья-Игуменья

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почес(т)ных монастырей;
А и не было чуднея Благовещения Христова.
А у всякай церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему, по дьячку;
А у нашева Христова Благовещенья Ches(т)нова
А был у нас-де Иван понамарь,
А гораз(д) – де Иванушка он к заутрени звонить.

¹⁰ Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-та Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,

Честна Чурилья в олтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхняя,
²⁰ А поют оне на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А скоро походи ты по крылосам,

Ты спроси, что поют девицы, мешаются,

А мешаются девицы, усмеваются».

А и Федор-дьяк стал их спрашивать:

«А и старицы-черницы, души красныя девицы!

А что вы поете, сами мешаетесь,

30 Промежу собой девицы усмехаетесь?».

Ответ держут черницы, души красныя девицы:

«А и Федор-дьяк, девей староста!

А сором сказать, грех утаить,

А и то поем, девицы, мешаемся,

Промежу собой, девицы, усмехаемся:

У нас нету дьяка-запевальшика,

А и молоды Стафиды Давыдовны,

А Иванушки понамаря zde же нет».

А сказал он, девей староста,

40 А сказал Чурилье-игуменья:

«То девицы поют, мешаются,

Промежу собой девицы усмеваются:

Нет у них дьяка-запевальшика,

Стафиды Давыдьевны, понамаря Иванушки».

И сказала Чурилья-игуменья:

«А ты, Федор-дьяк, девей староста!

А скоро ты побегу по монастырю,

Скоро обойди триста келей,

Поищи ты Стафиды Давыдьевны.

50 Али Стафиды ей мало можется,

Али стоит она перед богом молится?».

А Федор-дьяк заскакал-забежал,

А скоро побежал по манастырю,
А скоро обходил триста келей,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,

60 Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени итти!».

Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой – медку сладкова,

70 И пали ему, старосте, во резвы ноги:

«Выпей стакан зелена вина,
Другой – меду сладкова
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».

А и тот-та Федор-девей староста
Он скоро пошел ко заутрени

И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,

80 Мало можется, едва ее душа полуднует.

А и та-та Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келей
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрыя,
И стала ее лечить-поить.

Высота ли, высота поднебесная

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты Непровския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,

¹⁰ А и быстрья реки понизовския.
При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям – родильницы,
Че(р)н(е)цы по дарогам – разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет.
Из далеча чиста поля

²⁰ Выскокал тут, выбегал
Суровец-богатырь Суздалец,
Богатова гостя, || заморéнин, сын.
Он бегаёт-скачет по чисту полю,
Спрашивает себе сопотивника.

Себе сильна-могуча богатыря
Побиться-подраться-порататься,
Силы богатырски протведати,
А могучи плечи приоправити.
Он бегал-скакал по чисту полю,

30 Хобаты метал по темным лесам —
Не нашел он в поле сопротивника.
И поехал ко городу Покидашу,
И приезжал ко городу Покидошу.
Во славном городе Покидоше,
У князя Михайла Ефимонтъевича,
У него, князя, почестной пир.
А и тут молодцу пригодилося,
Приходил на княженецкой двор,
Походил во гридню во светлую,

40 Спасову образу молится,
Великому князю поклоняются.
А князь Михайла Ефимонтъевич
Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
Подает ему, доброму молодцу,
А и сам говорил таково слово:
«Как молодец, именем зовут,
Как величать по изо(т)честву?».
Стал молодец он рассказовати:
«Князь-де Михайла Ефимонтъевич,

50 А мене зовут, добра молодца,
Суровец-богатырь Суздалец,
Богатова гостя, заморéнин, сын».

А и тут князю то слово полюбилось,
Посадил ево за столы убранья,
В ту скамью богатырскую
Хлеба с солью кушати
И довольно пити, прохлажатися.

Про дурня

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати,
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,

10 Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье, -
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,

20 Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам помочь,
Добрым людям!».

А черти не любят,
С(х)ватили дурня,
Зачели бити,
Зачели давити,
Едва ево, дурня,

30 Жива опустили.

Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воит,
А мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра-та – также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,

40 А ты бы молвил:

„Будь, враг, проклят
Именем господним
Во веки веков, аминь“.

Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Место клáду».

«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,

50 Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,

Таков не буду».
 Пошел он, дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати,
 Увидел дурень
 Четырех братьов, -

⁶⁰ Ечмень молотят.

Он им молвил:
 «Будь, враг, проклят
 Именем господним!».
 Бросилися к дурню
 Четыре брата,
 Стали ево бити,
 Стали колотити,
 Едва его, дурня,
 Жива опустили.

⁷⁰ Пришедши дурень домой-та,

Плачет, голосом воит.
 А мать – бранити,
 Жена – пеняти,
 Сестра-та – также:
 «А глупой, дурень,
 Неразумной, бабин!
 То же бы ты слово
 Не так же бы молвил,
 Ты бы молвил

⁸⁰ Четырем братьам,

Крестьянским детям:

„Дай вам боже

По́ сту на день,

По тысячу на неделю!“».

«Добро ты, баба,

Баба-ба(ба)риха,

Мать Лукерья,

Сестра Чернава!

Потом я, дурень,

⁹⁰ Я таков не буду!».

Пошел же дурень,

Пошел же бабин

На Русь гуляти,

Себя казати.

Увидел дурень

Семь || братьов

Мать хоронят,

Отца поминают,

Все тут плачут,

¹⁰⁰ Голосом воют.

Он им молвил:

«Бог вам в помочь,

Семь вас братьов,

Мать хоронити,

Отца поминати!

Дай господь бог вам

По́ сту на день,

По тысячу на неделю!».

Схватили ево, дурня,

110 Семь-та братов,
Зачели ево бити,
По земле таскати,
В говне валяти,
Едва ево, дурня,
Жива опустили.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воит.
Мать – бранити,
Жена – пеняти,

120 Сестра-та – также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Прости, боже, благослови,
Дай боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,

130 Пресветлой рай всем!“.
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!

Потом я, дурень,
Таков не буду!».

140 Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже, благослови!
Дай вам господь бог
Царство небесно,
В земле упокой,

150 Пресветлы рай всем!».
Наехали дружки,
Наехали бояра,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воеет.
Мать – его бранити,
Жена – пеняти,

160 Сестра-та – также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:

„Дай господь бог
Новобра(ч)ному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
170 Закон божей прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!“».
«Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу дурню

180 Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай господь бог
тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!».
Бросился старец,
Схватал ево, дурня,

190 Стал ево бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь:
Не жаль старцу

Дурака-та,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-та.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воев,
Матери росскажет.

²⁰⁰ Мать – ево бранити,
Жена – журити,
Сестра-та – также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Благослови меня, отче,
Святы игумен!“.

²¹⁰ А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду!».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,

²²⁰ Увидел дурень
Медведя за сосной:

Кочку роет,
Корову коверкат,
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен!
А от тебя дух дурен!».
Схватал ево медведь-ят,
Зачал драти,

²³⁰ И всего ломати,
И смертно коверкать,
И жопу выел,
Едва ево, дурня,
Жива оставил:
Пришедчи дурень домой-та,
Плачет, голосом воеет,
Матери росскажет.
Мать – ево бранити,
Жена – пеняти,

²⁴⁰ Сестра-та – также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,

250 Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!».
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.

Будет дурень
В чистом поле,

260 Встречу дурню
Шишков-полковник,
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал.
Наехали на дурня салдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,

270 Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

Голубина книга сорока пядень

Да с начала века животленнова
Сотворил бог небо со землею,
Сотворил бог Адама со Еввою,
Наделил питаньем во светлом раю,
Во светлом раю жити во свою волю.
Положил господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не скушать Адаму с едново древа
Тово сладка плоду виноградова.

10 А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа, -
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд:
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.

20 Оне тута стали в раю нагим-ноги,
А нагим-ноги стали, босешуньки, -
Закрыли соромы ладонцами,
Пришли оне к самому Христу,
К самому Христу-царю небесному.

Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты небесной царь, Иус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих,
Ты спусти на землю меня трудную,
30 Что копать бы землю капарулями,
А копать землю капарулями,
А и сеить семена первым часом».
А небесной царь, милосерде свет,
Опускал на землю ево трудную.
А копал он землю копарулями,
А и сеил семена первым часом,
Выростали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
40 Обуватися и одеватися.
От тово колена от Адамова,
От това ребра от Еввина
Пошли христиане православныя
По всей земли светорусския.
Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная.
После по той потопа по Ноевы,
А на той горе Сионския,
50 У тоя главы святы Адамовы
Выростала древо кипарисова.
Ко тому-та древу кипарисову

Выпадала книга голубиная,
Со небес та книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей.
А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок царей со царевичем.

⁶⁰ Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильныя богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильныя-могучи богатыри

⁷⁰ А и быют челом поклоняются
А царю Давыду Евсеевичу:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты книгу голубиную,
Подыми книгу, распечатывай,
Распечатовай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитывай:
От чего зачелся наш белой свет?
От чего зачался со(л)нцо праведно?
От чего зачелся и светел месяц?»?

⁸⁰ От чего зачалася заря утрення?

От чего зачалася и вечерняя?
От чего зачалася темная ночь?
От чего зачались часты звезды?».
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны могучи богатыри!

⁹⁰ Голубина книга не малая,
А голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу – не удержать,
Читать книгу – не прочести.
Скажу ли я вам своєю памятью,
Своей памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,

¹⁰⁰ От чего зачался со(л)нцо праведно,
От чего зачался || светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачались часты звезды.
А и белой свет – от лица божья,
Со(л)нцо праведно – от очей его,
Светел месяц – от темичка,
Темная ночь – от затылечка,

110 Заря утренняя и вечерняя – от бровей божьих,
Часты звезды – от кудрей божьих!».

Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильныя-могучия богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью,

120 Своей памятью стародавнюю:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?

130 И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«А небесной царь – над царями царь,
Над царями царь, то Исус Христос;
Акиян-море – всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец, -

Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.

140 А кит-рыба – всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати, -
На семи китах земля основана.
Ердань-река – рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати, -
Крестился в ней сам Исус Христос.
Сионская гора – всем горам мати, -
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладону.
Кипарис-древа – всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец, -
На нем распят был сам Исус Христос,
То небесной царь.
Мать божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-травы всем травам мати.

160 Единорог-зверь – всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец, -
А и ходит он под землю,
А не держут ево горы каменны,
А и те-та реки ево быстрыя;
Когда выдет он из сырой земли,

А и ищет он сопротивника,
А тово ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,

¹⁷⁰ Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять большину,
И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан – царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
(А) нагой-птица – всем птицам мати,

¹⁸⁰ А живет она н(а) акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости карабельшики
А на то гнездо нагай-птицы
И на ево детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленя корабли,

¹⁹⁰ А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град – всем градам отец.
Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Исус Христос,

Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московскаго».

Там на горах наехали бухары

Еще там на горах наехали бухары. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

А наехал Жинжа: «Здравствуй, масти пане!» *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Потонцуй же, Жинжа! – гаразд, масти пане! *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Он зачел же скакать, учел припевати. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандафуру!

Привели ему, жиду, что жидовку хорошу. *(Дважды)*.

¹⁰ Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Он зачал охлестывати и ошевертовати. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Еще имали были свои добрыя кони. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

А поехали были на своих добрых конях. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Оне с холмы на холмы, на холмы-горы. *(Дважды)*.

Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Еще хелмы да велми куварзы визан! *(Дважды)*.

²⁰ Весур, весур валахтантарах-тарандаруфу!

Еще шанцы да шпенцы, бекбеке бекенцы, бекушенцы.

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!

Гуляли девушки подле реки

По круту по красну бережку.

Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Сажали девушки хмель в огород.

Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Сами оне приговаривали:

«Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Рости, хмелюшка, корнем глубоком,

¹⁰ Корнем глубоком да ты листом широк!

Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Шишки велики, белы, что снег.

Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Без тебе, хмелюшка,

Пива не варят и вина не курят,

Добрыя молодцы не женятся,

Красны девицы замуж не идут.

Ох, горюна! ох, горю хмелина!».

Теща к зятю боса пришла,

²⁰ Она в полог к зятю нага легла,

Поутру встала, сам мокра:

«Зять-злокоман, не ты ли пошутил?

Не ты ли пошутил, подол намочил?».

«А и тешшинька ты, ты те(ш)ша ласковая!

Ко греху пришло до... дошло».

Теща к зятю закаялася:

«Да не дай бог бывать ко зятю в дом,

Да не дай бог бывать у зятя в доме,

Завали, боже, дорогу пенъем-колодьем,

³⁰ Пенъем-колодьем и выскорью!».

У Спаса к обедне звонят

У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренки – кокошнечки.
А и теща к обедни пошла
Что идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,

¹⁰ С ноги на ногу поступовает,
На бошмачки посматривает,
Чеботы накалачивает.
Все боги теща прошла,
А зашод-та – Николе челом,
А Николе Месницкому.
Все люди теща прошла,
А зашод-та – она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не гледит,

²⁰ Господин слово не говорит.
«А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочи моя,
Прогневит(ь) сер(д)це материна

И пролить бы горячу кровь.
А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у мене, у вдовы,
Будет с нево живота.

30 Пойду млада в торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кофтан,
Сошью дочери сарафан,
Чтобы зять дочери не бил,
Не гневил сер(д)це материна,
Не проливал бы горячу кровь».
У Спаса к обедни звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.

40 Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренки – кокошнички.
Она, теща, к обедни пошла,
А идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступовает,
На бошмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
А все боги теща прошла,

50 А зашод-та – Николе челом,
А Николе Месницкому.
Все люди теща прошла,

А зашод – она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
Зять на нее не гледит,
Господин слово не говорит,
«Вижу я, вижу сама,
А что есть || на нем бешеная,
Бить зятю дочь моя,
60 Прогневить сер(д)це материна,
Проливать бы горячу кровь.
Чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у меня, у вдовы,
Есть у меня, молоды,
А три церкви, три каменны,
А и маковицы серебряны,
Кресты позолочены,
Промежу теми церкви
70 Протекла быстрая река,
А на той на быстрой на реке
Много гусей-лебедей,
Много серых малых утачек,
А и тем будет зятя дарить,
Мне-ка тем господина дарить
И Дениса Борисовича».
А и зят(ь) на нее погледел,
Господин слово выговорил:
«Теща, ты теща моя,
80 Богоданная матушка!

Ты поди-тка живи у мене,
А работы не робь на мене,
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мне робенки кочай!».

Теща, ты теща моя

«А и теща, ты теща моя,
А ты чертова перешница!
Ты поди, погости у мене!».
А и ей выехать не на чем.
Пешком она к зятю пришла,
А в полог отдыхать легла
Она в жары петровския.
А зять на пиру пировал,
А увидел за женой за своей,
10 За ее-та за дочерью,
На повете чужова мужика,
Он худья-та шутки шутил.
Осердяся он домой-та ушел,
Ему тут поталанелося;
Изашел свою тешшенку
У себя в пологу, на мосту.
Смех отсмехивает,
Он и трублю от(т)рубливает.

Усы, удалы молодцы

Ах, даселева Усов и слыхом не слышать,
А слыхом их не слышать и видом не видать,
А нонеча Усы проявились на Руси,
А в Новом Усолье у Строгонова.
Они шепетко по городу похаживают,
А караблики бобровые, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны с подпушечками с комчатыеми,
А и синие чулки, астраханския черевики,
А красныя рубашки – косые воротники, золотые
плетни.

¹⁰ Собиралися Усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единой круг
Большой Усища всем атаман,
А Гришка-Мурышка, дворянской сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
«А братцы Усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и нада чем Усом голова кормить,
На полатех спать и нам сытым быть.
Ах нутя-тка, Усы, за свои промыслы!

²⁰ А мечитесь по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши и рогатины

И готовьтесь все!

Ах, знаю я крестьянина, богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,

30 А прохожих-та людей начевать не пушат,
А прямые дороги не сказывает.

Ах, надо-де к крестьянину умеючи идти:

А пó палю идти – не посвистовати,
А и пó бору идти – не покашливати,
Ко двору ево идти – не пошарковати.

Ах, у крес(т)янина-та в доме борзые кобели
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крепко заперты».

Пришли оне, Усы, ко крестьянскому двору,

40 А хваталися за забор да металися на двор.

Ах, кто-де во двери, атаман – в окно,
А и тот с борку, иной с борку,
Уж полна избушка принабуркалася.

А Гришка-Мурышка, дворянской сын,
Сел впереди под окном,

Сам и локоть на окно, ноги под гузно,
Он сам говорит и усом шевелит:

«А и ну-тка ты, крестьянин, поворачивайся!

А и дай нам, Усам, и попить и поесть,

50 И попить и поесть и позавтрекати».

Ох, метался крестьянин в большей анбар,

И крестьянин-ат несет пять пуд толокна,
А старуха-та несет три ушата молока.
Ах, увидели Усы, молодые молодцы,
А и ка(дь) большу, в чем пива варят,
Замешали молодцы оне теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: «Ах вы, добрые молодцы,
Вы не брезгуйте:

60 А и по-нашему, по-русски, холоденушка!».
Оне по кусу хватили, только голод заманили,
По другому хватили, приоправилися,
Как по третьему хватили, ему кланелися:
«А спасибо те, крестьянин, на хлебе-на соли
И на кислом молоке, на овсяном толокне!
Напоил нас, накормил да и животом надели,
Надели ты нас, Усов, по пятидесят рублей,
А большему атаману полтараста рублей».
А крестьянин-ат божится: «Права, денег нет».

70 А старуха ратится: «Не полушечки!».
А дурак на печи, что клеит, говорит:
«А братцы Усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, Усов, всех оделять,
А мне-де дураку, не достанется;
А все копит зятьям, растаким матерям».
А проговорит Усища, большей атаман:
«Братцы Усы, за свои промыслы!
Ох, ну-тко, || Афонас, доведи ево до нас!

80 Ах, ну-тко, Агафон, да вали ево н(а) агонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах, колите заслон, да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь среди избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите жопой на огонь!».
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах, стал крестьянин на огонь пердеть,
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под камня с деньгами кубышечку,

90 Приносил крестьянин да бряк на стол:
«Вот вам, Усам, по пятидесят рублей,
А большому-та Усишу полтараста рублей!».
Вставали Усы, они крестьянину кланеются:
«Да спасибо те, крестьянин, на хлебе-на соли.
И на овсяном толлокне, на кислом молоке!
Напоил нас, накормил, животом наделил.
Ах, мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя уьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем».

Кто травника не слышал

А и деялося в весне
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-та синева,
Из-за гор высокиех,
Из-за лесу, лесу темнова
Вылетал молодой Травник.
Прилетал молодой Травник,

¹⁰ Молодой зуй болотиник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок,
Своей левой ноженькой,
Он правым крылошком,
Да мезиным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!

²⁰ Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник во плужку,
Едва Травник вырволся.
(В)звился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,

Залетел Травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок-то кручок.
А и тут поймали ево,
Били ево в дуплю,

30 Посадили ево в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то ево выпустили,
Да кнутом ево выстегали,
По редам ево выводили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на храмой лошади,
А все Травника смотрет(ь),
Все молодова смотреть —

40 Едва Травник вырволся.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу
И ко Марьи Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
А низко спину || гнет,

50 Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.

А Семен Травника не взлюбил,
Господин Травника не взлюбил:

«А что за птица та,

А что за лукавая?

Она ходит лукавится,

Збой за собой держит,

А и низко спину гнет,

60 А носом в землю прет».

И Семен Травника по щеке,

Господин по другой стороне,

А спину – хребет столочил,

Тело-печен(ь) прочь отоптал.

Пряники сладкия,

Сапогами печатанья,

Калачи крупичетья,

Сапогами толоченья.

Втапоры мужики,

70 Неразумныя канакжана,

Оне ходят дивуются:

«Где Травника не видать?

Где молодова не слыхать?

Не клюет травынъки

Он вечны зеленья».

Говорит Травникова жена,

Душа Анна Семеновна,

А наливная ягодка,

Виноградная вишенъе:

80 «А глупы мужики,

Неразумныя канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести,
А Семен ево подчивал,
Господин ево чествовал:
Спину-хребет столочил,
Тело-печень отоптал».

Свиньи хрю, поросята хрю

Свиньи хрю, поросята гиги, гуси гого.
Встани, затопляй, перекисла, мешай.
Чья была кручина – нещопана лучина,
А великая печаль – на пече детей кочать.
Плачет дитя, возрыдает дитя – пособити нельзя.
Бачка сердит, так мачка...
Пиво-то в шубе, вино в зипуне, брага в шебуре.
Процельга вода и нога и боса, она без пояса.
Кто напьется воды – не боится беды,

¹⁰ Никакой кормолы и не дьявольшены.
Когда Москва женилась, Казань понела,
Понизовные города в приданья взяла:
Иркутска, Якутска, Енисейской городок,
А и Нов-город был тысяцкой,
А Уфа-та... сваха была,
Кострома-город хохочет,
В поезду ехать не хочет.
А вздумали-(в)згодали по Куракина послали.
А Куракин говорит:

²⁰ «Изопьем-ка вина, то прибудет ума!».
Испили маленько, шумит в голове,
Испить боло побольше – побольше шумит,
Изопьем, посидим, пошлем по жены, по свои госпожи.
А жены наши идут, будто утачки плывут,

А и матери идут, будто свиньи бредут.

А и ел чеснок, отрыгается,

Целовал молоду, то забыть нельзя.

А капуста в масле – не ества ли то?

А грибы с чесноком – не волога ли то?

30 Молодица в шапке – не девка ли то?

Веселой молодец – не утеха ли то?

Мать дочери своей говаривала и наказывала:

Не велела молоденьки с мужем спать,

Под одежду...

А и я молода с глупа разума-ума

Потихоньку..... и всего мужа.....

«А спи ты, мой муж, не раскатывайся,

Что сизой голубок на гнездушке».

А и мужу-то жена свету || видети дала:

40 Петлю на шею сама взложила,

Ана милому в окошко конец подала:

«Мил, потени! мой голубчик, потени!».

Милой потянул, ее муж-ат захрипел,

Будто спать захотел.

А и я мужа не била, не бранивала,

А и только..... сыну говаривала:

«Ешь, муж, нож, ты гложи ножны,

А и сохни с боку, боли с хребту,

Со всего животу!».

50 А и ела баба сметану, да брюхо болит,

А гледела бы на милова да муж не велит,

Под лавкой лежит, он сабакой ворчит,

Кобелем визжит.

Баба....., хочет баню сбить, потолок своротить.

Двери выставити, баню выстудити.

Ваня – в баню, жена ево – за баню,

Василей – на сенях.

Бог дал сына, сына Екима,

А затем будет Иван, добро будет и нам.

⁶⁰ А щука-де – не рыба, лень – не еда,

А чужа жена – ожога,

Ожгла молодца поперек животца.

А (щу)чины не ем, коросей-та не ем,

А и ем треску, припру к шес(т)ку.

А жена мужу... на истопке,

Привела ево смотреть:

«Вот, муженек, голубей гнездо

Тебе киевских, мохноногиньких».

Попадья на попа разгузынилася-распечалился,

⁷⁰ А кобылу-ту колом и корову-ту колом,

Она мелкова скота ослопиною с двора,

Он видит, поп, неминучую свою,

Ухватил он книгу, сам бегом из избы.

Стать почитать, стать сказывать

А стать почитать, стать сказывати:

А и города все, пригородья все,

Малую деревню – и ту спомянуть.

А в Нижнем славном Нове-городе, на перегорodie

В бубны звонят, в горшки благовестят,

Да помелами кадят, мотовилами крестят,

Стих по стиху на дровнях волокут.

А и молоду молодку под полос(т)ью везут.

А на лавицы ковер, на пече приговор,

¹⁰ На полатех мужик с Ориною лежит.

А не мил мне Семен: не купил мне серег,

Только мил мне Иван: да купил сарафан,

Он, положи на лавку, примеривать стал,

Он красной клин в середку вбил.

А был я на Волме, на Волме-горах,

А купил я девоньку, да Улкой зовут,

Дал я за девоньку полтину да рубль.

О станишниках или разбойниках

Как дáлече-далéче во чистом поле,
Что ковыль-трава во чистом в поле шатается, -
А и ездит в поле стар-матер человек,
Старой ли казак Илья Муромец.
А и конь ли под ним кабы лютой зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол.
Со старым ведь денег не годилось:
Только червонцов золотых с ним семь тысячей,
Дробных денег сорок тысячей,

¹⁰ Коню ведь под старым цены не было.

Почему-то цены ему не было?
Потому-то коню цены не было, -
За реку-то он броду не спрашивал,
Котора река цела верста,
А скачет он с берегу на берег.

Наехали на старова станишники,
По-нашему, русскому, разбойники,
Кругом ево, старова, облавили,
Хотят ево, старова, ограбити,

²⁰ С душой, с животом ево разлучить хотят.

Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня, старова, вам не за что,
А взяти у старова нечево!».

Вы(мал) он из налушна крепкой лук,
Винимал он ведь стрелку каленую,
Он стреляет не по станишникам, -
Стреляет он, старой, по сыру дубу.
А спела титивка у туга лука,

30 Станишники с коней попадали,
Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья в ножевые дуб.
От тово-та ведь грому богатырскова,
Тово-та станишники испужалися,
А и пять оне часов без ума || лежат,
А и будто ото сна сами пробужаются:
А Селма стает, пересемывает,
А Спирия стает, то постыривает,
А все оне, станишники, бьют челом:

40 «Ты старой казак Илья Муромец!
Возьми ты нас в холопство вековечное!
Дадим рукописанье служить до веку».
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилу сыну Пленковичу
Про старова казака Илью Муромца».

О Атамане Фроле Минеевиче

Приуныли, приутихли (*Дважды*) на Дону донски да каза[ки]

А еицкие, донские (*Дважды*), запороцкие.

А и почем он[и при]уныли?

Потому оне приуныли (*Дважды*) на Дону дон[ски да ка]заки,

Ах, что взял у них государь-царь (*Дважды*)... город

Со тремя с темя са малыми с пригородка[ми],

А и со славною су Губаньей, с крепким Лютиком.

А во славном да во Черкасском во земляном городке

А стоит у казаков золотой бунчуг,

¹⁰ А на бунчуге стоит чуден золот крест,

А перед крестом туто стоит войскавой их атаман,

А по имену ли Фрол сын Минеевич.

Ко кресту тут собиралися донски казаки,

А и донские, гребенские, запоротски хохлачи.

Становились молодцы во единой войскоой круг,

Среди круга стоит войскоовой атаман,

А по имену ли Фрол сын Минеевич.

Атаман речи говорил, || будто в трубу трубил:

«А и вы, братцы казаки, вы яицкие, донски (*Дважды*), запоротские!

²⁰ Пособите мне, атаману, [в]ы думу думати:

Челобитна ли нам писати, государю... подавать?

Самому ли мне, атаману, в Москву ехать?

[Пе]ремерье бы нам взять перед самим царем:

[З]але[г]ли пути-дороги за сине море гулять (*Дважды*)

Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми,

Залегли пути-дороги за сине море,

А и не стало нам добычи на синем море

И на тихом Дону на Иваныче».

И поехал атаман в каменну Москву.

³⁰ Еще будет атаман [в к]аменной Москве,

Поклонился государю о праву руку,

С[кво]зь слезы он словечко едва выговорил:

«Ах ты, свет (н)аш, надежда, благоверны царь,

А и грозен судар(ь), Петр Алексеевич!

Прикажи нам на Дону чем кормиться: (*Дважды*)

Залегли пути-дорож[ки] за си[н]е море

От вора от Васьки от Голицына с детьми,

Еще те..... дороги увольные».

О Стеньке Разине

А и по (к)рай было моря синева, (*Дважды*)

А на ус(т)ь(е) Дону тихова,

На крутом красном берегу

А и стоит крепкой Азов-город (*Дважды*)

Со стеной белокаменной, (*Дважды*)

И со башными наугольными, (*Дважды.*)

И со рвами глубокими, (*Дважды*)

С земляными роскатами, (*Дважды*)

И с рогатками железными.

¹⁰ Среди Азова-города

Тут сто[ит] темна темница.